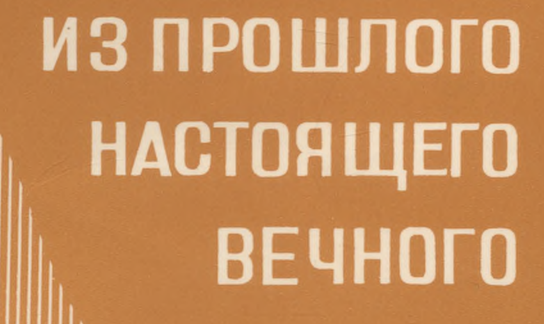
КН. СЕРГЕЙ ВОЛКОНСКИЙ

БЫТ И БЫТИЕ

ИЗ ПРОШЛОГО
НАСТОЯЩЕГО
ВЕЧНОГО

YMCA-PRESS

КН. СЕРГЕЙ ВОЛКОНСКИЙ БЫТ И БЫТИЕ

КНЯЗЬ СЕРГѢЙ ВОЛКОНСКІЙ

БЫТЪ И БЫТІЕ

ИЗЪ ПРОШЛАГО
НАСТОЯЩАГО
ВѢЧНАГО

1 9 2 4

К-во „МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ“

КНЯЗЬ СЕРГѢЙ ВОЛКОНСКІИ

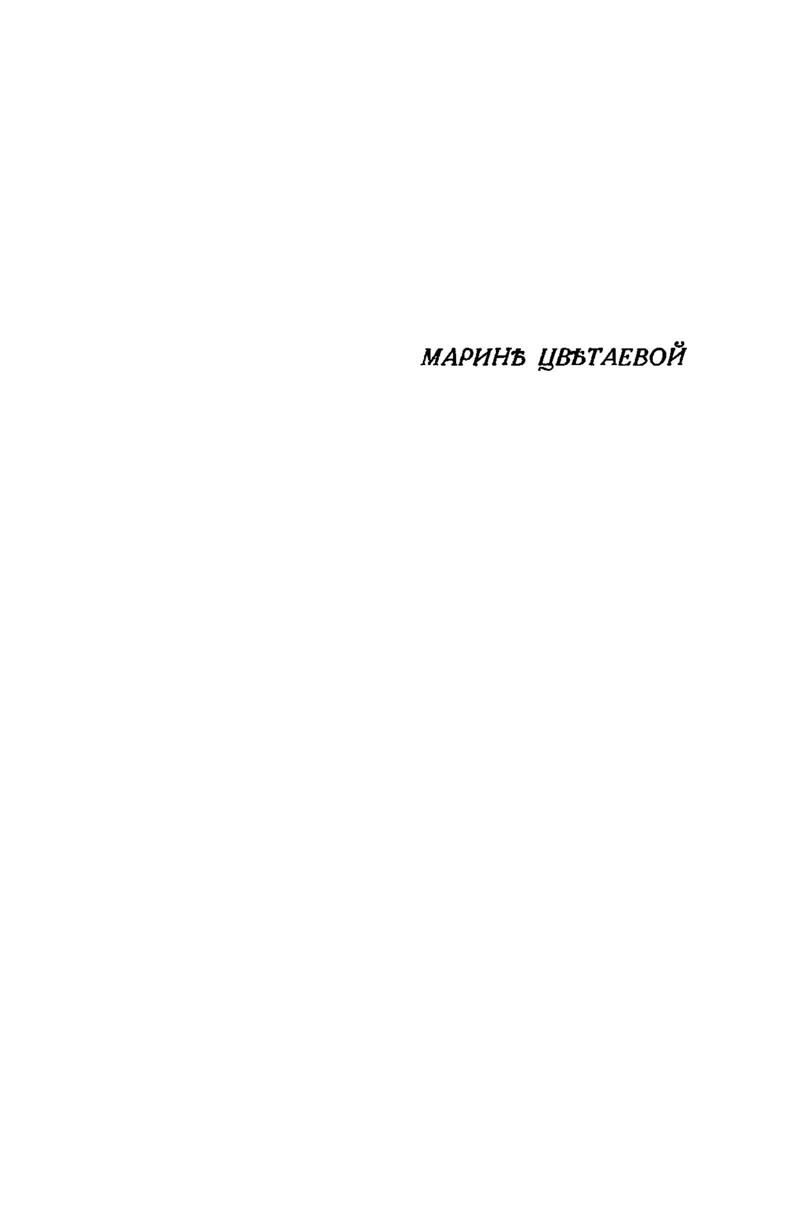
БЫТЪ И БЫТІЕ

ИЗЪ ПРОШЛАГО
НАСТОЯЩАГО
ВѢЧНАГО

YMCA-PRESS

11, rue de la Montagne-Ste-Geneviève, 75005 Paris

YMCA-PRESS, 1978.

МАРИНѢ ЦВѢТАЕВОЙ

Милая Марина,

Почему я Вамъ посвящаю эту книгу? Вы и сами знаете. Впрочемъ, непрочь перечислить причины. (Вамъ нравится это чередованіе *П* и *Р*, и *О* и *И*, — знаю. Но увѣряю, — въ данномъ случаѣ — не намѣренно).

Всегда Вы мнѣ говорили: „Заведите себѣ записную книжку». Вы почему-то находили, что то, что у меня иногда срывалось съ языка въ разговорахъ нашихъ, — замѣчанія, впечатлѣнія, сравненія, оцѣнки, — заслуживаетъ быть передано тому, что принято называть вѣчностью, то-есть попросту — печатному станку. Я не находилъ, а тѣмъ менѣе соглашался завести записную книжку: терпѣть не могу. Мнѣ всегда казалось, что записная книжка ослабляетъ память, а, слѣдовательно, уменьшаетъ силу личности. Понимаю — писать; но записывать? Нѣтъ, надо умѣть въ себѣ найти, а не въ какихъ-то лоскуткахъ, которые въ карманѣ треплются. Когда я что «записалъ», я тѣмъ самымъ изгналъ это изъ себя, я, какъ бы сказать, измѣнилъ химическій составъ своего *Я*, и, конечно, въ сторону обѣднѣнія. Мысль незаписанная есть зерно, пребывающее въ почвѣ; записанная — выкинута наружу. Вотъ почему никогда не имѣлъ записной книжки и почему Вашему совѣту не послѣдовалъ. Но Вы продолжали приставать, въ письмахъ приставать. Послѣ того,

что въ теченіе двухъ лѣтъ мы съ Вами прожили въ Москвѣ, что въ теченіе двухъ лѣтъ, не унывая, духомъ бодрымъ пробивали мракъ и мразь совѣтскаго житья, судьба насъ разлучила. Я былъ въ Парижѣ, Вы жили въ Прагѣ. (Я знаю, — Вамъ и тутъ нравится чередованіе *П* и *Р*, и преобладаніе *А*, но и тутъ не моя вина). Мы обмѣнивались письмами, и въ письмахъ Вы продолжали приставать, но уже не насчетъ записной книжки, а насчетъ книги, — пишите да пишите.

Что? О чемъ?

Вы стали мнѣ присылать выписки изъ моихъ же писемъ: вотъ, молъ, о чемъ, — развивайте, распространяйте. Странно мнѣ было видѣть себя превращеннаго въ цитату. Но я пошелъ по Вашему указанію и, не зная еще, куда это меня приведетъ, сталъ самъ собою питаться. Это самоѣдство оказалось болѣе питательнымъ, чѣмъ я предполагалъ. Такъ произошла эта книжка. Вы повинны въ ея возникновеніи.

Теперь о содержаніи. Какъ объяснить? Гдѣ-то въ своихъ изреченіяхъ Маркъ Аврелій спрашиваетъ — «Что такое жизнь?» И отвѣчаетъ — «Дымъ, зола и разсказъ, — даже не разсказъ». Дымъ и зола то, о чемъ пишу; и даже не разсказъ. Значитъ, жизнь? Да, жизнь, всегда жизнь. Думалъ, было, взять эти слова Марка Аврелія эпиграфомъ къ книжкѣ. Но, несмотря на то, что они такъ хорошо подходятъ, они все-таки не годятся. Они односторонни. Односторонни, потому что указываютъ только на то, что есть въ моемъ предметѣ преходящаго, мимолетнаго. Между тѣмъ, говорю не объ

одномъ преходящемъ. Вѣдь нѣтъ явленія, нѣтъ впечатлѣнія въ жизни нашей, которое, при всей мимолетности своей, не покоилось бы на нерушимыхъ законахъ. Потому, говоря о мимолетномъ, мы въ то же время говоримъ о вѣчномъ. Тутъ и легкое, и тяжелое, и глубокое, и поверхностное, и сомнительное, и непреложное, и неуловимое, и незыблемое. Вотъ почему считалъ слова друга Марка непокрывающими содержанія моихъ наблюденій, впечатлѣній, размышленій. Думаю, что, объяснивъ, почему эти его слова не подходящи, я вмѣстѣ съ тѣмъ до нѣкоторой степени раскрылъ содержаніе послѣдующихъ страницъ. Впрочемъ, дамъ Вамъ еще, для вящаго разъясненія, одно сравненіе.

Бывали Вы когда-нибудь въ типографіи? Ну, конечно, бывали, — автору, хотя бы и поэту, да не бывать въ типографіи! Конечно, бывали. Но замѣчали ли Вы, какъ работаетъ станокъ? Напримѣръ, кладутъ листъ бѣлой бумаги на желѣзныя лапы станка. Лапы тихонько, можно сказать, — нѣжно его поднимаютъ и нѣжно прикладываютъ къ той доскѣ, на которой буквы, — только прикладываютъ. Но попробуйте между этими лапами и доскою съ буквами положить палецъ, — Вашъ палецъ будетъ раздавленъ, уничтоженъ этимъ нѣжнымъ, преходящимъ прикосновеніемъ. Вотъ, то же и въ природѣ: малѣйшее, тончайшее, легчайшее прикосновеніе къ впечатлительности нашей есть дѣйствіе тяжелыхъ, грозныхъ въ нерушимости своей, безжалостныхъ въ неизмѣнности своей законовъ. Понимаете, о чемъ моя книжка? Нѣтъ? Ну, такъ прочитайте. А теперь еще о заглавіи.

Однажды Вы мнѣ написали, что нравится Вамъ, какъ я быстро отъ непріятныхъ вопросовъ быта перехожу къ сверхжизненнымъ вопросамъ бытія. И тутъ же я подумалъ, какое было бы красивое заглавіе — «Бытъ и Бытіе». Но какъ, подумалъ я, трудно написать такую книгу, которая бы такому заглавію соотвѣтствовала. Признаюсь, когда я началъ, я совсѣмъ не думалъ, даже забылъ объ этомъ заглавіи и только на восьмой главѣ, говоря о русскомъ уѣздномъ городѣ, вдругъ почувствовалъ, что я вѣдь именно объ этомъ пишу *). Такова исторія заглавія, — Вы видите, что оно принадлежитъ Вамъ.

Но не одно только слово, не одинъ словесный звукъ Вамъ принадлежитъ. Принадлежитъ Вамъ и содержаніе этого звука, то есть раскрытіе его содержанія.

Это было въ тѣ ужасные, гнусные московскіе года. Вы помните, какъ мы жили? Въ какой грязи, въ какомъ безпорядкѣ, въ какой бездомности? Да это что! А помните нахальство въ папахѣ, врывающееся въ квартиру? Помните наглыя требованія, издѣвательскіе вопросы? Помните жуткіе звонки, омерзительные обыски, оскорбительность «товарищескаго» обхожденія? Помните, что такое былъ шумъ автомобиля мимо оконъ: остановится или не остановится? О, эти ночи!...

---

*) Вы замѣтите, что только въ этомъ мѣстѣ въ первый разъ эти два понятія сопоставляются въ видѣ формулы; впослѣдствіи чаще и все чаще, такъ что къ концу смыслъ книги сгущается (надѣюсь, по крайней мѣрѣ).

А заря? Aurora, hora aurea (Заря, часъ златой)? Помните зори? Когда-то Пушкинъ писалъ:

Но вотъ багряною рукою
Заря отъ утреннихъ долинъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Веселый праздникъ имянинъ.

А теперь что выводитъ она, — не отъ утреннихъ долинъ, а изъ застѣнковъ и отъ свальныхъ ямъ? Что выводила заря багряною, да багряною, обагренною рукой? Кровавую повѣсть ночи. Была ли хоть одна заря безъ жертвъ, безъ слезъ, безъ ужасовъ?.. Не могутъ, не могутъ понять тѣ, кто не жили тамъ,—не могутъ. Странно, не умѣютъ люди перенестись въ такія условія, въ которыхъ сами не были, — не хватаетъ людского воображенія. И сердиться на нихъ за это нельзя: развѣ можетъ воображеніе человѣческое нарисовать то, чего вообразить не можетъ? Но меня еще одно удивляетъ: какъ люди не способны примѣнить къ себѣ самимъ то, черезъ что прошли другіе. Перейти отъ дѣйствительности чужого страданія къ возможности собственнаго страданія, — какъ мало людей способны на этотъ шагъ!... И знаете, еще что я замѣтилъ? Людямъ не нравится слушать про чужія мытарства, — скучно, надоѣло, — пріѣлось. Представьте себѣ — пріѣлось! О, какъ легко было бы жить на свѣтѣ, если бы свои страданія такъ же легко пріѣдались, какъ разсказъ о чужихъ!... Но мы съ Вами знаемъ, мы жили тогда, мы жили тамъ. И страшно было жить, но и стыдно было жить, когда кругомъ такъ много умирали. А дышать

тѣмъ самымъ воздухомъ, которымъ дышатъ женщины-разстрѣльщицы? А дѣти, игравшіе въ разстрѣлъ? А разсказы пріѣзжихъ изъ провинціи: этотъ маленькій четырнадцатилѣтній палачъ, который на площадкѣ лѣстницы съ револьверомъ поджидалъ проходящихъ осужденныхъ и выстрѣломъ въ затылокъ спускалъ ихъ внизъ по ступенямъ?.. И мы дышали тѣмъ же воздухомъ. И мы жили. И мы выжили... Помните все это? Такъ вотъ, — это былъ совѣтскій бытъ.

А помните наши вечера, нашъ гадкій, но милый на керосинкѣ «кофе», наши чтенія, наши писанія, бесѣды? Вы читали мнѣ стихи изъ Вашихъ будущихъ сборниковъ. Вы переписывали мои «Странствія» и «Лавры»... Какъ много было силы въ нашей неподатливости, какъ много въ непреклонности награды! Вотъ это было наше бытіе.

Вы не забыли, какъ Вы жили? Въ Борисоглѣбскомъ переулкѣ. Вѣдь нужно же было, чтобы «Вашъ» переулокъ носилъ имя «моего» уѣзднаго города! Въ Борисоглѣбскомъ переулкѣ, въ нетопленномъ домѣ, иногда безъ свѣта, въ голой квартирѣ; за перегородкой Ваша маленькая Аля спала, окруженная своими рисунками, — бѣлые лебеди и Георгій Побѣдоносецъ,—прообразы освобожденія... Печурка не топится, электричество тухнетъ. Лѣстница темная, холодная, перила донизу не доходятъ, и внизу предательскія три ступеньки. Съ улицы темь и холодъ входятъ безпрепятственно, какъ законные хозяева... Противъ Вашего дома, на той сторонѣ переулка два корявыхъ тополя, такіе несуразные, уродливые, — огромные карлики. Мы вы-

ходимъ въ лунный свѣтъ. Вы босикомъ, или почти,— сандаліи на босу ногу; въ котомкѣ у Васъ ржаныя лепешки и рукопись стиховъ. На улицѣ лошадиная падаль лежитъ, и изъ брюха ея вразсыпную кидаются собаки; а сверху звѣзды сіяютъ; мы шарахаемся всторону,—обдаетъ насъ грязью и руганью совѣтскій автомобиль; кремлевскіе купола подъ луной блестятъ...—Во всемъ этомъ какое смѣшеніе быта и бытія. Какъ тяжелъ былъ бытъ, какъ удушливо тяжелъ! Какъ напряженно было бытіе, какъ героически напряженно! . . .

А помните, когда вошелъ къ Вамъ грабитель и ужаснулся предъ бѣдностью, въ которой Вы живете? Вы его пригласили посидѣть, говорили съ нимъ, и онъ, уходя, предложилъ Вамъ взять отъ него денегъ. Пришелъ, чтобы взять, а передъ уходомъ захотѣлъ дать. Его приходъ былъ бытъ, его уходъ былъ бытіе.

Такъ все въ жизни смѣшано; перемѣшано то, что намъ дорого, съ тѣмъ, что намъ противно; и бытіе получаетъ бóльшую цѣнность, когда есть бытъ, надъ которымъ оно торжествуетъ; и бытъ становится цѣннымъ, когда пронизанъ бытіемъ. Раскрытію и осознанію всего этого Вы, можетъ быть, и сами того не замѣчая, содѣйствовали собственнымъ примѣромъ. И сейчасъ, припоминая Васъ въ тогдашней мерзости, вспоминаю Вашъ же стихъ изъ Вашей «Царь-Дѣвицы»:

На перинѣ, на соломѣ,
Середь моря безъ весла, —
Ничего не чтилъ, окромѣ
Струннаго рукомесла.

Помню, Вы какъ-то сказали, что сочинили себѣ девизъ: «Mieux vaut être qu'avoir». Вы правы. «Avoir» это—быть, «Etre»—это бытіе. Изъ тѣхъ, кто много «имѣютъ», мало кто знаетъ настоящее бытіе; кто мало «имѣютъ», тѣ, можетъ быть, знаютъ лучше, хотя не увѣренъ, сомнѣваюсь и въ этомъ. Зато тѣ, у кого отняли то, что они «имѣли», тѣ знаютъ, хорошо знаютъ. И это понятно. Естественно и справедливо, что тотъ, у кого отнято, понимаетъ лучше цѣну того, чего отнять нельзя. И я думаю, что тотъ, кто можетъ спрягать глаголъ «имѣть» только въ прошедшемъ времени, тотъ и не хочетъ спрягать его въ будущемъ. О, сколько въ насъ такого, что ни отнять, ни украсть, ни реквизировать нельзя! И какая безконечная награда въ томъ сознаніи, что никогда не пойметъ этого — отнимающій!...

Вотъ, милая Марина. Я перечислилъ причины, по которымъ посвящаю Вамъ эту книжку. Вмѣстѣ съ тѣмъ, думаю, я раскрылъ и то, что составляетъ внутреннюю связь разрозненныхъ главъ, что сообщаетъ этому разнообразію единство. А коснувшись причинъ моего къ Вамъ уваженія, я раскрылъ то, что единству моей благодарности сообщаетъ разнообразіе восхищенія.

С. В.

Римъ.
25 Ноября 1923.

БЫТЪ И БЫТІЕ.

I

ТѢНЬ

Мимо бѣлой стѣны, въ лунную ночь, приходилось ли вамъ проходить и любоваться, какъ колышатся черныя на бѣлой стѣнѣ очертанія, — тѣни отъ листьевъ кустовъ, растущихъ при дорогѣ? Безплотныя, невѣсомыя, безкрасочныя очертанія, но полныя жизни. И не той жизни, которая въ тѣхъ листьяхъ, что колышитъ вѣтеръ. Нѣтъ, это иная жизнь, чѣмъ та, первая, зеленая; иная, но новая въ безплотности своей, новая крѣпостію и четкостью своихъ очертаній, а главное—таинственностью черной своей прозрачности, въ которой уничтожена трехмѣрность и вмѣсто тяжести объема — легкость отраженія. Всякій объемъ тяжелъ, но отраженіе самаго тяжелаго объема легко. Тѣнь всегда легка, и только въ угоду предмету, ее бросающему, мы говоримъ про тѣнь — «тяжелая» . . .

Мимо бѣлой стѣны, въ лунную ночь, приходилось ли вамъ проѣзжать верхомъ и видѣть на стѣнѣ всадника, похожаго, но другого? Чернаго, безкрасочнаго и безшумнаго? Не онъ копытами стучитъ, но четко надъ холкой вырисовывается колыханье гривы и подъ

шеей крѣпко натянутый поводъ. Не онъ усталъ, не онъ напрягаетъ послѣднія силы, но онъ торопится, онъ неуклоненъ. И иная въ немъ жизнь, иная, нежели ваша и въ вашемъ конѣ. И эта жизнь рядомъ съ вашей жизнью — какое умноженье жизнеощущенія!

Тѣнь не есть повтореніе жизни. Повтореніе скучно, повтореніе ненужно, повтореніе есть нагроможденіе и загроможденіе. А тѣнь есть новый видъ существованія. Это есть превращенная жизнь, утонченная, упрощенная. Да, упрощенная, а вмѣстѣ съ тѣмъ осложненная, ибо никакая тайна не проста, а тѣнь таинственна, жутка, и въ этомъ ея отдѣльность, ея самостоятельность. Она жутка двухмѣрностью своей, она жутка своей неосязаемостью и она жутка обманомъ, обманчивой своею вѣрностью. «Трижды я обнялъ его, — разсказываетъ Дантэ о загробной встрѣчѣ своей съ поэтомъ Сордэлло, — и трижды руки мои возвращались къ моей груди». Тѣнь неосязаема и проницаема, такъ же точно какъ и свѣтъ — проницаемъ и неосязаемъ, но она есть слѣдствіе осязаемости и непроницаемости. Она есть слѣдствіе препятствія, которое ставитъ свѣту плотность; свѣтъ не можетъ проникнуть и бросаетъ точный слѣдъ своего препятствія. Безъ свѣта нѣтъ тѣни, — тѣнь отъ свѣта. Тѣнь есть то третье, что родится отъ встрѣчи свѣта съ матеріей. Но, сама третье, она для осуществленія своего требуетъ тоже третьяго, и ей нужны: свѣтъ, препятствующая среда и матерія, ее принимающая, та, на которую она ложится. И какія странныя между родившимъ и рожденнымъ отношенія! Свѣтъ

родитъ ее, а она отъ свѣта бѣжитъ. Она боится зачавшаго ее; а свѣтъ, родивши, гонитъ. И бѣжитъ тѣнь отъ свѣта, бѣжитъ, вращается вокругъ своего основанія, а сама удлиняется все длиннѣе, длиннѣе, пока, наконецъ, не сливается съ темнотой: мракъ поглощаетъ отъ солнца родившуюся, и она вливается въ лоно своей матери, — ночи. Тамъ, въ лонѣ матери теряетъ она четкость своего очерка и перестаетъ быть:

Дай вкусить уничтоженья,
Съ міромъ дремлющимъ смѣшай.

Да, тѣни нужна, — чтобы она могла осуществиться,—тѣни нужна, кромѣ свѣта, ее рождающаго, кромѣ предмета, свѣту препятствующаго, нужна еще матерія, на которую она ложится. Представьте воздушный шаръ. Онъ съ одной стороны облитъ солнечнымъ свѣтомъ, другая его половина въ тѣни; но мы, съ шаромъ поднимающіеся, мы увидимъ его тѣнь только, когда она упадетъ на облако. Но если облака нѣтъ? Есть ли тѣнь? Есть, только въ состояніи возможности, въ состояніи потенціальномъ. Тутъ уже мы изъ физики переходимъ въ метафизику. Здѣсь встрѣча принципа субъективнаго съ объективнымъ. Существуетъ тѣнь, когда ей не на что упасть? А существуетъ горькость плода, если я его не ѣмъ? «А вы думаете, принцъ, — спрашиваетъ въ Лессинговой драмѣ Эмилія Галотти, — вы думаете, что Рафаэль не былъ бы величайшимъ геніемъ живописи, если бы по несчастью родился безъ рукъ?» . . . Мимо, мимо! Оставимъ разсужденія, вернемся въ ощущенія.

Отрицаніе или утвержденіе? Ни то, ни другое. Свѣтъ утверждаетъ, но и тѣнь не отрицаетъ, разъ она живетъ таинственностью своей двухмѣрности. Что же дѣлаетъ она, если не отрицаетъ и не утверждаетъ? Да, не утверждаетъ, но подтверждаетъ. Какъ дымъ подтверждаетъ огонь, такъ, и съ гораздо большей степенью несомнѣнности, тѣнь подтверждаетъ существованіе предмета, ее бросающаго.

Тѣнь, дочь свѣта, — сестра тишины. Въ тѣни покой, отдыхъ. Тѣневой покровъ, ложащійся на волненія трудового дня, успокаиваетъ денное сердцебіеніе. Все ниже падаетъ оно, становится все тише, и только зло, сознательное зло нарушаетъ этотъ покой тревогою и страхомъ. Не должно бы быть мѣста злу въ эти мгновенія, когда «утомившійся день склонился въ багряныя воды» и «прохладная стелется тѣнь».

Стелется и ведетъ за собою сумерки. Темнѣютъ низины, макушки рдѣютъ. И наступаетъ тотъ блаженно-неопредѣленный часъ въ комнатахъ, когда поздно читать, рано зажигать. А на дворѣ тѣнь ложится и легла — одна на всемъ, и можно сказать, что тѣни нѣтъ, потому что поглощена надвинувшейся ночью. Если будетъ раньше утра тѣнь, то новая, уже не солнечная, — лунная . . .

А замѣчали вы участіе тѣни въ архитектурѣ? Выступы, западины, карнизы, арки, своды, — все тѣнью очерчено, подчеркнуто. Рельефы точно не рѣзцомъ высѣчены, — изрыты тѣнями. Какая слѣпая, бѣлесая была бы архитектура безъ тѣней,—что безъ бровей лицо. А тѣнь, которую само зданіе

бросаетъ, — черезъ площадь или на долину? Развѣ не красота — на зеленомъ лугу темная полоса отъ башни? А, наконецъ, — тѣнь, которая ложится не отъ архитектуры, а на архитектуру. О, какъ понималъ это поэтъ, когда писалъ:

И на порфирныя ступени
Екатерининскихъ дворцовъ
Ложатся сумрачныя тѣни
Октябрьскихъ раннихъ вечеровъ...

А разница утренней тѣни и вечерней: утромъ влажная, ночною сыростью еще пропитанная, глубоко-росистая; вечеромъ сухая на неостывшемъ еще жарѣ земли. Утренней тѣни хочется сказать — «Останься, не уходи». Вечерней тѣни говоримъ — «Спасибо, что пришла» . . .

Но главная разница утренней и вечерней тѣни: утренняя убавляется, вечерняя растетъ, растетъ до самой послѣдней возможности, какую даетъ ей заходящее солнце. Это удлинненіе тѣни передъ ея исчезновеніемъ, передъ окончательнымъ ея поглощеніемъ надвинувшеюся ночью проникнуто тою таинственною и щемящей прелестью, что живетъ въ сліяніи грусти и утѣшенія. Нѣмецкій мыслитель Гердеръ сказалъ: «Die Freundschaft mit Guten ist wie der Abendschatten. Er wächst, bis des Lebens Sonne sinkt» (Дружба съ хорошими людьми, — какъ вечерняя тѣнь. Она растетъ вплоть до того мгновенія, когда заходитъ солнце жизни).

Вращательное бѣгство тѣни отъ свѣта — это первый зачатокъ графическаго изображенія времени. Отсюда солнечные часы. Пока солнце, — они пока-

зываютъ время вращательнымъ движеніемъ тѣни своего стержня; укрылось солнце, — тѣни нѣтъ, и только ухо внимаетъ звонъ, «глаголъ временъ», но глазъ пребываетъ въ безвременьи, пока не забрезжитъ разсвѣтъ. Вѣрно надпись на солнечныхъ часахъ гласитъ: «Horas non numero nisi serenas», — «Часовъ иныхъ не отмѣчаю, кромѣ ясныхъ». Вѣдь правда: какъ бы и отмѣчали солнечные часы, когда солнца нѣтъ? Ибо, какъ гласитъ другая надпись: «Nec sol, nec umbra», — «Нѣтъ солнца, нѣтъ и тѣни». А третья надпись съ грустью предупреждаетъ: «Sine sole sileo», — «Безъ солнца молчу». И, наконецъ, четвертая откровенно признается: «In umbra desino», — «Въ тѣни перестаю» . . .

Но вращеніе тѣни не есть ея единственное движеніе. Самая прекрасная жизнь тѣни это, когда не только она движется въ силу высшаго закона вращенія земли, но когда она ложится отъ движущагося предмета. Вотъ гдѣ тѣнь отъ листьевъ, колышимыхъ вѣтромъ; вотъ гдѣ тѣнь отъ скачущаго всадника. И однако и это не высшая ея краса. Самое торжество, это когда тѣнь движущагося предмета вступаетъ въ соревнованіе со свѣтомъ. Ну вы, конечно, знаете — на гладкомъ лоснящемся полу ослѣпительный квадратъ раскрытаго окна, и на этой лужѣ свѣта— перемежающаяся игра свѣта и тѣни отъ листьевъ липы или березы, которая тамъ гдѣ-то за окномъ трепещетъ ? . . . Точно природа задалась осуществить неосуществимое совмѣстительство свѣта и тѣни на одномъ и томъ же мѣстѣ! Сосуществованіе немыслимо, но чередованіе подъ дуновеніемъ вѣтра такъ быстро, что не знаешь, — свѣтъ или

тѣнь, раскрытыя или закрытыя вѣки. А ни то, ни другое, — миганье, свѣто-тѣнь. О, какъ восхитительны эти мимолетныя мгновенья! Когда самая скромная горница превращается въ солнцезлатную палату. И почему вспоминаю именно такую горницу, одну изъ тѣхъ сотенъ горницъ, что видалъ по селамъ, по деревнямъ? По лоснящемуся полу полосатая дорожка отъ двери до краснаго угла, гдѣ подъ иконами угольный столикъ, покрытый нитяной сѣтчатою скатертью. Некрасивые серебрѐнаго стекла подсвѣчники, передъ однимъ изъ оконъ толстолиственный неуклюжій фикусъ, подъ уродливой лампой кружокъ изъ шерстяныхъ цвѣтовъ и съ орѣхами... Все некрасиво, оскорбительно некрасиво, а вмѣстѣ съ тѣмъ — солнцезлатная палата, залитая, пронятая свѣтомъ... И почему такъ глубоко охватываетъ праздничная сила этого утренняго трепета? Почему изъ-подъ покрова житейскаго, изъ-подъ пыли прожитыхъ годовъ высвобождаетъ и будитъ душу дѣтскую, прежнюю, давнюю, предсознательную, можетъ быть, — еще неродившуюся? Почему? Не знаю, но только безмѣрно радостны эти, казалось бы безсодержательныя мгновенья, безмѣрно цѣнны. Потому ли, что, въ маломъ прикасаясь великому, всемірному, мы тѣмъ чувствуемъ утвержденіе свое, или наоборотъ, — потому что, въ близкомъ соприкасаясь съ далекимъ и невѣдомымъ, мы утопаемъ въ безбрежьи міровъ, въ которыхъ мы, да и сама наша земля — песчинка? Кто скажетъ? Но рѣдко когда такъ ѣдко ощущалъ радостное сліяніе съ міровой жизнью, какъ когда въ маленькой укромной комнатѣ, на лоснящемся полу, въ ослѣпи-

тельной лужѣ раскрытаго окна видѣлъ, отъ растущей гдѣ-то за окномъ березы или липы, перемежающуюся игру свѣта и тѣни и въ этомъ напряженномъ трепетаніи тѣневыхъ листочковъ и свѣтовыхъ кружковъ чуялъ за окномъ дрожащій жаркимъ свѣтомъ день и все

Цвѣтущее блаженство мая...

Еще есть одна игра свѣто-тѣни. Когда свѣто-тѣнь, — то есть тѣнь отъ предмета, который самъ движется, — ложится на тоже движущійся предметъ. Тѣ же древесные листы, то есть тѣнь отъ древесныхъ трепещущихъ листовъ, падающая не на гладкій неподвижный полъ, а на зыбкую, тоже трепещущую поверхность рѣки. Эта встрѣча струй свѣтовыхъ и водяныхъ, въ которой уже не разберешь, гдѣ тѣнь, а гдѣ вода, гдѣ свѣтъ, а гдѣ отраженіе. Какое умноженіе въ сочетаніяхъ, какая опрокинутость въ сопоставленіяхъ. Уже лиственная свѣто-тѣнь сама по себѣ прекрасна, измѣнчива, сложна; уже отраженіе листовъ въ водѣ удесятеряетъ эту сложность и измѣнчивость,

Но струя бѣжитъ и плещетъ
И, на солнцѣ нѣжась, блещетъ.

Кто же сосчитаетъ количество возможностей въ несчетныхъ встрѣчахъ свѣтосолнечныхъ лучей и водосвѣтныхъ струй ?...

* * *

Эта легкость, эта зыбкость, вотъ что больше всего опредѣляетъ ту аллегоричность, съ какою

слово «тѣнь» живетъ въ нашемъ сознаніи и въ языкѣ. Все преходящее, все мимолетное, на чемъ не стоитъ останавливаться, все, что не оставляетъ слѣда, все это —

Какъ тѣнь отъ облаковъ, бѣгущая по нивѣ...

«Ни тѣни» — послѣдняя степень несуществованія: тѣнь—послѣдняя плотность на порогѣ безплотности, и когда нѣтъ «ни тѣни», то, значитъ, нѣтъ ничего. Понятно, — тѣнь есть подтвержденіе, подтвержденіе существованія, и только сама тѣнь не бросаетъ тѣни, хотя и существуетъ. Вотъ почему, сводя къ ничтожеству земное наше существованіе, сказалъ поэтъ: «тѣнь, бѣгущая отъ дыма». Чего же меньше?... А другой, много, много раньше его сказалъ: «Жизнь человѣка есть сновидѣніе тѣни». Что изъ двухъ меньше?...

Вамъ, чувствую, хочется остановить меня: «Какъ! Ты сказалъ, что все, что существуетъ, бросаетъ тѣнь, и тѣнь одна лишь тѣни не бросаетъ? А свѣтъ? Развѣ не существуетъ? А гдѣ же его тѣнь?» Да, свѣтъ своей тѣни не даетъ, онъ лишь чужую тѣнь бросаетъ. Своей тѣни не даетъ, и въ этомъ сходство тѣни со свѣтомъ. Только, пожалуйста, не ставьте вопросовъ, не уклоняйтесь ни въ философію, ни въ космографію. Ужели по поводу тѣни, зыбкой, бѣглой, мимолетной будемъ ставить вопросы точные, опредѣленные? Ужели будемъ надѣвать очки, когда такъ полна прелести дымчатость неясныхъ различеній? Ужели будемъ любознательны, когда такъ любо не знать?

Нѣтъ, оставьте. Ступайте лучше въ лѣсъ. Весеннимъ раннимъ утромъ, когда

Еще прозрачные, лѣса
Какъ будто пухомъ зеленѣютъ,

войдите подъ дымчатую сѣнь молодыхъ листовъ, играющихъ съ каплями и искрами росы. Идите, не думайте, — дышите. Не спрашивайте, — впивайте весну... Развѣ есть вопросы? Развѣ нужны отвѣты?

О, первыхъ листьевъ красота,
Омытыхъ въ солнечныхъ лучахъ,
Съ новорожденною ихъ тѣнью!

Или это не отвѣтъ?

Везинэ
23 Августа 1923.

II

ДЕРЕВО

Не такъ давно одинъ французъ сказалъ, что деревья уродуютъ землю, что на поверхности земной дерево то же, что волосъ въ ушахъ или въ носу: ихъ надо выполоть. Какая хула на природу! Какое отступничество отъ ея материнскаго лона! На высшей точкѣ утонченности человѣкъ уходитъ отъ земли! Цивилизація приводитъ къ дикости. Ибо не могу назвать иначе, какъ дикимъ, того, кто уподобляется крестьянину, не видящему красы дерева, видящему въ немъ только будущіе дрова. Крестьянинъ ополчается противъ дерева во имя пользы. Утонченный французъ — во имя ложно понятой красоты. Но оба — враги природы, и оба дики: одинъ остался въ дикости, другой къ дикости пришелъ. И почему это такъ въ природѣ устроено, то есть нѣтъ, именно не въ природѣ, а въ человѣческомъ строѣ такъ устроено, что конецъ повторяетъ начало? Неужели всякое развитіе есть возвращеніе?...

Но дерево не возвращается. Изъ желудя родившійся дубъ въ желудь не вернется; но онъ родитъ новые желуди. Не знаю, существуетъ ли радость

въ растительномъ царствѣ, но если существуетъ, — думали ли вы, какая радость для дубочка его первый желудь? Изъ родившагося превратиться въ рождающаго! И каждый годъ больше: высится ростъ, развѣтвляются вѣтви, раскидывается шапка, и множатся желуди, — въ Августѣ дождемъ падаютъ на лоно матери-земли. И осѣняютъ ихъ «пращуры лѣсовъ». За всѣ минувшіе вѣка — какіе желудиные дожди сыпались на землю!...

Ходили подъ дубами по дорожкѣ? Хрустѣли подъ ногами вашими, лопались сухіе желуди? А въ лѣсу, въ свѣжей зелени, пронизанной горячимъ солнцемъ, смотрѣли вы себѣ подъ ноги? Видѣли подъ травой, подъ рѣдкою подлѣсною травой, — пластъ сухихъ прошлогоднихъ листьевъ? Они, какъ кора по землѣ, нога въ нихъ уходитъ, и подъ ними, когда раскопать, черная земля и кишитъ насѣкомое царство. Такъ вотъ, сквозь эту легкую кору мертвыхъ, прошлогоднихъ листьевъ, видѣли вы, какъ пробиваются маленькіе, зеленые живчики-дубки? Куда ни глянешь, все дубки. Вырвите одинъ. Не стволъ, — стебелекъ; не шапка, — два, три листочка; не корни, — раскрытый треснувшій желудь, и изъ него тощая кисточка виситъ. Вотъ будущій дубъ. Я не знаю ничего во всей природѣ болѣе величаво-таинственнаго, нежели желудь, маленькій желудь, вмѣщающій въ себѣ сложное величіе дуба.

Есть у французовъ великолѣпное слово: virtuellement (отъ прилагательнаго virtuel), т. е. пребывающій въ состояніи возможности. У насъ говорятъ — «потенціально», но это такъ некрасиво. Le chêne est virtuellement contenu dans le gland. Дубъ потен-

ціально, въ состояніи возможности, въ видѣ необманнаго обѣщанія заключается въ желудѣ. И эту «виртуальность» желудя всегда чувствую, когда держу въ ладони дубовый плодъ, когда пальцами ощущаю его гладкую, полированную поверхность. Таинственныя силы родильницы-природы, — гдѣ онѣ, въ чемъ онѣ? Въ желудѣ? Въ землѣ? Гдѣ? Ни желудь безъ земли, ни земля безъ желудя дуба не родятъ. Родильныя силы во встрѣчѣ желудя съ землей. Какъ всегда, — самое важное, рѣшающее есть третье изъ двухъ. Но въ землѣ нѣтъ дуба, въ желудѣ есть дубъ. Земля даетъ возможность бытія, желудь даетъ предметъ бытія. Земля можетъ родить изъ всякаго сѣмени, которое въ свое лоно принимаетъ; желудь долженъ родить, не можетъ родить иное, чѣмъ то, что вмѣщаетъ его желудиная сущность. Скажемъ такъ: земля есть возможность множественности, желудь есть необходимость единственности.

«Необходимость есть царство природы», сказалъ Шопенгауэръ. Какая огромная, тяжелая, законами опредѣленная и вселенской волею предопредѣленная необходимость въ этомъ маленькомъ, легкомъ лоснящемся предметѣ, который перекатывается на моей ладони... Всякая необходимость тяжела, а пиѳагорейцы даже сказали, что «Суровый законъ пожелалъ, чтобы съ необходимостью сочеталась властность». Но какъ сочетать эту необходимость, властную, тяжкую, съ той прелестью, которою плѣняетъ насъ природа, съ той легкостью, которой вѣетъ отъ нея, съ тѣмъ разнообразіемъ капризности, съ какими она себя проявляетъ? Нѣтъ, — не одна

въ природѣ необходимость, и другой великій мыслитель, Гумбольдтъ, сказалъ про ту же природу, что она «есть царство свободы». Дивное сочетаніе. Что можетъ быть надежнѣе небходимости, и что прельстительнѣе свободы? А вмѣстѣ съ тѣмъ, — что сравнится съ жестокостью необходимости и съ грозностью свободы? И какъ рѣшиться сказать, — что желательнѣе: необманность опоры, или безграничіе выбора? И, наконецъ, что дороже: безопасность въ подчиненіи или рискъ при правѣ выбора? Въ мучительной двойственности пребываетъ человѣкъ и всегда стремится къ сочетанію, и всегда ищетъ середины, и всегда жаждетъ сліянія, воздыхаетъ къ примиренію, — къ примиренію закона и свободы. Жизнь безъ примиреній не мыслима. Но мысль не терпитъ примиреній. Міровоззрѣнія неуступчивы, и одинъ мыслитель изъ глубины мыслительнаго одиночества провозглашаетъ, что «необходимость есть царство природы», а другой мыслитель, въ порывѣ радостнаго созерцанія возглашаетъ: «Природа есть царство свободы». А природа, «равнодушная природа», не внемлетъ, не внемлетъ и смѣется потугамъ человѣка пригнуть ее въ русло своихъ мыслительныхъ путей. Повинуясь «необходимости», желудь родитъ дубъ и ничто иное; пользуясь «свободой», дубъ выбираетъ изгибы своего ствола, изломы своихъ вѣтвей, всю ту своеобразную картинность, которою онъ будетъ отличаться отъ тысячи тысячъ другихъ, столь же картинныхъ, но и столь же своебразныхъ дубовъ. Да, свобода это—личность, необходимость это—стадо. И горе, когда личность потоплена въ необходимости, а въ свободѣ торжествуетъ стадо.

Скажете, что не лучше, когда стадо потоплено въ необходимости, а торжествуютъ личности. Ну, видите ли, здѣсь все зависитъ отъ качества личностей. А когда торжествуютъ изверги...

* * *

Охъ, куда насъ завела наша прогулка по лѣсу! На край оврага, да какого оврага, — мрачнаго, жестокаго... Мимо, мимо! Я овраги люблю, только не этотъ, не эту пропасть, не эту яму, откуда тянетъ смрадомъ и стономъ и скрежетомъ. Нѣтъ, куда хотите, только не туда. Я три года, даже четыре тамъ прожилъ, — не туда. На Таити, на Гвинею, на Фиджи, куда хотите. Туда, гдѣ законодатели—попугаи и обезьяны, гдѣ вмѣсто комиссаровъ—откровенные тигры, вмѣсто декретовъ—землетрясенія, вмѣсто исполкомовъ—стаи колибри...

Но овраги наши я любилъ. Когда со дна оврага поднимается тополь, — бѣлый стволъ, до макушки голый, и на немъ шапка трепещущихъ листьевъ, лоснисто - зеленыхъ на бѣло-пушистой подкладкѣ. Такія листья въ народѣ зовутся «мать и мачеха», потому что зеленая сторона холодная, а бѣлая теплая. И, переливая изъ зеленаго въ бѣлое, изъ холоднаго въ теплое и наоборотъ, трепещетъ на тополѣ каждый листокъ, — серебристый тополь, не простой. Какая отзывчивость, на самое нѣжное прикосновеніе! Вѣтра нѣтъ, и вѣтерка даже не чуешь, а листы трепещутъ... Охъ, красивы наши овраги! Степь кругомъ, а тутъ въ глубокомъ днѣ лѣсная гуща. Самаго дна не видать, оно скрыто подъ кустарникомъ. Раскидистый

пакольникъ шапками своими укуталъ дно и скрылъ отъ взоровъ. Некрасивый кустарникъ самъ по себѣ, но такой раскидистый, макушистый, и осенью обсыпанъ ярко-краснымъ сѣменемъ. За кудрявостью его прячется, не кажетъ себя глубокое дно... Стою на круто выдавшемся бугрѣ; круглый, гладкій бугоръ, и скользко по сухой травѣ. Стою, смотрю, какъ изъ зеленаго дна поднимается бѣлый стволъ и какъ на шапкѣ тóполя трепещутъ послушные листы... Какъ сладостно слѣдить за этимъ трепетомъ. Какая ласка въ уходящемъ закатѣ, какая благодарность въ неуходящей, остающейся природѣ... Все объято однимъ сознаніемъ кончающагося дня. Макушки рдѣютъ, тянутся прощаться. Уже все успокоилось, даже кузнечики перестали стрекотать, ласточки ужъ успокоились, а листочки все трепещутъ, все еще трепещутъ...

О, этотъ трепетъ! Какъ часто я «въ моей блуждающей судьбѣ» вечернимъ часомъ засматривался на макушку дерева! Какъ забывалъ все окружающее, когда останавливался взоромъ на трепещущемъ абрисѣ древесной шапки! Таяли алыя, тонкія, плавучія облака и уходили въ нѣгу зеленаго неба, а я смотрѣлъ, какъ вырисовывается на свѣтло-зеленомъ небѣ темно-зеленая, все гуще темнѣющая древесная шапка. И когда кругомъ другія деревья, я смотрѣлъ, — что даетъ на свѣтломъ небѣ общій рисунокъ темнѣющихъ шапокъ. Въ какой-то иной міръ переносишься, — надъ землей, а все же отъ земли. И такая далекость чувствуется ото всего скверно-земного. Какая-то одинаковая благость стелется надъ макушками древесными, все равно гдѣ,

безъ различія къ странѣ, безъ вниманія къ людямъ, независимо отъ того, что̀ происходитъ на той землѣ, въ которой сидятъ корни ихъ стволовъ. И что бы ни встрѣтилъ мой взоръ, спускаясь отъ макушки по стволу къ корнямъ, — асфальтъ ли парижскаго тротуара, совѣтскую ли гниль московскаго бульвара, — всегда для меня неожиданно; всегда я жду травы, знакомую полынь, слышу запахъ дыма и соломы, дальній лай собаки, домашній окрикъ пѣтуха, ближній взлетъ испуганной сороки... И страннымъ, въ первое мгновенье даже невѣроятнымъ кажется очнувшемуся слуху внимать другіе, неприродные, городскіе шумы: слышать летучій пыхъ автомобиля, а не трясучее дребежжаніе деревянной таратайки, слышать дальній грохотъ мостовой, а не мягкій топотъ табуна . . .

Да, велика вызывающая (эвокативная) сила древесной макушки на вечернемъ небѣ; сравнится только съ силою иныхъ звуковъ, иныхъ запаховъ. И когда смотрю на нихъ, на нихъ, которыя вездѣ одинаковы и потому могутъ перенести куда угодно, я понемногу перестаю думать о мѣстѣ и времени, уже не думаю, гдѣ я и когда я: то, что я вижу, это есть — вездѣ и всегда, а слѣдовательно,—нигдѣ, никогда. Такъ всѣ полюсы сливаются въ своихъ центрахъ, и отъ насъ лишь зависитъ, чтобы всѣ центры слились въ одномъ . . . Вотъ что мнѣ даетъ лицезрѣніе на макушкѣ трепещущихъ листовъ.

* * *

Да, отъ дерева покой. Стелется ли дубъ длинными вѣтвями раскидистой шапки, — онъ осѣняетъ.

Выскакиваетъ ли изъ окружающей кудрявости высокій столбъ пирамидальнаго тополя, — онъ стрежетъ. Вислыми прядями возвращается ли къ землѣ плакучая ива, — грустная, она прощается. Въ сухой дали, на знойномъ трепетѣ степного воздуха, среди слѣпительной равнины темнѣетъ ли купа ветелъ, — онѣ зовутъ къ водѣ. Отъ дерева, вкругъ дерева — покой. Подъ дерево садится путникъ; подъ дерево укрывается стадо. Въ деревѣ нѣкая притягательная, собирательная сила. Подъ дубомъ Мамврійскимъ встрѣтились Авраамъ съ Мельхиседекомъ. Въ деревѣ — надежность, стародавность; оно переживаетъ «вѣкъ отцовъ». Въ немъ стойкость, домовитость, и оно воплощаетъ принципъ собственности; посадкою дерева отмѣчаетъ человѣкъ переходъ отъ кочевого быта къ осѣдлому, даже больше, чѣмъ постройкой дома, который можетъ быть снесенъ и перенесенъ. Дерево есть нерукотворный памятникъ, природою поддерживаемый, и когда человѣкъ хочетъ о т м ѣ т и т ь , — себя ли, мѣсто ли, событіе ли, — онъ сажаетъ дерево: «Дерево Карла Великаго», «Дерево Петра Великаго». Дерево, подъ которымъ отдыхалъ великій человѣкъ или близкій намъ, — послѣднее, продолженное съ нимъ живое соприкосновеніе. Не многіе видѣли, но кто не знаетъ «три сосны» Пушкина? Дерево прибѣжище, защита — все равно, человѣку ли, думамъ ли его. Я не слыхалъ разсказа раненаго, который бы не начинался съ дерева, куста, лѣсочка. И подъ деревомъ, возвращаясь къ сознанію послѣ обморока, узналъ Димитрій Донской о русской побѣдѣ на Куликовомъ полѣ. Подъ дерево укрывается человѣкъ, подъ дере-

бомъ же ищетъ вдохновенья, — укрывается отъ прикосновенія внѣшней жизни. Поэтъ бѣжитъ «въ широкошумныя дубровы»; подъ дубами ходили, учили и жертвоприносили древніе друиды, и лавръ осѣнялъ храмы оракуловъ и пещеры сибиллъ. Одинъ поэтъ сказалъ про другого поэта:

Какъ мелодически шумѣли
Ихъ вѣтви надъ его главой!
Ихъ мракъ торжественно-угрюмый
И дикій, заунывный шумъ,
Какою сладостною думой
Его обворожали умъ!

Дерева же ищетъ и подъ деревья уходитъ больное, страждущее сердце. «Туда, — говоритъ Вергилій, — въ таинственныя тропы укрываются тѣ, кого безжалостная любовь казнитъ жестокой мукою желаній, и миртовыя рощи осѣняютъ ихъ своею тѣнью». И девятнадцать вѣковъ спустя, какъ будто выходя изъ тѣхъ самыхъ рощъ, про которыя говорилъ творецъ «Энеиды», нашъ поэтъ спросилъ:

Вздохнули ль вы, внимая гласъ ночной
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Когда въ лѣсахъ вы юношу видали,
Встрѣчая взоръ его потухшихъ глазъ,
Вздохнули ль вы?

Да, гдѣ вздохъ, гдѣ покой, тамъ дерево, и надъ послѣднимъ покоемъ — плакучая ива или кипарисъ...

* * *

Безпокойство не пристало дереву. Оно прекрасно въ бурю, растрепанное, взъерошенное, но это кар-

тина страданія. Даже вѣтеръ, — и то уже на деревѣ картина страданія. Посмотрите: подъ вѣтромъ листья переворачиваются изнанкой, дерево теряетъ лоснистость и сѣрѣетъ. И въ каждомъ стебелькѣ каждаго листка чувствуется напряженность, надорванность; каждый листокъ страдаетъ, и какое умноженіе страданія отъ тысячъ и тысячъ тысячъ напряженныхъ и дрожащихъ листовъ! Подумайте: вѣдь каждый листъ дрожитъ не только оттого, что вѣтеръ его теребитъ, но и отъ страха, что вотъ-вотъ сорвется. Каждый листокъ м о л и т ъ дерево не отдавать его, и дерево не х о ч е т ъ отдать ни одного. Какой ропотъ проносится по вершинамъ, когда вѣтеръ

Вдругъ на дубраву набѣжитъ,
И вся дубрава задрожитъ
Широколиственно и шумно!
Какъ подъ незримою пятой
Лѣсные гнутся исполины;
Тревожно ропщутъ ихъ вершины,
Какъ совѣщаясь межъ собой.

Шумъ дерева подъ вѣтромъ не одинаковъ у лиственныхъ и хвойныхъ. Въ лиственномъ есть лепетъ, трепетъ, переплетеніе звуковъ; въ хвойномъ шумъ длительный, безъ перебоя,—шелково шуршитъ, шепотомъ шумитъ. Но и въ томъ и въ другомъ безпокойство, и слышится всегда: «Зачѣмъ? Оставь!» И всегда чувствуется нарушеніе, — нарушенное право покоя, одиночества; есть въ этомъ вмѣшательство, посягательство: то мы были одни, а теперь не одни. Нѣтъ, дерево не любитъ вѣтра; оно отдыхаетъ, когда ураганъ прошелъ, когда послѣ сокрушительнаго налета

Земля освѣжилась и буря промчалась,
И вѣтеръ, лаская листочки древесъ,

только еще тучу «съ успокоенныхъ гонитъ небесъ»...

Зато, когда вѣтеръ былъ съ дождемъ, какой тогда праздникъ — первый лучъ солнца! Всю ночь страдали, мучились, противились напору, гнулись, трещали и ломались, —

Когда же изъ-за тучъ, прозрачна и чиста,
Повѣдаетъ заря, что минулъ день ненастья,
Былинки не найдешь и не найдешь листа,
Чтобы не плакалъ онъ и не сіялъ отъ счастья.

Вы помните влажную радость солнечнаго утра, — когда «сирень въ слезахъ дрожала»? . . .

Да, дождь они любятъ, — когда, прежде чѣмъ поитъ ихъ корни, онъ обмываетъ ихъ листву, возвращаетъ ей ея поблекшую лоснистость. Дрожатъ «дождя отшумѣлаго капли» на краяхъ листовъ, алмазами спадаютъ «капли не сдержанныхъ слезъ» съ листочка на листочекъ. Сколько паденій передъ послѣднимъ паденіемъ въ сырую землю! Въ этомъ возвратѣ небесной воды въ ту землю, съ которой она исправилась, сколько покоя! Въ этой утратѣ своего отдѣльнаго бытія какая покорность! Въ этомъ паденіи дождевой капли то же, что въ паденіи всякаго зрѣлаго плода. Она тоже «созрѣла», она совершила великій путь отъ земли въ небо и обратно въ землю. Какой прообразъ нашей жизни съ ея взлетами и паденіями. Сказано — «Въ землю возвратишься», и паръ небесный въ землю возвращается. И возвращеніе это не должно быть страшно ни каплѣ, ни кому другому; оно благостно. Только въ человѣкѣ

благодушія нѣтъ, а конецъ самъ по себѣ благостенъ. Мудрый Маркъ, благостный Аврелій, имя котораго въ первыхъ строкахъ этой книжки, сказалъ человѣку, что онъ долженъ умирать съ тою же покорностью, съ какою съ дерева своего падаетъ олива, — «благословляя землю, которая ее принимаетъ».

Одна изъ самыхъ для духа нашего дорогихъ сторонъ природы — этотъ постоянный обмѣнъ, перерожденіе смерти въ жизнь. Жизненная сила не избываетъ, и гніеніе есть зарожденіе. Матерія въ землю возвращается, чтобы, въ землѣ переродившись, опять выйти изъ земли. Вѣдь утѣшительно. Вѣдь, если матерія не пропадаетъ, то ужели духъ слабѣе ея? Въ этомъ обмѣнѣ есть своего рода возмѣщеніе за ту. жестокость, царящую въ мірѣ животномъ, въ силу которой все живущее другъ друга пожираетъ: каждое живое существо — и жертва, и убійца. Въ природѣ неодушевленной этого не ощущаемъ, и отсюда воспитательное значеніе дерева: умягченіе нравовъ. Внушайте дѣтямъ любовь къ дереву, къ листу, къ цвѣту, къ сѣмени. Кто это любитъ, тотъ способенъ любить и уважать многое другое. Не потому предосудительно дерево губить, что это жестоко, а потому, что это есть признакъ жестокости. Всего могу я ожидать въ будущемъ отъ мальчишки, который ломаетъ дерево, чтобы снять съ него нѣсколько несозрѣвшихъ яблоковъ. Вся наша крестьянская Россія была такова.

Вотъ что по этому поводу припоминаю. Сидѣли мы въ уѣздномъ городѣ Борисоглѣбскѣ въ одномъ домѣ на крылечкѣ, чай пили. Зашла рѣчь о моемъ паркѣ, о моихъ лѣсонасажденіяхъ. Я вы-

разилъ сожалѣніе по поводу того, какъ мало развита въ народѣ нашемъ любовь къ дереву: нашъ крестьянинъ, сказалъ я, не любитъ дерева. Сидѣлъ противъ меня директоръ вновь открывшейся въ нашемъ городѣ школы. Услышавъ мое замѣчаніе, онъ воскликнулъ: «Какъ, не любитъ? Да крестьянинъ ненавидитъ дерево». Знаете, когда это было и кто это сказалъ? Это было въ Августѣ 1917 года, а въ Ноябрѣ этотъ человѣкъ былъ главнымъ комиссаромъ нашего уѣзднаго большевицкаго правительства. Я и тогда былъ радъ, что слова директора училища оказались сильнѣе моихъ словъ, но съ особеннымъ удовольствіемъ думаю о томъ, что будущій представитель «крестьянскаго» правительства нашелъ мой «буржуйный» отзывъ слишкомъ слабымъ. Да, ненависть къ дереву! Въ комъ э т а ненависть, въ томъ легко раздуть и всякую другую. Я съ трудомъ повѣрю, что мой тогдашній собесѣдникъ подъ видимымъ осужденіемъ крестьянина не скрывалъ тайной радости передъ будущимъ союзникомъ въ ненависти и будущимъ сотрудникомъ по разрушенію. И утверждался я въ этомъ моемъ впечатлѣніи всякій разъ, какъ, проходя улицами Москвы, читалъ одну изъ тѣхъ невѣроятныхъ надписей, упорнымъ повтореніемъ которыхъ выковывается міропониманіе «новаго» человѣка. На заборахъ, въ пустыхъ окнахъ неторгующихъ магазиновъ большими буквами кричитъ прохожему и останавливаетъ его вниманіе заявленіе о томъ, что — «Бога нѣтъ. Природы нѣтъ».

Конечно, существованіе Бога можетъ стать вопросомъ точки зрѣнія. Но природа? Не будемъ

задаваться розыскомъ того, на чемъ ея упраздненіе основывается, и удовольствуемся ясностью причинъ, которыми оно вызывается. Любовь къ природѣ — источникъ любви. Любовь не нравится тѣмъ, кто проповѣдуютъ и воспитываютъ въ людяхъ ненависть...

* * *

Смерть дерева особенно грустна. Не знаю, какъ вамъ, а мнѣ грустнѣе видѣть смерть дерева, чѣмъ лошади. Не говорю о реальной сторонѣ потери. Въ крестьянскомъ быту, напримѣръ, смерть лошади— несчастье, подрывъ всему дому, и полю, и урожаю. Но если посмотрѣть съ нѣкоей высшей точки, — какъ символъ, дерево дороже. Испытали вы щемящій страхъ и болѣзненное чувство непоправимости, когда подъ стукомъ топора вдругъ въ первый разъ дрогнетъ древесная листва? Рана, передавшаяся по всѣмъ жилкамъ, до послѣднихъ оконечностей. А трескъ, — съ противодѣйствіемъ, съ нехотѣніемъ? И потомъ безвольный рухъ, и наконецъ глухой ударъ о землю... А пеньки? Проѣзжая лѣсомъ, мимо порубленной дѣлянки, гдѣ пахнетъ подгнивающей щепой, видали вы — пеньки, пеньки, пеньки? Лишь кое-гдѣ отъ пенька жирный зеленый отпрыскъ, а все кругомъ картина смерти, побоища. Одно только пожарище деревенское мрачнѣе и грустнѣе этого. Но и здѣсь бываетъ что-то утѣшающее, бодрящее: когда картина оправдана сознаніемъ хозяйственной необходимости, освящена разумной намѣренностью, искуплена усиліями возмѣщенія причиненнаго ущерба. Рядомъ со срубленной дѣлянкой, вотъ питомникъ: въ шашку поса-

женныя деревца, молоденькія, свѣженькія, радостныя, со всею радостью новыхъ поколѣній тянутся они на смѣну старикамъ. Не знаю, чувствуетъ ли природа эту преемственность своихъ поколѣній, но я никогда не могъ проходить мимо такого лѣсонасажденія въ сосѣдствѣ со свѣжею порубкой, чтобы это сосѣдство не вызвало въ памяти послѣднюю страницу «Дворянскаго Гнѣзда». Тутъ запахъ гніющей щепы, а тутъ — распускающейся почки. Такъ соприкасаются концами своими тѣ безконечныя нити, въ которыхъ духовная связь преходящихъ явленій: Память и Надежда. Такъ, раздѣленныя лишь узенькой межей моего минутнаго впечатлѣнія, старое Прошлое и молодое Будущее сливаются въ одно безвозрастное Время . . .

Дерево, люблю тебя! Люблю тебя — «въ полномъ блескѣ проявленій». Люблю въ лѣсу полдневный часъ; люблю полуденную прозрачность полуденной тѣни. Какое напряженіе природныхъ силъ: наибольшая сила свѣта, наибольшее противодѣйствіе листа. И свѣтъ побѣждаетъ: прозрачная тѣнь. Уже Леонардо да Винчи, великій природовѣдъ, замѣтилъ, что прозрачность листа уменьшается въ соотвѣтствіи съ остротой угла, подъ которымъ онъ принимаетъ солнечный лучъ. Очевидно, въ полдень, когда лучи отвѣсны, тогда же и листы болѣе всего прозрачны. Люблю въ полдневный часъ полуденную прозрачность полуденной тѣни. «Въ полномъ блескѣ проявленій», дерево, люблю тебя.

Везинэ
18 Сентябя 1923.

III

НЕЗРИМАЯ ВЕСНА.

Неужели вы предпочитаете весну осени? Послѣ Пушкина? Развѣ это мыслимо? Развѣ мыслимо послѣ него любить какое-нибудь время года больше осени? Какъ онъ ее любилъ! И какъ прославилъ! А вмѣстѣ съ тѣмъ, одна изъ изумительнѣйшихъ пѣсенъ веснѣ—первыя строки седьмой главы «Евгенія Онѣгина»:

Гонимы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года;
Синѣя, блещутъ небеса;
Еще прозрачные, лѣса,
Какъ будто пухомъ, зеленѣютъ;
Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой;
Долины сохнутъ и пестрѣютъ;
Стада шумятъ, и соловей
Ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей.

Какая восхитительная поспѣшность: ручьи, сбѣгающіе на потопленные луга. Вѣдь луга от-

того и потоплены, что сбѣжали на нихъ ручьи, а онъ заставляетъ ручьи сбѣгать на уже потопленные луга. Видите, какая поспѣшность, какой «ракурсъ» картины тающихъ снѣговъ. Вся эта строфа, начинающаяся «Гонимы вешними лучами» и кончающаяся «И соловей ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей», не есть описаніе момента, это не статическая картина весны, а это есть развитіе весны, сгущенное, ускоренное дѣйствіе, какъ быстраго вращенія кинематографическая лента; это не впечатлѣніе весенняго часа, это вся весна, въ ускоренномъ, но полномъ своемъ развитіи. И вотъ, въ этой послѣдовательности есть одинъ, первый моментъ, дивный, неповторимый. Тютчевъ сказалъ про осень:

Есть въ осени первоначальной
Короткая, но дивная пора.

Скажу:

Есть и въ веснѣ первоначальной
Короткая, но дивная пора.

Да, какъ ни внезапна наша русская весна, какъ ни краткосроченъ ея расцвѣтъ, а и въ ней есть свои періоды. Первый изъ нихъ особенно мнѣ дорогъ, то есть не дороже другихъ, а своеобразно дорогъ. Онъ скроменъ, онъ мало извѣстенъ. Ну кто ѣздитъ (виноватъ, — ѣздилъ) въ деревню въ концѣ Марта? Это еще не весна, но только предсказаніе весны.

Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ,
А воды ужъ весной шумятъ.

Кто же бывалъ въ деревнѣ въ эту раннюю пору? Да, только воды говорятъ о веснѣ, а то кругомъ еще

зима. Но чувствуется безвозвратный поворотъ туда, гдѣ уже зимы нѣтъ. Все бѣло, слѣпительно бѣло подъ горячимъ солнцемъ. Снѣжная кора еще плотная, еще выносливая. Ѣдете въ розвальняхъ и диву даетесь: какъ же это ѣдемъ? Если по снѣгу, то почему мокро? Если по водѣ, то почему же не проваливаемся? Обыкновенно такъ бываетъ: по плотному, твердому мокрыя мѣста, лужи; а тутъ какъ-то наоборотъ: подъ крѣпкимъ, плотнымъ чуется вода, какъ будто все полыньи. Даже и сугробы еще есть; правда, они какъ-то сѣли, по стариковски осунулись и какіе-то пористые стали, но все же настоящіе сугробы. Да только не знаютъ они, что снизу они истекаютъ, что точитъ ихъ своя же вода: текутъ неугомонныя струйки изъ-подъ сугробовъ, и отъ сугроба ничего не останется, — одинъ провалъ и надъ чернымъ мѣстомъ какой-то грязный, дыристый леденецъ. Бѣжитъ, бѣжитъ вода, кругомъ бѣжитъ, откуда только можно бѣжать, — отовсюду, гдѣ повыше; и куда только можно бѣжать, — всюду, гдѣ только пониже. Ни одного склона, ни овражка, ни колеи не пропуститъ; всякую излучину отыщетъ, надѣлаетъ промоинъ, канавы пораскопаетъ, овражныя вершины поразмоетъ, по рѣчкамъ, по прудамъ поразойдется, въ землю мягкую просочится, а поверхность оставитъ, отдастъ горячему солнцу...

Но это еще когда! А сейчасъ исподтишка лукавыя струйки чернѣютъ, въ снѣговой бѣлизнѣ поблестываютъ. Впрочемъ, деревней поѣдете, — уже много чернаго. Улица — непролазная черная грязь, и жмется къ избамъ прохожая баба, въ тулупѣ, въ сапожищахъ, красная по случаю зимы, потная по

случаю весны. Идетъ и ищетъ, гдѣ покрѣпче ногу поставить. Солома на прошлогоднихъ токахъ чернѣетъ, и навозъ чернѣетъ по заборамъ гуменъ и чуть-чуть дымится. Вороны, черныя, надъ чернымъ мѣстомъ взлетываютъ и садятся: длинный клювъ, вислыя лапы, а крылья какъ будто не знаютъ, что имъ дѣлать, — поднимать ли птицу или опускать. Въ ихъ движенiи глупая нерѣшительность и какая-то неуклюжая бережность...

Какое-то во всей картинѣ отсутствiе растительнаго царства. И это придаетъ какую-то сказочную заколдованность. Гдѣ-то вдали, надъ слѣпительной снѣговой бѣлизной, сѣрая дымка голаго лѣса; вблизи ничего. И только около плотины, край полузамерзшаго пруда, красными, какъ юной кровью налитыми прутьями встаютъ пучки вербы, ракиты, тальника. И вокругъ сочныхъ, гибкихъ, красныхъ прутьевъ едва-едва замѣтная желтая дымка... И стоитъ въ кустахъ и вкругъ кустовъ и надъ кустами невидимое щебетанье, нѣжное попискиванiе немолкнущихъ малиновокъ...

Животное царство еще не приспособилось. Собака, лохматая, глядитъ, не лаетъ, во дворѣ не сидитъ, а и на улицу не хочетъ, — трется около жилья. Свиньи съ поросятами у воротъ копошатся, что-то нашли. Курицы не отваживаются. Все у воротъ толпится, все ждетъ чего-то. И только лапчатая птица, гуси да утки, дождались своего: на полынью посередь замерзшаго пруда выплыли, плаваютъ и гогочутъ —

Ни дать ни взять — въ торговыхъ баняхъ бабы...

Съ соломенныхъ крышъ ледяныя сосульки висятъ. Но и капаетъ же съ нихъ на подсолнечной сторонѣ! Прямо мокрый говорокъ стоитъ, неугомонная капельная болтовня...

Странно все: что-то кончилось, а что-то еще не началось. Но нѣга обнимаетъ; отъ мокраго воротника холодно, а отъ солнца горячо. Отъ шубы ломитъ, а дышать легко... И хочется выйти, расправить залежавшіеся члены, а и жалко думать, что пріѣдешь и придется вылѣзать...

Какія-то силы работаютъ въ природѣ, работаютъ дѣло весны; но не видать. Лѣса «еще прозрачные», но пухомъ еще не зеленѣютъ; «пчела за данью полевой» еще не вылетала; стада не шумятъ, долины еще не сохнутъ и, конечно, не пестрѣютъ, и соловей еще не скоро будетъ пѣть «въ безмолвіи ночей». И тѣмъ не менѣе — весна! И въ холодномъ полуснѣ, еще недвижная, природа

Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года.

Все еще окоченѣлое (да и легко ли первымъ, косымъ еще лучамъ согрѣть и растопить эту долгую зимнюю промерзлость),

Но возрожденья вѣсть живая
Ужъ есть въ пролетныхъ журавляхъ.

И, внимая этой пролетной вѣсти, все живетъ смутнымъ сознаніемъ будущей радости. Сама недвижная,

Еще природа не проснулась,
Но сквозь рѣдѣющаго сна
Весну прослышала она
И ей невольно улыбнулась...

Вотъ эту улыбку мерзлой природы веснѣ, еще не существующей, но несомнѣнной, вотъ это я хотѣлъ отмѣтить, закрѣпить. То есть закрѣпить то, что она въ насъ пробуждаетъ, — необманное ожиданіе неминуемой радости. Всякое ожиданіе лучше осуществленія. Чѣмъ позже осуществленіе, тѣмъ радости больше. Уже путь къ радости есть радость:

Ступенями къ томительному счастью
Не меньше я, чѣмъ счастьемъ, дорожу.

Вѣдь лучше радоваться тому, что цвѣтокъ расцвѣтетъ, чѣмъ оплакивать, что онъ отцвѣтаетъ. Всякій нераскрывшійся цвѣтокъ есть — цвѣтенье въ будущемъ; всякій цвѣтущій цвѣтокъ есть — будущее увяданье. Всякое ожиданіе радости это — раскрытыя ворота въ будущее, и это, собственно, наибольшія наши радости, ибо это есть радость по радости. Вмѣстѣ съ тѣмъ это есть одно изъ нашихъ соприкосновеній съ безпредѣльностью, потому что предѣльный день, день радости, не наступилъ. Это есть, слѣдовательно, радость чистая, безъ примѣси той грусти, которую примѣшиваетъ къ радости сознаніе, что она, начавшись, должна и кончиться. Неотмѣченность предѣла ставитъ душу нашу передъ прообразомъ вѣчности. Вѣчность не страшна, вѣчность притягательна. А страшенъ именно предѣлъ, всякій конецъ, послѣдняя инстанція. Странно, — какъ будто даже незаконно, — что предѣлъ вмѣщаетъ въ себѣ безпокойство, вмѣсто покоя, который бы долженъ давать. Нѣтъ, я не люблю предѣла, меня предѣлъ тревожитъ; я спокоенъ, когда предѣлы падаютъ или еще не вставали; мой покой

— безпредѣльность. А предѣлъ всегда тревоженъ, и все равно, — начальный или конечный: вѣдь все, что началось, должно кончиться, что родилось, должно умереть. Вотъ почему люблю весну прежде, чѣмъ она началась, — еще не родившуюся, еще во чревѣ матери-зимы. И вотъ почему говорю, что

Есть и въ веснѣ первоначальной
Короткая, но дивная пора...

* * *

Знаете, еще почему захотѣлось мнѣ закрѣпить то, что сейчасъ описалъ? Скажу вамъ.

Я знаю, что въ Россію никогда больше не попаду. Все, что я на этихъ страницахъ описываю, — мимолетно. (Даже сперва думалъ книгу назвать «Мимолетности», но отставилъ заглавіе вслѣдствіе нѣкоторой изысканности слова, а также односторонности его). Но изъ всего мимолетнаго, изъ всего безвозвратнаго, самое мимолетное для меня — э т а мимолетность; самое безвозвратное — э т а безвозвратность. Изъ всей Россіи самое далекое, ушедшее, для меня не достижимое — русская деревенская весна...

Вотъ почему съ волненіемъ тревожу эти образы; вотъ почему люблю будить ихъ въ дремлющихъ глубинахъ памяти и вызывать на трепетную поверхность сегодняшняго дня. Думаю о смрадѣ, что заволокъ несчастную страну, —

А небо такъ нетлѣнно-чисто,
Такъ безпредѣльно надъ землей...

Но неужели одна только природа будетъ праздновать весну? А людямъ будетъ весна? Или навсегда останутся въ зимѣ? Ужели «возрожденья вѣсть живая» не прозвучитъ въ «пролетныхъ журавляхъ»? И, уставшая въ страданьяхъ, окоченѣлая до безразличія, ужели «сквозь рѣдѣющаго сна» не улыбнется когда-нибудь Россія невидимой, но чуемой веснѣ ?..

Везинэ
19 Сентября 1923.

IV

СОВПАДЕНІЯ.

Какъ опредѣлить, что такое случай, случайность? Можно такъ сказать: два дѣйствія, не состоящія въ отношеніи причины и слѣдствія, но единовременность которыхъ получаетъ нѣкое неожиданное для насъ значеніе. Такова всякая встрѣча. Вы выходите изъ дому, — на подъѣздѣ сталкиваетесь съ человѣкомъ, который къ вамъ шелъ: непреднамѣренное послѣдствіе двухъ несогласованныхъ дѣйствій.

Но это не исчерпываетъ формы случайности. Надо и иначе еще сказать. Случайность есть нѣчто втирающееся между причиной и слѣдствіемъ и опредѣляющее разнообразіе послѣдствій. Мальчикъ играетъ съ заряженнымъ ружьемъ и убиваетъ сестренку: случайная смерть. Человѣкъ стрѣляетъ въ невѣрную любовницу, попадаетъ въ брошку: случайное спасеніе.

Случайность. Странно: сама по себѣ не существуетъ, только въ вещахъ существуетъ, и даже не въ нихъ, а въ сопоставленіяхъ, — а между тѣмъ называемъ случайность, говоримъ о ней, какъ о какой-то личности. Неуловимая личность, но какая

отвѣтственная! Только подумайте,—если бы можно было на нее руку наложить, — какъ бы ей досталось! И гдѣ только ни дѣйствуетъ она, на какое только поприще ни распространяется ея дѣйствіе и въ какомъ масштабѣ! Судьбы сраженій, царствъ, народовъ! «Времена и лѣта» отъ нея зависятъ. Мюрже, авторъ «La vie de Bohème», сказалъ: «Le hasard est l'homme d'affaire du Bon Dieu». Но ученые упорствуютъ и, несмотря на шалости случайностей, выводятъ изъ событій — Разумъ Исторіи...

Конечно, не совсѣмъ вѣрно, когда говорю, что случайности нагоритъ, въ тотъ день, когда она попадется подъ руку. Иной разъ ее и благословляютъ, и, хотя она безъ разума, безъ замысла, но могла бы сказать, подобно Федровой кормилицѣ:

Но если бы мой замыселъ удался,
Разумною меня сочли бы всѣ,
Затѣмъ, что умъ успѣхомъ люди мѣрятъ.

Да, конечно. И люди это знаютъ, — называютъ же они случайность то счастливою, то несчастною. Эти эпитеты, понятно, имѣютъ чисто субъективное значеніе, даже скажемъ, до извѣстной степени эгоистическое: счастливая случайность для меня, человѣка, а вовсе не сама по себѣ. Случайность сама всегда безразлична. Это сама апатія, апатія до цинизма. А вмѣстѣ съ тѣмъ она всегда куда-нибудь склоняется; это вѣчно нарушенный нейтралитетъ.

Кромѣ счастливой и несчастной, въ каждой изъ этихъ категорій есть еще большія и маленькія, смотря по важности послѣдствій; или скажемъ—важныя и неважныя случайности. И, наконецъ, есть

совсѣмъ безразличныя совпаденія, безразличныя, но которыя поражаютъ, «фраппируютъ», какъ говорили нѣкоторые герои Достоевскаго.

Помню, въ министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ въ Петербургѣ былъ раутъ. Кто-то посмотрѣлъ въ окно и въ морозной ночи, освѣщенной электричествомъ, увидѣлъ на поиндевѣлой поверхности Александровской колонны большое латинское N. Конечно, разыгрались всѣ фантазіи; спириты ликовали. Оказалось, что это съ ближайшаго электрическаго фонаря падала на колонну тѣнь одной изъ буквъ фабричной марки на поверхности матоваго глобуса. Спириты пріуныли; но по моему гораздо интереснѣе всѣхъ мистическихъ объясненій именно та тупая случайность, которая на колонну Александра I набросила вензель Наполеона. Нужно же было, чтобы именно э т о й буквой фонарь оборотился къ колоннѣ.

* * *

Случайность тѣмъ болѣе насъ поражаетъ, чѣмъ больше количество возможностей, изъ которыхъ осуществляется одна. Когда она изъ тысячи возможныхъ совпаденій выбираетъ одно, то совпаденіе насъ болѣе удивляетъ, чѣмъ когда выбираетъ изъ десятка. Значимость совпаденія увеличивается въ зависимости отъ процентнаго отношенія единицы, т. е. осуществившагося акта, къ суммѣ неосуществившихся возможностей. Вотъ пустяшный примѣръ.

Сижу на скамейкѣ Никитскаго бульвара въ Москвѣ. Рядомъ со мной дама двумъ своимъ дѣтямъ читаетъ вслухъ. Мало обращаю вниманія на чте-

ніе: что-то изъ рыцарскихъ временъ... Думаю, не пора ли мнѣ идти? Надо на часы посмотрѣть. Пока вынимаю изъ кармана часы, барыня читаетъ: «Въ это время часы на башнѣ пробили половину третьяго». Смотрю на свои часы: половина третьяго. Вотъ совпаденіе безъ всякаго внутренняго смысла, безъ какого-либо выхода въ область практическую. Но оно насъ поражаетъ именно и только вслѣдствіе огромнаго процентнаго отношенія единичнаго случая къ безконечному числу иныхъ, возможныхъ, но капризною случайностью отставленныхъ возможностей. На первый взглядъ можетъ показаться не очень сложнымъ. Ну, чтожъ? — скажетъ иной, — выборъ изъ двѣнадцати часовъ; прибавить, что часы бьютъ половины, — вотъ вамъ выборъ изъ двадцати четырехъ, т. е. 4%. Такое разсужденіе было бы правильно, если бы дѣло шло только о совпаденіи д а н н а г о мѣста д а н н о й книги и моего прихода въ д а н н ы й часъ. Но вѣдь и данная книга могла быть раскрыта на другой страницѣ въ данный моментъ, и я могъ посмотрѣть на часы прежде, чѣмъ была прочитана эта фраза. Это при самой скромной численности элементовъ совпаденія. А начните только прибавлять все прочее: могъ авторъ сказать, что часы пробили не половину третьяго, а половину четвертаго; и наоборотъ, — могло чтеніе состояться въ то время, когда мои часы показывали бы половину второго или иной какой часъ. Далѣе, — могла мать читать своимъ дѣтямъ другую книгу, могъ и я сѣсть на другую скамейку и т. д. и т. д. Раскрывается поле безчисленнымъ возможностямъ, и случайность выразится уже не въ

четырехъ процентахъ, а и сосчитать нельзя будетъ, во сколькихъ. Тутъ окажется недостаточнымъ и то, что наши купцы называли «одинъ процентъ на тыщу». Я думаю, что это то же самое, какъ если бы въ рулеткѣ вмѣсто одного шанса на 36 была бы одна тысячная на тысячу. Тутъ уже сочетанія сочетаній и совпаденія совпаденій.

Собственно, это есть какъ бы встрѣча двухъ жизней, подобно тому какъ встрѣчаются два поѣзда на сосѣднихъ путяхъ. Въ каждомъ окнѣ человѣкъ, въ каждомъ окнѣ, можно сказать, своя жизнь; но есть въ этихъ двухъ поѣздахъ два окна, по окну въ поѣздѣ, въ которыхъ сидятъ два человѣка, другъ съ другомъ знакомые. Поѣзда, идущіе въ разныя стороны, на станціи останавливаются, и случайно наши знакомые смотрятъ другъ на друга, окно въ окно. Такъ и случайности житейскаго пути неожиданно сводятъ два момента двухъ жизней, идущихъ по разнымъ направленіямъ. Это есть механическая картина совпаденій. А вотъ другая. Представьте, вы ѣдете въ поѣздѣ; рядомъ съ вашимъ другой. Но въ этомъ второмъ поѣздѣ нѣтъ оконъ, или только очень рѣдкія окна. Вы можете, соотвѣтственно капризамъ скорости, все время ѣхать такъ, что ваше окно будетъ противъ глухого мѣста; а можете ѣхать и такъ, что вдругъ, хотя на мгновенье, ваше окно окажется противъ окна сосѣдняго поѣзда. Тогда сквозь это второе окно вы увидите то, что по ту сторону поѣзда, то, чего безъ этой случайности вы бы никогда не увидѣли. Да, это еще другая механическая картина совпаденій, но вмѣстѣ съ тѣмъ не есть ли это эмблема того, въ чемъ нѣ-

которые видятъ соприкосновеніе съ потустороннимъ? Не будемъ углубляться; но какъ бы они это ни называли, — оккультизмъ, спиритизмъ, или просто случай, — а только, руководимые судьбой, поѣзда житейскіе встрѣчаются, другъ другу сопутствуютъ, останавливаются, расходятся и разъѣзжаются, но окна иногда совпадаютъ. Въ этихъ мимолетныхъ встрѣчахъ, въ этихъ безвозвратныхъ разлукахъ есть что-то волнующее нашу поверхность, что-то тревожащее нашу глубину. Гдѣ теряются концы тѣхъ нитей, которыя къ этимъ совпаденіямъ приводятъ? Есть ли кто, кто этими нитями руководитъ? И если есть, то для чего? Неужели только ради мимолетнаго удовлетворенія какого-то неопредѣленнаго синтетическаго инстинкта? Почему насъ привлекаетъ случайное, то что французы называютъ — le fortuit? Почему мы *отмѣчаемъ* то, что случайно, почему собираемъ разсыпанное, сближаемъ далекое, сочетаемъ чуждое, ищемъ намѣренія въ томъ, гдѣ намѣренія нѣтъ, и почему вводимъ въ высшій міръ разума то, во что мы сами вкладываемъ разумъ?

* * *

Не на этомъ ли самомъ инстинктѣ основана риѳма? Случайное звуковое совпаденіе словъ, и мы гонимся за нимъ; и эта случайность сближаетъ далекое по смыслу; и чѣмъ дальше смыслъ, тѣмъ дороже созвучіе. Почему же такъ цѣнна близость звуковая при дальности смысла? Не есть ли это — введеніе *сознательности* въ область случая?

Очень возможно: случайность — оккупированная область, оккупированная сознаніемъ. И случайность капитулируетъ, звуковыя совпаденія ложатся въ риѳмы, подчиняются:

Двѣ сами придутъ, третью приведутъ.

На дняхъ сама природа, — назовемъ такъ стеченіе обстоятельствъ, — пожелала устроить такую «риѳму». Мы были въ театрѣ Le Grand Guignol. Глупая пьеса съ претензіями на ужасъ. Возвращаемся домой. Одинъ изъ насъ говоритъ: «Во всей пьесѣ собственно только одно, въ смыслѣ ужаса, дѣйствительно удачное мѣсто: когда онъ кидается въ темную комнату, и раздается трескъ разбитаго зеркала». Въ это самое мгновенье мы всѣ вздрагиваемъ: гдѣ-то въ домѣ рушится стекло, — трескъ огромнаго количества стекла. Повскакали съ мѣстъ и въ нижнемъ этажѣ, въ буфетѣ увидали лежащій на полу шкапъ съ порожними бутылками. Развѣ не риѳма?

Къ тому же порядку надо отнести и опечатки,— тоже случайность. Три категоріи опечатокъ: первая — ошибка, которую читатель тотчасъ же мыслью возстановляетъ; вторая — затемняющая смыслъ, т. е. безсмысленная и не поддающаяся разъясненію; наконецъ третья — опечатка со смысломъ, но не тѣмъ, опечатка искажающая. Это, конечно, самая непріятная, та, которая больше другихъ заслуживаетъ обычный эпитетъ «досадная». Какая здѣсь игра процентовъ и какая иногда ехидная въ случайности изобрѣтательность. Но бываютъ и не

«досадныя» опечатки, — изъ категоріи счастливыхъ случайностей. Извѣстно происхожденіе стиха —

Et, rose, elle a vécu ce que vivent les roses, —
L'espace d'un matin.

У автора было — «Et Rosette a vécu...» Наборщикъ набралъ — «Roselle». Авторъ при корректурѣ воспользовался тѣмъ, что ему положила подъ перо случайность, и, разорвавъ слово надвое, поставивъ двѣ запятыя, написалъ одинъ изъ прелестнѣйшихъ стиховъ французской пѣсни.

Есть и четвертая категорія опечатокъ. Это когда наборщикъ не ошибается, а поправляетъ автора. Здѣсь сама опечатка не является послѣдствіемъ случайности; напротивъ, въ ней есть умыселъ, опредѣленно волевой элементъ. Но результатъ такого рода опечатокъ даетъ любопытныя случайности.

Въ одномъ стихотвореніи Марины Цвѣтаевой:

Здѣсь, на землѣ, мнѣ подавали гроши
И жернововъ навѣшали на шею.

Наборщикъ, очевидно, рыцарски настроенный и оскорбленный за женщину, поправляетъ: жемчуговъ.

У нея же, въ другомъ стихотвореніи:

Голуби рѣютъ растерянные.

Наборщикъ переправляетъ: разстрѣлянные.

У Максимиліана Волошина:

Слѣдъ босой ноги благословляя...

Наборщикъ предпочелъ широкимъ махомъ:

Слѣдъ босой н о г о й благословляя...

Въ моихъ американскихъ лекціяхъ по русской исторіи (русское изданіе) я разсказываю о бракѣ Іоанна III. Софья Палеологъ, обручившись съ нимъ заочно въ Римѣ, отправилась въ путь на сѣверъ и черезъ Любекъ пріѣхала въ Москву. Наборщикъ, очевидно, лучше меня знакомый со способами сообщенія, написалъ: «черезъ Любань». И какъ же византійской царевнѣ въ Москву пріѣхать, какъ не курьерскимъ поѣздомъ Николаевской дороги...

Эту категорію можно бы назвать сознательными случайностями, съ безсознательнымъ, т. е. непреднамѣренным результатомъ. Это относится къ области того, что принято называть sancta simplicitas; и сюда же можемъ отнести неожиданности тѣхъ, кого называемъ enfants terribles. Случайность часто пользуется невѣдѣніемъ, и никакое ехидство не сравнится по жестокости съ ехидствомъ наивности: невинность бываетъ изыскана въ жестокости.

Въ присутствіи гостьи отецъ спрашиваетъ дѣвочку:

— Сонечка, ты сказала мамѣ, что Марія Ивановна къ намъ пришла?

— Да.

— Что же она сказала?

— Она сказала — какая скука.

Это случайности безкровныя. Есть случайности кровавыя. Есть то, что у насъ называется «шальная пуля». Въ совѣтской Россіи жизнь человѣческая

висѣла на тонкомъ волоскѣ случайности. Случайно спасались, случайно попадались. Милый, радостный Леша Смирновъ спалъ сладкимъ дѣтскимъ сномъ, когда товарищъ разбудилъ его: «Пришли, бѣги!» Кровать стояла у окна; но онъ не допроснулся и повернулся набокъ. Товарищъ выскочилъ, а онъ былъ разстрѣлянъ... Одна изъ гнуснѣйшихъ пуль. Онъ такъ просился — жить! — когда гнусные цѣлились въ него... Да, не всегда случайность имѣетъ значеніе только пустого бряцанія безполезными совпаденіями...

Вотъ не «кровавый», но и не «пустой» случай.

Одному нумизмату попалась замѣчательная монета, такая, что ни въ одномъ каталогѣ нумизматическомъ не значится. Онъ пригласилъ нѣсколькихъ своихъ пріятелей, тоже собирателей монетъ, позавтракать и за завтракомъ показалъ удивительное свое новое пріобрѣтеніе. Монета пошла по рукамъ, вызывая общее восхищеніе. Когда хозяину показалось, что вдосталь ею налюбовались, онъ протянулъ руку, чтобы ему ее вернули. Но монеты не оказалось. Искали, искали, — пропала монета. Видя, что на лицѣ хозяина начинаетъ проступать недовѣріе, гости предложили подвергнуть себя обыску. Одинъ наотрѣзъ отказался. Можно себѣ представить впечатлѣніе, произведенное отказомъ. Его не обыскивали, но онъ покинулъ домъ своего друга, провожаемый общимъ подозрѣніемъ въ сокрытіи монеты. Всѣ присутствовавшіе при этой сценѣ прекратили съ нимъ знакомство, на улицѣ ему не кланялись. Онъ прослылъ воромъ, и неизвѣстно, чѣмъ бы это кончилось, если бы не заблаго-

разсудилось случайности разъяснить то самое, что было дѣломъ рукъ ея.

Черезъ много мѣсяцевъ всѣ бывшіе на томъ завтракѣ очутились опять въ домѣ своего пріятеля, собирателя монетъ. Къ большому удивленію своему они увидѣли и того, въ комъ подозрѣвали похитителя и которому въ теченіе этого долгаго времени не кланялись.

— Мы всѣ очень виноваты, сказалъ хозяинъ, передъ нашимъ добрымъ другомъ; мы его подозрѣвали и жестоко его наказали за преступленіе, котораго онъ не совершилъ. На дняхъ производили у меня чистку квартиры, поднимали ковры, и подъ ковромъ столовой нашли монету. Вотъ она.

Затѣмъ, обращаясь къ тому, котораго считали виновникомъ пропажи:

— Скажите намъ теперь, почему вы не пожелали быть обысканнымъ и предпочли нести незаслуженное подозрѣніе со всѣми его послѣдствіями?

— Потому что вы начали съ того, что монета ваша уникумъ, и, дѣйствительно, она ни въ одномъ каталогѣ не значится; но я нашелъ такую же и принесъ ее тогда, чтобы показать вамъ. Если бы ее нашли въ моемъ карманѣ, кто же бы повѣрилъ, что это не ваша, а другая? Вотъ она. *)

Самая жестокая случайность та, которая можетъ быть исправлена только другою же случайностью. Тутъ требуется возвращеніе случайности на

*) Если не ошибаюсь, подобный эпизодъ составляетъ содержаніе одной изъ повѣстей Лермонтова. Однако, мною переданный случай имѣлъ мѣсто въ Англіи.

то же мѣсто, на свой же собственный слѣдъ. Это новое осложненіе въ области совпаденій; а чѣмъ сложнѣе, тѣмъ рѣже:

> Gelegenheit, Gelegenheit!
> Wann komst du mir entgegen!..
> (Случай, случай!
> Когда ты мнѣ подвернешься!)

Наконецъ, относятся къ области совпаденій еще и находки. Какими сложными, длинными путями иногда потерянное возвращается! Но я разскажу одинъ случай очень несложной находки, только особенно мнѣ дорогой и замѣчательный тѣмъ, что предметъ былъ какъ будто найденъ для того, чтобы пропасть.

Мать моя обожала деревья. Въ Павловскѣ у насъ сажала, развела цѣлые лѣса. На огромномъ пространствѣ двухъ сотъ пятидесяти десятинъ обходила, подстригала, повитель и хмѣль сдирала, сушь пилила, сѣмена собирала, гусеницъ снимала, червьи гнѣзда срѣзала и, придя домой, на кухнѣ сжигала. Однажды вернулась домой въ отчаяніи: пропали ея любимыя ножницы. Искать на такихъ пространствахъ—развѣ мыслимо!.. Такъ ножницы пропали...

Черезъ тринадцать лѣтъ послѣ ея смерти садовникъ нашъ Иванъ Воробьевъ приходитъ сіяющій: нашлись княгинины ножницы. Онѣ были найдены въ лѣсной чащѣ, въ одномъ изъ дальнихъ угловъ парка... Ржавыя, уже ни на что не годныя, хранилъ я эти ножницы въ ея спальнѣ; тамъ заняли онѣ свое бывшее мѣсто на стѣнѣ, въ числѣ другихъ (менѣе

любимыхъ) ножницъ, рядомъ съ садовымъ ножемъ и пилой. Тамъ висѣли онѣ въ теченіе семи лѣтъ...

Когда въ первые мѣсяцы революціи я переѣхалъ въ уѣздный городъ Борисоглѣбскъ, я свезъ туда въ числѣ прочихъ своихъ «остатковъ» и эти ржавыя ножницы. Уѣзжая въ Урюпинскую станицу, оставилъ ихъ на окнѣ и прикрылъ книжкой... Оттуда какъ-то разъ писалъ домашнимъ: «Берегите ножницы», но о мѣстѣ, гдѣ лежали, забылъ упомянуть. Письмо попало въ руки представителей Чеки. «Ножницы? Что такое? Какія-такія ножницы? Знаемъ мы ножницы! Это для отводу. Ножницы? Пулеметы, а не ножницы»...

Напрасно домашніе объясняли, въ чемъ дѣло: ржавыя, старыя садовыя, тупыя! Ничто не помогало, и все грознѣе раздавалось грозное слово. Вдругъ случайно кто-то изъ нихъ, подойдя къ окну, поднялъ книжку: ножницы были вторично «найдены». Передъ этимъ нѣмымъ отвѣтомъ смолкли,—повѣрили. Да, повѣрили, но взяли: ножницы вторично «пропали».

Онѣ, конечно, туда ушли,—какъ предметъ презрѣнно-ненавистный. Но какъ не смогла тринадцатилѣтняя ржавчина снять съ нихъ того любовно-трудового налета, который былъ ихъ украшеніемъ, такъ не сниметъ его и ненависть похитителей: они его не видятъ, но онъ остался... Въ этой исторіи вторая случайность оказалась измѣнницей. Потому невзлюбилъ я и первую: ужъ лучше бы оставались тамъ лежать, ржавѣли бы подъ мертвымъ листомъ...

Не знаю, много ли изъ моихъ читателей (да во-

обще изъ людей) склонны удѣлять вниманіе той сторонѣ жизни, которую опредѣляю общимъ именемъ совпаденій. Есть, конечно, люди, случайностью интересующіеся, но они же ее и искажаютъ. Они не только вѣрятъ, они вѣруютъ въ случайность и въ ея пророчески-необманную силу. Это люди, одержимые предразсудками. Что такое предразсудокъ, какъ не отмѣченное, закрѣпленное и въ законъ возведенное совпаденіе? Но это есть насиліе, это есть предъявленіе требованія. Они ставятъ случайность въ причинную зависимость отъ какого-нибудь посторонняго явленія и этой зависимостью уничтожаютъ самую сущность случайности, придавая ей характеръ обязательный. Но большинство, думаю,—даже увѣренъ,—на случайностяхъ не останавливается, проходитъ мимо и даже смѣется надъ тѣми, кто не только останавливается, но еще и задумывается надъ такими пустяками, говоритъ, пишетъ о нихъ. Однако, есть случаи, когда сама жизнь съ какой-то особенной яркостью выставляетъ ихъ напоказъ, какъ будто тычетъ намъ ихъ въ глаза. Именно «въ глаза». Только послушайте.

Я былъ у извѣстнаго глазного врача Дюфура въ Лозаннѣ. На стѣнѣ его кабинета я увидѣлъ мужской портретъ, который приковалъ мое вниманіе. Во-первыхъ, само по себѣ рѣдко прекрасное лицо, во-вторыхъ, удивительно похожее на покойнаго Владиміра Соловьева.

— Кто это?—спросилъ я доктора.

— О, это удивительный человѣкъ. Къ сожалѣнію рано скончавшійся. Молодой нѣмецкій окулистъ, но въ краткую свою жизнь успѣвшій сдѣлать замѣ-

чательное открытіе, давшее возможность излѣчивать одну глазную болѣзнь, которая до него считалась неизлѣчимой... И, представьте, какая странная его біографія. Онъ былъ подкидышъ. Его положили на ступени крыльца одного изъ принцевъ Гогенцоллернскаго дома. Принцъ принялъ его, далъ ему отличное воспитаніе. Онъ пошелъ по медицинской части, сталъ окулистомъ, сдѣлалъ свое замѣчательное открытіе и умеръ совсѣмъ молодымъ. Принцъ на много лѣтъ пережилъ своего пріемыша. Въ преклонномъ возрастѣ онъ заболѣваетъ той самой глазной болѣзнью, и его вылѣчиваютъ тѣмъ самымъ способомъ, который былъ открытъ его пріемышемъ...

Какой красивый случай загробной благодарности. И какъ нравится мнѣ это полное отсутствіе какихъ-нибудь сверхестественныхъ вмѣшательствъ,—никакихъ духовъ, никакихъ предзнаменованій, не говоря уже о вертящихся и постукивающихъ столахъ. Ничего выманеннаго, никакого надрыва въ этой благодарности:

Все тихо, просто было въ ней.

Да, мимо такого случая уже пройти нельзя, не призадумавшись. Но вообще скажу,—для тѣхъ, кто съ усмѣшкой отъ этого рода явленій отмахиваются,—скажу, что я вѣдь ни разу и не придалъ ни моимъ наблюденіямъ, ни моимъ ощущеніямъ какую-либо объективную цѣнность. Оцѣнка всего этого лежитъ въ области субъективной, зависитъ отъ темперамента, личной впечатлительности, того уклона, какой принимаетъ наблюдательность того или

другого человѣка. Но думаю, что менѣе занимательна жизнь того, кто проходитъ мимо, нежели того, кто замѣтитъ, остановится и призадумается, а то и разсмѣется. Смѣхъ, горячій, умный, столько краски придаетъ. Приходитъ мнѣ на память, какъ однажды Владиміръ Соловьевъ читалъ лекцію о Тютчевѣ (онъ только что тогда написалъ свою знаменитую характеристику, послужившую исходной точкой дальнѣйшихъ изслѣдованій о поэтѣ). Въ одномъ мѣстѣ лекціи онъ говорилъ о чередованіяхъ свѣта и мрака: «Эти переходы изъ тѣни въ свѣтъ и изъ свѣта въ тѣнь» . . . Вдругъ на этомъ самомъ словѣ тухнетъ электричество, залъ погруженъ въ недоумѣвающую темноту, и среди всеобщаго озадаченнаго молчанія—громкій, искренній, радующійся смѣхъ Владиміра Соловьева. . . Мнѣ думается, что въ смѣнѣ явленій мимолетныхъ, разрозненныхъ, изъ которыхъ складывается ожерелье жизни, эти случаи есть какъ бы окрики; не окрики изъ другого міра, какъ, можетъ быть, думаютъ нѣкоторые, но окрики природы нашему невниманію, нашей зрительной бѣглости, своего рода «Memento». А, можетъ быть, и даже вѣроятнѣе всего, — не природа, т. е. не извнѣ насъ окликаетъ, а изнутри, нашъ же голосъ, одинъ изъ нашихъ внутреннихъ голосовъ. Впечатлительность наша окликаетъ нашъ разумъ: «Эй, прохожій, остановись!» Вамъ не кажется, что, въ порядкѣ неодушевленнаго чередованія явленій, это то же, что въ порядкѣ одушевленномъ—улыбка? Улыбкой этой дайте закончить мой разсказъ,— «даже не разсказъ».

Одна моя знакомая дама ѣхала изъ Москвы въ

Петербургъ. Ѣхала въ третьемъ классѣ. На одной изъ станцій входитъ и садится напротивъ нея молодой парень лѣтъ шестнадцати съ сестренкой. Прелестнымъ своимъ лицомъ, ясными глазами и курчавыми бѣлокурыми волосами онъ сразу понравился моей знакомой; а тѣмъ, какъ уложилъ головку сонной дѣвочки себѣ на колѣни, какъ оберегалъ ея сонъ, онъ сразу же завоевалъ ея расположеніе. Разговорились: онъ маляръ, живетъ съ матерью и сестрой въ Петербургѣ на Пряжкѣ, ѣздилъ за дѣвочкой къ бабушкѣ и теперь везетъ ее домой. Передъ отъѣздомъ захотѣлось моей дамѣ сдѣлать ему на прощаніе подарокъ,—положила ему въ руку три рубля.

— Что вы, зачѣмъ же, это не надо...

— Не тебѣ,—спохватилась барыня,—сестренкѣ на гостинцы.

На другое утро, разсказывала мнѣ моя знакомая, пошла она къ своей пріятельницѣ. На Конногвардейскомъ бульварѣ жила, высоко, въ четвертомъ этажѣ. Изъ оконъ видъ великолѣпный; чудное солнечное утро. Сидятъ у окна, разговариваютъ,—вдругъ снизу за окномъ что-то поднимается, и выплываетъ большая малярная кисть и за ней милое бѣлокурое лицо!..

— Я раскрыла глаза,—такъ и обомлѣла.

— А онъ что?

— Улыбнулся!..

Везинэ
30 Сентября 1923.

V

ПРЕДѢЛЫ И БЕЗПРЕДѢЛЬНОСТЬ.

Какое у Пушкина легкое прикосновенiе къ смерти! Какъ она у него не страшна! Какъ онъ ее сводитъ до чего-то незамѣтнаго, что поглощается жизнью! Съ двухъ сторонъ подходитъ жизнь, за жизнью смерти и не ощущаешь. «Младая жизнь», «вѣчная краса», игра «у гробового входа». Смерть—мгновенье, такой краткости, что почти не существуетъ; предѣлъ земной упраздняется, онъ лишь прохожденiе, и безпредѣльность безпредѣльная раскрывается за тѣмъ, что принято называть послѣднимъ мгновенiемъ.

И какъ это возможно человѣку до такой степени любить жизнь и въ то же время до такой степени легко ее отдавать! И не думайте, что это была легкость отношенiя къ смерти, то есть къ тайнѣ ея. Всю глубину онъ понималъ и чувствовалъ, и передъ ликомъ смерти, хотя и на одно мгновенье, но набѣгала тѣнь, склонялась голова и омрачались очи. Такъ смотрѣлъ онъ на лежащiй на снѣгу трупъ Ленскаго:

Недвижимъ онъ лежалъ, и страненъ
Былъ томный миръ его чела.

Знаю отъ очевидцевъ, что Левъ Толстой со слезами на глазахъ читалъ эти два стиха, считая ихъ высочайшими среди стиховъ высочайшаго поэта. И подумать, что это написалъ тотъ же, кто такъ любилъ жизнь, не только жизнь, но дурманъ жизни. Да, тотъ же самый, который былъ навсегда поэтомъ, къ чему бы ни прикасался: поэтъ, когда говоритъ о смерти, поэтомъ и остается, когда говоритъ, что

Еще бокаловъ жажда проситъ
Залить горячій жиръ котлетъ.

Но все это исчезаетъ, и «горячій жиръ котлетъ», и «томный миръ его чела», все расходится, какъ дымъ, какъ паръ, расходится въ раскрывающейся вѣчности, разливается въ посмертномъ сіяніи «равнодушной природы».

Здѣсь, конечно (сдѣлаемъ маленькое отступленіе), здѣсь говорю не о человѣкѣ-Пушкинѣ. Не объ Александрѣ Сергѣевичѣ, котораго мы съ вами и не знаемъ. Говорю о поэтѣ, о томъ, который въ книгѣ. Какъ я вообще не люблю, когда по стихамъ возстанавливаютъ образъ человѣка. Какая-то реставрація римскаго Форума. Къ чему это, и развѣ это интересно? А главное развѣ это можетъ дать живой, цѣльный образъ? Да вѣдь поэтъ не можетъ быть безъ противорѣчій,—развѣ можетъ? Вѣдь онъ пишетъ обо всемъ, онъ пишетъ все что чувствуетъ объ этомъ всемъ, на все откликается, ибо

Dichter lieben nicht zu schweigen.
(Поэты не любятъ молчать.)

И если онъ поэтъ, то пишетъ въ послѣдней степени напряженія, въ каждое мгновенье онъ весь, онъ непреложенъ, онъ вѣщаетъ истину даннаго мгновенья, но навсегда. Эта молніеносность провозглашенія, равно не думающая ни о послѣдствіи, ни объ отвѣтственности, вотъ въ чемъ яркость и сила; но въ этомъ же и трудность, скажу даже—невозможность, опредѣленія личности; а для самого поэта—какая мучительность въ чередованіяхъ этихъ глубинъ, готовыхъ одна отъ другой отказаться! Вы не думаете, что къ нему, къ самому поэту можно отнести то, что «простившій» поэтъ говоритъ, той, которая его измучила?—

Ich sah die Schlang, die dir am Herzen frißt,
Ich sah, mein Lieb, wie sehr du elend bist.
(Я видѣлъ змѣю, что сосала твое сердце,
Я видѣлъ, дитя, какъ безмѣрно ты страдаешь.)

Разнообразіе откликовъ, разнообразіе освѣщеній,—да вѣдь въ этомъ и прелесть и сила. Легкость впечатлѣнія, непосредственность провозглашенія,—да вѣдь въ этомъ и глубина и убѣдительность. И изъ этого вы хотите составить портретъ, построить характеръ? Да кто скажетъ, какія среди всѣхъ этихъ чередованій страшныя въ душѣ поэта бываютъ пустоты,—когда обольщеніе увѣковѣчено въ стихѣ, а самообольщеніе прошло; когда соблазненный читатель ликуетъ, а соблазнившій поэтъ уже занятъ другимъ и чувствутъ иное, и по иному горитъ, и воздыхаетъ по иному? Вѣдь каждую минуту творчества ему дорого именно то, о чемъ пишетъ, или вѣрнѣе,—то, что пишетъ. Всѣ мимолетности, всѣ без-

возвратности онъ переноситъ въ вѣчность, дѣлаетъ ихъ навсегда незыблемыми и всегда возвратимыми. И нѣтъ бренности, которая бы не была ему дорога. Онъ все принимаетъ,—если онъ поэтъ,—онъ, какъ нѣкая сокровищница бренностей. И изъ этого вы хотите вычитать человѣка? Бросьте! Нѣтъ, не объ Александрѣ Сергѣевичѣ, а о Пушкинѣ.

* * *

Есть нѣкая странная, скажу—античная въ Пушкинѣ холодность. Не знаю, чувствуете ли вы ее? Холодность, но, конечно, не сухость. Именно въ Пушкинѣ видимъ разницу между холодностью и сухостью, все равно какъ между чувствомъ и чувствительностью. Какъ бы близко онъ ни подошелъ къ вамъ, онъ никогда не возьметъ васъ подъ руку: въ немъ нѣтъ запанибратства. Какъ сочетать эту холодность съ горячимъ отношеніемъ къ жизни? И какъ сочетать эту глубину лирики съ отсутствіемъ всякаго копанія въ самомъ себѣ? Непревзойденныя сочетанія и никѣмъ не осуществленная полнота, круглота, сферичность. Никогда радости безъ грусти, никогда горя безъ надежды. Проливной дождь при яркомъ солнечномъ сіяніи—вотъ Пушкинъ. Удивительное равновѣсіе отраженій. Но всякое равновѣсіе холодно, даже равновѣсіе самыхъ горячихъ ощущеній, самыхъ жгучихъ колебаній. И это равновѣсіе есть та нить, что проходитъ изъ прошлаго въ вѣчность сквозь игольное ушко смерти. Но и само игольное ушко у него упразднено. Нигдѣ я этого упраздненія не чувствую,

какъ въ «Похоронной Пѣснѣ» изъ «Пѣсенъ Западныхъ Славянъ». Выписываю: мнѣ столь же пріятно переписать, какъ вамъ перечитать.

Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава Богу.
Свѣтитъ мѣсяцъ; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.

«Дальняя дорога», — такъ представляется ему загробіе. И какъ легко! Такъ у насъ, бывало, передъ отъѣздомъ изъ деревни, глядя въ окно, говорили: «Хорошо поѣдете, холодкомъ поѣдете». Не труднѣе этого и переселеніе туда: чуть не «лошади поданы». И какое продолженіе земныхъ мѣрокъ въ безмѣрности потусторонняго: «Свѣтитъ мѣсяцъ», «ночь ясна». Я бы сказалъ—геоморфизмъ, подобно тому какъ есть антропоморфизмъ, — когда миѳологія создавала боговъ по человѣческому образу: то человѣкообразіе, а то землеобразіе. Безконечное—по образу конечнаго, безмѣрное по мѣркѣ мѣрнаго. Какъ же и вмѣстить ограниченному разуму неподдающееся уразумѣнію безграничіе? Иначе не вмѣстить, какъ при помощи знакомыхъ образовъ,—отмѣренныхъ, отсчитанныхъ, прожитыхъ, испытанныхъ. И вотъ, сливается образъ земной со значеніемъ неземнымъ, и все пріобрѣтаетъ силу двойственности. «Чарка выпита до дна». Тоже двойственность. Какая чарка? Та, что, пустая, поставлена на столъ и по обычаю опрокинута донушкомъ кверху, или та, въ которой былъ сокъ земной жизни и выпитъ до послѣдней капли? Какая чарка,—та ли, изъ которой больше не хочетъ пить, или

та, изъ которой больше не можетъ пить? Ну, какая бы ни была, а только—«пора ѣхать». Еще два слова напутствія:

Пуля легче лихорадки;
Воленъ умеръ ты, какъ жилъ.
Врагъ твой мчался безъ оглядки;
Но твой сынъ его убилъ.

«Пуля легче». Да, все легко. Какое желаніе утѣшить. Вѣдь ему пріятно будетъ знать, что было въ послѣднюю его минуту, или, вѣрнѣе, въ первыя минуты его безсознанія. «Пуля легче лихорадки». Да развѣ можетъ быть не легко это дивное текучее чередованіе буквы Л? ЛЯ, ЛЕ, ЛИ. Эта одинаковость звуковая, которая сливаетъ обѣ сравниваемыя величины (пуля, лихорадка) въ среднемъ членѣ, въ рѣшающемъ понятіи, въ заливающемъ качествѣ легкости,—это дѣйствительно лёгко. Самый легкій саванъ въ сравненіи съ этимъ тяжелъ. И какъ хорошо слово «убилъ» заканчиваетъ картину. Три стиха длительнаго дѣйствія, въ безвременіи продолжающагося (легче, жилъ, мчался), и четвертый стихъ четкій, ставящій точку: послѣдняя предѣльность въ жизни того, кто, перейдя предѣлы, вступилъ въ безпредѣльное. И затѣмъ—порученія переселяющемуся путешественнику:

Вспоминай насъ за могилой;
Коль сойдетесь какъ-нибудь,
Отъ меня отцу, братъ милый,
Поклониться не забудь!

Ты скажи ему, что рана
У меня ужъ зажила:
Я здоровъ — и сына Яна
Мнѣ хозяйка родила.

Дѣду въ честь онъ названъ Яномъ:
Умный мальчикъ у меня;
Ужъ владѣетъ ятаганомъ
И стрѣляетъ изъ ружья.

Дочь моя живетъ въ Лизгорѣ;
Съ мужемъ ей не скучно тамъ;
Тваркъ ушелъ давно ужъ въ море,
Живъ иль нѣтъ, — узнаешь самъ.

Знаете ли вы что-нибудь болѣе волнующее, чѣмъ величіе этой обыденщины? Знаете ли что-нибудь болѣе необыденное, чѣмъ простота этого величія? Какая благость, какое примиреніе въ этомъ общеніи земли съ небомъ. И какъ земное все уменьшено до степени ничтожества передъ безконечностью того, во что оно вливается, къ чему служитъ лишь преддверіемъ. И всѣмъ предстоитъ то же: и Тварку, и дочери, и мужу, и умному мальчику Яну, и хозяйкѣ, и самому ему,—всѣмъ имъ, и не только имъ. Такъ быть должно, такъ не быть не можетъ. Таковъ порядокъ, таковъ и обычай. Вся жизнь земная—одинъ обычай, и выходъ изъ нея тоже одинъ изъ обычаевъ. Есть въ неизмѣнности обычая смиряющая и вмѣстѣ утѣшающая сила. Поражаетъ во всемъ этомъ отсутствіе слезы,—никакого причитанія. Какое сочетаніе нѣжности и мужественности. И даже на этомъ о т с у т с т в і и нѣжности какъ будто слишкомъ долго человѣкъ остановился,—заглядѣлся, заслушался, замечтался, чуть не нюни распустилъ! Чего тамъ еще!.. Ну, еще разъ:

Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава Богу.
Свѣтитъ мѣсяцъ; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.

Проводилъ. И даже во слѣдъ глядѣть не стоитъ: по этой «дорогѣ» пыли нѣтъ...

* * *

Не знаю, какъ вы, а меня ни одно стихотвореніе Пушкина такъ не выноситъ за предѣлы, какъ это. Предѣлъ упраздненъ, стѣна опрокинута, смерть продырявлена. Предѣльное осталось позади, или нѣтъ,—сливается съ безпредѣльнымъ. «S'ingolfa nell'infinito», сказалъ Тассъ о рѣкѣ, вливающейся въ океанъ. Замѣчательно здѣсь слово «s'ingolfa», отъ слова «golfo»—«гавань»: ей безконечность служитъ гаванью. Не всякій способенъ на такое упраздненіе предѣльности, но я думаю, что настоящее углубленное мышленіе немыслимо для того, для кого предѣлы имѣютъ объективную цѣнность. Мысль должна перешагнуть, а перешагнуть можно только черезъ предразсудокъ. Но предразсудки такъ же стары, какъ и мудрость. По крайней мѣрѣ, вотъ что я читалъ у одного китайскаго мудреца. А что же старѣе китайскихъ мудрецовъ?

«Размѣры безграничны; время безконечно. Условія не неизмѣнны; предѣлы не конечны.

«Такимъ образомъ, мудрецъ смотритъ въ пространство, и не считаетъ малое слишкомъ малымъ, а великое слишкомъ большимъ,—потому что онъ знаетъ, что нѣтъ границъ размѣрамъ.

«Онъ оглядывается на прошлое, и не печалится о томъ, что далеко, и не радуется тому, что близко,—потому что онъ знаетъ, что время безконечно.

«Онъ испытываетъ успѣхъ и разочарованіе, но не радуется удачѣ и не печалится неуспѣху, — потому что знаетъ, что условія не неизмѣнны.

«Тотъ, кто дѣйствительно позналъ основу бытія, ни жизни особенно не радуется, ни смерти особенно не страшится,—потому что онъ знаетъ, что предѣлы не конечны».

Такъ китайскій мудрецъ уничтожаетъ потусторонность не тою матеріалистической слѣпотою, которая не хочетъ посмотрѣть за предѣлъ, а тѣмъ упорно-вдумчивымъ взглядомъ, который упорствомъ своимъ упраздняетъ предѣлъ...

Къ числу предѣловъ относится и то нѣчто странное, что люди называютъ возрастомъ. Конечно, есть физическая сторона, всегда стоящая въ зависимости отъ состоянія здоровья. Но само по себѣ количество годовъ развѣ есть нѣчто осязаемое, вѣсомое? Духъ не имѣетъ «возраста». Я по крайней мѣрѣ рѣшилъ, что умру моложе, чѣмъ родился. Эта отмѣтка предѣловъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, эта покачивающая головой покорность передъ тѣмъ, что не наступало,— какая трата жизни въ этомъ, какое самоумерщвленіе прежде смерти.

Съ этой же нѣжной склонностью къ предѣльности связано и другое, не менѣе противное понятіе: итогъ. Вы понимаете это,—«итоги»? Человѣкъ, дошедшій до извѣстнаго «возраста» и объявляющій читателю въ предисловіи, что онъ рѣшилъ подвести «итоги» своего жизненнаго «опыта». Какой ужасъ! Какой халатъ! Какія туфли!! И какой же «итогъ» можетъ быть, когда цѣпь слагаемыхъ никогда не прекращается? Нѣтъ, не признаю итога, — люблю

плюсъ, всегда плюсъ, ждущій своего слагаемаго; не люблю точку,—люблю вопросительный знакъ; ненавижу закрытую дверь,—обожаю раскрытое окно. И возраста не люблю,—развѣ жизнь имѣетъ возрастъ? Все это остановки, перегородки. Зачѣмъ? Вѣдь предѣловъ можно настроить такъ много, а безпредѣльность — одна...

Но такъ ужъ устроенъ человѣкъ, и такъ складываются условія, имъ создаваемыя, что перегородки и множатся и высятся. Вся наша жизнь, собственно, очерчена, переполосана предѣлами. Кроваво выступили на поверхности человѣчества предѣлы классовые и національные. Въ нихъ задыхается наше сознаніе, и мы ищемъ, мы ловимъ, — какъ заключенный ловитъ сквозь окно лучъ солнца, сквозь форточку струю воздуха,—мы ловимъ всякое проявленіе жизненнаго единства. Бываютъ, рѣдко, но бываютъ случаи его подтвержденія, и тогда это праздники, незабываемые праздники духа. Вотъ одинъ такой праздникъ.

Зимой 1923 года восхитительная Фелія Литвинъ давала въ Парижѣ концертъ. Она между прочимъ пѣла всю «Dichterliebe» Шумана, по-французски, въ томъ числѣ «Ich grolle nicht». Французское «J'ai pardonné», конечно, лучше передаетъ удивительный текстъ оригинала, нежели русское «Я не сержусь». У нея эта нота прощенія съ особенной, безгоречной щедростью проникала дивную музыку, и каждый звукъ былъ полонъ этимъ забвеніемъ перенесенныхъ страданій. И тѣмъ не менѣе, думалъ я,—какъ мало переводъ передаетъ: все въ ней, а не во французскихъ словахъ. Она прощаетъ, она забы-

ваетъ, не помнитъ обиду; слезами своихъ ранъ омываетъ ранившую ее руку и тяжесть злопамятства замѣняетъ радостью забвенія. Да, она опрокинула предѣлы и вышла на просторъ. Когда она кончила,—среди бури рукоплесканій мнѣ хотѣлось крикнуть: «Généreuse!»... Понемногу буря смолкла: видно было, что она готовится повторить. Но тутъ произошло нѣчто неслыханное. Среди молчанія вдругъ раздались слова: «Voulez-vous maintenant me permettre de vous le chanter en allemand?» Не могу передать впечатлѣніе той минуты молчанія, которая за этимъ послѣдовала. Это было въ самый разгаръ Рурскихъ осложненій и добрососѣдскаго человѣконенавистничества. Въ воздухѣ повисъ вопросъ,—я понялъ,—вопросъ человѣческаго достоинства. Сколько это длилось, не знаю, не помню, но отвѣтъ прорвался громомъ разрѣшительныхъ рукоплесканій. Это, конечно, одинъ изъ самыхъ памятныхъ мнѣ праздниковъ духа. Здѣсь были опрокинуты предѣлы, и она за собой вывела въ безпредѣльность...

Какъ удивительно все это сочеталось вмѣстѣ. Что иное, кромѣ этой чудной Шумановской страницы, съ гордо-примирительными Гейневскими словами, могло осуществить ту побѣду духа? Кому же, какъ не этой музыкѣ, какимъ словамъ, какъ не этимъ, вывести толпу изъ закостенѣлости того, что Владиміръ Соловьевъ называлъ — «зоологическій патріотизмъ» и «національный каннибализмъ»? Эта удивительная вещь Шумана стоитъ совершенно отдѣльно во всей музыкальной литературѣ. Я бы сказалъ, что она единственная, если бы не было удивительнаго «Для береговъ отчизны дальней» Бороди-

на. Вотъ двѣ вещи, одна на великолѣпныя слова Гейне, другая на дивныя слова Пушкина, одна въ мажорѣ, другая въ минорѣ, обѣ до послѣдней степени каждая въ духѣ своего народа, и обѣ, при всей народности своей,—классическія въ самомъ незыблемомъ, неоспоримомъ, вѣчномъ смыслѣ этого слова. Онѣ тоже—вышли за предѣлы человѣческихъ дѣленій.

Заговоривъ о музыкѣ по поводу предѣловъ, не могу не упомянуть одну навсегда запечатлѣвшуюся мнѣ картину. Нашъ извѣстный пѣвецъ, теноръ Алѐксандровичъ, поетъ сейчасъ по всей Европѣ циклы русской пѣсни. «Откуда вы достаете ноты?—спрашиваю я его: вѣдь это такъ трудно; изъ Россіи достать нельзя, да и что же тамъ осталось? Нѣмцы во время войны уничтожили въ Лейпцигѣ доски бѣляевскихъ изданій... Откуда берете вы ноты?» «А я изъ Россіи съ собой привезъ. Отъ Минска до границы мы съ женой сани наняли: шестьдесятъ верстъ лѣсами и болотами. И вотъ, пока мы по колѣно въ снѣгу шли, рядомъ съ нами, на саняхъ, ѣхалъ огромный тюкъ съ нотами»... Что скажете объ этой картинѣ? Человѣкъ, сквозь снѣжные сугробы, изъ чащи лѣсовъ и болотъ спасающій поющую душу своей земли, чтобы изъ предѣловъ родины вынести ее въ міровую безпредѣльность...

Да вообще, изъ всѣхъ твореній человѣка музыка больше всего способна выносить за предѣлы. Развиваясь въ одномъ только времени, она упраздняетъ пространство: вмѣсто двухъ категорій, въ которыхъ мы живемъ,—только одна. И упразднена та̀ категорія, которая больше всѣхъ предѣлами грѣшитъ.

Вмѣсто трехъ измѣреній, въ которыхъ мы живемъ,—только одна—длина. Когда мы въ музыкѣ пребываемъ, для насъ не существуетъ ни «гдѣ?», ни «откуда?», ни «куда?»: музыка есть торжествующее «нигдѣ». Но и единственное музыкальное измѣреніе,—длина,—развивается не въ пространствѣ, а во времени. Не отвѣчая на вопросъ «когда?», отметая понятіе «никогда», музыка есть торжествующее «всегда». Нигдѣ и всегда. Этими двумя понятіями упраздняются: пространство цѣликомъ, а во времени—предѣлы. Здѣсь же мы прикасаемся къ близости музыки со свѣтомъ. Свѣтъ есть наименьшая тѣлесность въ пространствѣ, въ томъ, что мы воспринимаемъ зрѣніемъ; музыка есть наибольшая тѣлесность во времени, въ томъ, что мы воспринимаемъ слухомъ. Вотъ почему въ изображеніи невидимаго, безплотнаго міра живописцы прибѣгали къ сочетанію свѣта и музыки; вотъ почему въ картинахъ вѣчнаго блаженства видимъ ангеловъ, въ солнечныхъ лучахъ играющихъ на музыкальныхъ инструментахъ. Свѣтъ, какъ наименьшая пространственность, и звукъ, какъ ощутимая длительность, и сочетаніе ихъ—какъ наипростѣйшая зрительно-слуховая формула вѣчности, безпредѣльности.

* * *

Трудны нѣкоторыя словесныя изображенія. «Безпредѣльное», «безконечное», «безвременное»,—все это не опредѣленія, а лишь отрицанія земныхъ опредѣленій. Одинъ мой маленькій племянникъ вернулся изъ зоологическаго сада: «Ну, папа, какого я стран-

наго звѣря видѣлъ! Вродѣ не-собаки». Такъ мы опредѣляемъ новое старымъ, невѣдомое вѣдомымъ, непостижимое постигаемымъ. Такъ мы и безпредѣльность — измѣряемъ! Измѣряемъ отсутствіемъ предѣльныхъ вѣхъ. Впрочемъ, иногда для уразумѣнія мало понятнаго прибѣгаемъ и къ сравненію. Такъ Вольтеръ говорилъ, что онъ понимаетъ безконечность, созерцая человѣческую глупость...

Одно изъ труднѣйшихъ для пониманія словъ — слово «безчисленный». Обычно мы его употребляемъ въ смыслѣ—такой, котораго сосчитать нельзя (значитъ, такой, который имѣетъ число). Но если возьмемъ слово въ порядкѣ аналогіи съ такими словами, какъ «безпредѣльный», «безконечный», то оно будетъ значить — такой, который не имѣетъ числа. Это превосходитъ мое земное пониманіе больше даже, нежели отсутствіе предѣловъ и концовъ. Безъ числа! На числѣ построена вселенная. «Отними у предмета число,—сказалъ Блаженный Августинъ,—останется прахъ». Вселенная тоже «предметъ», и выйти мыслью изъ власти этого «предмета» свыше нашихъ силъ. Такое существованіе внѣ условій не укладывается въ разумъ. Во всей извѣстной мнѣ поэзіи знаю лишь четыре строки Тютчева, гдѣ существованіе мыслится въ наибольшей возможности отрѣшенія отъ условій пространства, времени и тяжести,—они съѣдены свѣтомъ:

Душа хотѣла бъ быть звѣздой, —
Но не тогда, какъ съ неба полуночи
Сіи свѣтила, какъ живыя очи,
Глядятъ на сонный міръ земной, —

Но днемъ, когда, сокрытыя какъ дымомъ
Палящихъ солнечныхъ лучей,
Они, какъ божества, горятъ свѣтлѣй
Въ эѳирѣ чистомъ и незримомъ.

Здѣсь вся матеріальность существованія съѣдена свѣтомъ, предѣлы въ свѣтѣ тонутъ, и предѣльность свѣтомъ поглощается. Въ земныхъ условіяхъ существованія свѣтъ, конечно, больше всего даетъ ощущеніе отсутствія предѣловъ и ближе всего подводитъ къ безпредѣльности. Въ строкахъ Тютчева много уничтожающихъ силъ: свѣтила скрыты дымомъ лучей, солнечные лучи—палящіе, эѳиръ незримъ; и несмотря на все это скрывающее, съѣдающее, сжигающее, испепеляющее,—бытіе подтверждается: нѣтъ зримости, но есть знаемость. Знаемость эта рождаетъ въ насъ увѣренность, увѣренность въ бытіи свѣтилъ, свѣтомъ поглощаемыхъ. И это, я думаю, самая сильная картина безпредѣльности, какую можемъ зрѣть въ предѣлахъ земныхъ.

Везинэ
28 Сентября 1923.

VI

ОДИНОЧЕСТВО.

Какъ утомителенъ звукъ человѣческихъ голосовъ! Не шумъ толпы, не вокзалъ или биржа, или митингъ, а нѣсколько человѣкъ въ одной комнатѣ, и даже не одновременно говорящихъ. Какъ это утомительно! А когда при этомъ вамъ ставятся вопросы! Все готовъ отдать, только бы минуту молчанія, одиночества, а тутъ приходится отвѣчать. На меня иногда это производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто у меня въ головѣ катушки, на нихъ намотаны на каждой своя нитка, а кончики этихъ нитокъ наружу, на лбу торчатъ. И вотъ, каждый вопросъ— это какъ будто беретъ человѣкъ такую ниточку за кончикъ, вытаскиваетъ и къ столу прибиваетъ гвоздикомъ: каждый вопросъ это, какъ гвоздь, которымъ кончикъ ниточки пригвождается къ столу. И надо отвѣчать, а если не отвѣтишь, то ниточка такъ и останется пригвожденная и двинуться нельзя. А какъ отвѣтилъ, такъ кончикъ освобождается, и ниточка сама на катушку закручивается и обратно втягивается. Вотъ какое мученье человѣческіе голоса. Понятно блаженство одиночества въ такія минуты.

Впрочемъ, условимся въ значеніи словъ. Одиночество не значитъ отсутствіе людей. Вѣдь можно и среди людей, можно въ обществѣ чувствовать себя одинокимъ. И вотъ именно это и есть то, что обусловливаетъ утомительность,—одиночество въ обществѣ. Когда выдыхается всякая внутренняя связь съ окружающими,—вотъ тогда голоса перестаютъ быть носителями мысли, а становятся лишь носителями звука въ разныхъ степеняхъ напряженія. Вы слышите интонаціи, скорость, медленность, большую или меньшую громкость, но вы совершенно безразличны къ содержанію, и, окруженные себѣ подобными, вы умственно одиноки. И когда я сказалъ, что въ такія минуты все готовъ отдать за минуту одиночества, это не совсѣмъ вѣрно. Надо бы сказать наоборотъ: готовъ отдать все, только бы уйти изъ этого одиночества.

Приходится, очевидно, слову «одиночество» дать два значенія. Одно одиночество такъ сказать численное, ариѳметическое, когда я одинъ; другое одиночество нравственное, умственное,—когда я, хотя и не одинъ, а одинокъ. Въ первомъ случаѣ я со своими мыслями, я пребываю цѣликомъ въ своемъ мірѣ, значитъ, я въ одиночествѣ не одинокъ. Во второмъ случаѣ я въ чужомъ мірѣ, среди чужихъ мыслей и потому—въ неодиночествѣ одинокъ.

Возьмите, напримѣръ, отшельника: онъ въ своей кельѣ не одинокъ, а въ гостиной среди свѣтской болтовни, очевидно, одинокъ. Не правильно развѣ говорю, что слово «одиночество» имѣетъ два значенія? Но вотъ что любопытно. Для нѣкоторыхъ людей оба одиночества совпадаютъ, т. е. когда онъ одинъ,

тогда же чувствуетъ онъ себя одинокимъ; а для другихъ наоборотъ,—между обоими одиночествами разрывъ, они не совмѣстимы: когда онъ одинъ, тогда онъ не одинокъ, а одиночество онъ ощущаетъ, когда онъ на людяхъ. Предоставляю всякому положить на вѣсы сравнительную цѣнность этихъ двухъ пониманій и постараться разрѣшить, — кто же изъ двухъ больше страдаетъ: «человѣкъ общества», когда онъ одинъ, или человѣкъ, любящій одиночество, когда онъ въ «обществѣ» . . .

* * *

Человѣкъ второго типа въ этихъ случаяхъ однимъ лишь спасается: наблюдательностью. Какой другъ, какой вѣрный союзникъ духовнаго одиночества—наблюдательность! Какой наперсникъ! А когда къ наблюдательности еще прибавляется юморъ! Вотъ компанія! Да, развѣ можетъ быть что лучше? Какое общество замѣнитъ это? Вѣдь юморъ, это вторичная цѣнность явленій, субъективная цѣнность того, что я вижу, цѣнность, которой нѣтъ въ природѣ, но которую я даю явленіямъ. Юморъ есть нѣкая переоцѣнка явленій, проведеніе ихъ подъ другимъ угломъ, освѣщеніе другимъ лучемъ. И этотъ лучъ всегда смягченнаго свѣта; въ немъ нѣжность выбора, тонкость осторожности, благодушіе снисходительности, и все сливается въ улыбкѣ смягчающаго обстоятельства.

Какая удивительная въ юморѣ способность къ перерожденію явленій, или, собственно, не явленій, а нашего воспріятія явленій,—въ концѣ концовъ, пе-

рерожденія насъ самихъ. Читая разговоръ Чичикова съ Коробочкой, думали ли вы когда-нибудь, что вы и сами могли бы быть на мѣстѣ Чичикова, и съ васъ бы лилъ третій и девятый потъ отъ этой тупой безтолковости, что вы бы готовы были кулакомъ хватить по этому лбу, такъ хватить, что она и не очнулась бы (и присяжные бы оправдали). Но вотъ, пока читаете, ни капли злобнаго нетерпѣнія въ васъ нѣтъ, — одна улыбка, одно наслажденіе. Вѣдь наслажденіе тѣмъ самымъ, что въ жизни васъ привело бы въ состояніе каленаго желѣза. Что же произошло? Юморъ васъ переродилъ, изъ гнѣва перестроилъ на благодушіе. Юморъ какъ бы двоитъ явленіе въ нашей оцѣнкѣ и, заслоняя раздражающую дѣйствительность, выдвигаетъ новую, творчески созданную цѣнность явленій. Естественно, что становится дорогимъ товарищемъ въ жизни этотъ удвоитель жизни, и что никогда вы не одни, когда есть въ васъ склонность къ юмору.

Но юморъ имѣетъ и другое еще значеніе, не по отношенію только къ самому человѣку, а въ качествѣ связующаго начала, какъ мостъ отъ человѣка къ человѣку. Вѣдь никакая скука не скучна, когда есть съ кѣмъ переглянуться, перемигнуться. Эти минуты—это какъ бы подчеркиваніе жизни, это курсивъ житейскаго текста. Эта встрѣча двухъ юморовъ создаетъ ту почву однородности, на которой два мало знакомыхъ человѣка вдругъ находятъ основу къ сближенію: это есть первый залогъ къ полному взаимопониманію, то есть, когда этого нѣтъ, то до окончательнаго пониманія не дойдетъ. Въ комъ есть юморъ, никогда не сойдется съ тѣмъ, у кого его

нѣтъ. Но тотъ, у кого его нѣтъ, знаетъ цѣнность его въ смыслѣ связующей силы и не гнушается пріемовъ перемигиванія, когда хочетъ поймать чужую благосклонность: игра въ искренность,—не поддавайтесь.

Юморъ, сказалъ я, перебрасываетъ мостъ отъ человѣка къ человѣку. Въ этомъ смыслъ его общественной роли. Сколько ораторовъ признавались, что только послѣ того, какъ имъ удавалось вызвать смѣхъ аудиторіи, они чувствовали, что завладѣли ей,—уже не были одиноки. Въ юморѣ сливаются разности людскія, это есть покровъ, примиряющій, утишающій, и я вполнѣ понимаю, почему въ большевицкой Москвѣ не было улыбки на лицахъ: не только отъ нужды, отъ голода и холода, а и у тѣхъ, даже главнымъ образомъ у тѣхъ, кто были противъ нужды болѣе обезпечены, нежели другіе — у коммунистовъ никогда не было улыбки. Скажу болѣе, — на лицахъ оскорбляемыхъ чаще видалъ улыбку, чѣмъ на лицахъ оскорбителей. Естественно,—они должны ненавидѣть юморъ, какъ начало любви, какъ одну изъ формъ прощенія. Для нихъ юморъ это покровъ, подъ которымъ сглаживаются тѣ грани, на подчеркиваніи которыхъ они строятъ свое отношеніе къ людямъ. Никакая классовость, никакая партійность съ юморомъ несовмѣстимы; онѣ должны передъ юморомъ растаять, «аки воскъ отъ лица огня». Ну какъ же классовости и партійности выдержать прикосновеніе юмора, когда даже застѣнчивость передъ нимъ испаряется. Помню, въ лазаретѣ одинъ раненый, очень застѣнчивый и потому ко мнѣ относившійся очень несмѣло, собрался съ духомъ,

попросилъ отстукать ему на машинкѣ письмо къ отцу. Диктуетъ: «И прошу передать поклонъ супругѣ моей»... Я перебиваю, какъ будто продолжаю: «Акулинѣ». «Какъ вы знаете?» Хохотъ по всей палатѣ, и въ этомъ хохотѣ потонула и отчужденность моего застѣнчиваго солдатика... Да, юморъ—антикоммунистическое сѣмя, это персидскій порошокъ человѣконенавистничеству. И, конечно, тѣ, кто задаются цѣлью рыть пропасти между людьми, должны изгонять изъ жизни то, что обладаетъ такой силою сближенія. Кто творитъ дѣло расторженія, не можетъ любить юморъ.

И не только исчезновеніе юмора подмѣтилъ я въ коммунистической молодежи; вмѣстѣ съ юморомъ уходитъ и его постоянный спутникъ — общительность, а съ нею и привѣтливость.

Въ булочной, на Пантелеймоновской въ Петербургѣ, поздно вечеромъ въ декабрѣ 1921 года. Передъ самымъ закрытіемъ магазина зашелъ булку купить. Стоитъ въ магазинѣ молодой человѣкъ новой формаціи, въ шинели, въ папахѣ, бѣлокурый, толстыя губы, бѣлесые глаза, какъ стеклянные,—холодные, черствые. Дама-продавщица вышла на морозъ, чтобы передъ закрытіемъ взять изъ витрины выставленное печенье. Съ огромнымъ нагруженнымъ подносомъ останавливается передъ стеклянною дверью магазина,—обѣ руки заняты. Молодой человѣкъ, ближе меня стоявшій къ двери,—хоть бы двинулся. Я тогда кинулся мимо него и отворилъ дверь. Впустилъ продавщицу и, захлопнувъ снова дверь, говорю:

— Да, молодой человѣкъ, въ наше время почиталось за счастье дамѣ услужить.

Съ каменно-недвижнымъ лицомъ онъ произнесъ:

— Крррайне неумѣстное ваше замѣчаніе.

— Простите, никакого замѣчанія, а просто вспомнилъ свое время.

— Крррайне неумѣстное срравненіе.

— Никакого сравненія, а просто воспоминаніе. Будете моихъ лѣтъ, тоже будете вспоминать.

Какъ тумба, онъ стоялъ, и стеклянный взоръ выражалъ одно отрицаніе, одно холодное отталкиваніе всякихъ человѣческихъ отношеній... Я вышелъ на щиплющій, кусающій, потрескивающій морозъ...

Что жъ? Я и объ этомъ сейчасъ вспоминаю съ улыбкой. Но вспоминаю и слова Ювенала: «Difficile est satiram non scribere» (Трудно не писать сатиру)...

Велика общественная сила улыбки. Животныя не улыбаются, и исчезновеніе улыбки въ людяхъ есть признакъ приближенія ихъ къ животному состоянію. Не даромъ у англичанъ во время войны вездѣ, въ окопахъ, на батареяхъ, на корабляхъ, было написано: «Keep smiling» (Не переставай улыбаться). Да,—улыбка, какъ противодѣйствіе страху и звѣрству... Конечно, эта, если можно такъ сказать,— дисциплинарная улыбка не представляетъ собою то, что есть въ улыбкѣ цѣннѣйшаго: непосредственность, непроизвольность, что французы называютъ — spontanéité. Въ безотвѣтственности человѣка за то просвѣтлѣніе, которое заливаетъ его лицо, истинная цѣнность улыбки. Она поднимается со дна, точно родникъ высылаетъ ее на поверхность, и, чѣмъ меньше человѣкъ самъ повиненъ въ улыбкѣ, тѣмъ она драгоцѣннѣе. Въ этомъ преимущество ребенка: ребенокъ никогда не улыбнется, если онъ не чувствуетъ

удовольствія или радости. Улыбка ребенка лишена обмана, потому что лишена усилія; въ немъ нѣтъ намѣренія улыбнуться. Впослѣдствіи жизнь засоряетъ тотъ родникъ, прокладываетъ густые пласты, и не такъ легко родникъ выноситъ на поверхность сіяющій разливъ своего преизбытка... Но есть люди, есть женщины, которыя, совершенно утративъ способность и даже охоту къ улыбкѣ, продолжаютъ улыбаться! Ничего не можетъ быть противнѣе этой лжи, этой хулы. У нихъ родникъ давно изсякъ и улыбка есть своего рода поливка. Зато, что можетъ быть драгоцѣннѣе, умильнѣе, какъ когда изъ-подъ тины житейской, прорвавъ броню страданія, поднимается со дна сіяніе, заливающее всю поверхность глубокаго горя? Много въ природѣ прекраснаго,

Но и въ избыткѣ упоенья
Нѣтъ упоенія сильнѣй —
Одной улыбки умиленья
Измученной души твоей.

Улыбка съ юморомъ неразлучна. Даже когда нѣтъ видимой, мускульной улыбки, есть внутренняя, и она чувствуется. Тогда, какъ дѣланная улыбка тѣмъ противна, что подъ ней чувствуется отсутствіе внутренней. О, какъ ужасны люди, не знающіе юмора! Люди, видящіе одинъ «буквальный» смыслъ явленій! Человѣкъ безъ юмора, — что фонарь безъ свѣта. Бѣгите ихъ: вотъ оно настоящее одиночество. Бѣгите отъ нихъ,—на нихъ и наблюдательность притупляется, ей нечего наблюдать. Бѣгите, идите на улицу...

А я, правда, на улицѣ менѣе одинокъ, чѣмъ въ гостиной. И какъ все полно интереса! На улицѣ наблюдательность немножко какъ будто смягчается, теряетъ остроту. Оттого ли, что нѣтъ причины спорить, нѣтъ возможности воздѣйствовать, что никому дѣла нѣтъ до васъ, а главное, что никто васъ ни въ чемъ не хочетъ убѣдить,—только на улицѣ наблюдатель во мнѣ понемногу уступаетъ мѣсто зрителю. Смѣна явленій не допускаетъ послѣдовательности мыслей и выводовъ, и улица, превращая меня въ зрителя, сама плыветъ, какъ зрѣлище.

Зрѣлище жизни! Кто тѣ, кто сохраняетъ способность этого зрительства и радость имъ доставляемую? Вѣдь это радость дѣтскихъ глазъ. Подумайте только,—сохранить свои дѣтскіе глаза! Какое сокровище сравнится съ этимъ? Тотъ же маленькій племянникъ мой, о которомъ упоминалъ, вернулся однажды съ прогулки по Парижу: «Ты знаешь, папа, что я видѣлъ? Карету, которая ѣхала безъ лошадей! И знаешь, чѣмъ она двигалась? Электричествомъ, п р о с т о электричествомъ». Вотъ эта «простота» явленій, опрощеніе великихъ законовъ природы, когда они проникаютъ ежедневную нашу жизнь, когда удивленіе превращается въ привычку, а привычка перестаетъ удивлять,—вотъ что я называю сохраненіемъ дѣтскихъ глазъ. И у кого это есть, тотъ никогда не одинокъ.

* * *

Не знаю, достаточно ли обрисовываются смыслы слова «одиночество». Я думаю, намъ придется еще

разложить это понятіе: русскій языкъ такъ богатъ. Скажемъ такъ. Ариѳметическое понятіе—«одиночество», то есть когда человѣкъ численно одинъ, одинъ самъ съ собой. Когда онъ въ обществѣ, но чувствуетъ свою несліянность съ окружающими, это—«одинокость». Не правда ли, это уже совсѣмъ другое? Но когда онъ хочетъ уйти отъ одинокости, обрѣсти себя,—чего онъ тогда ищетъ? Онъ изъ «одинокости» спасается въ «уединеніе». Вотъ то цѣнное, что устраняетъ физическую численность окружающаго и обезпечиваетъ неприкосновенность внутренняго содержанія личности. Уединеніе—великое врачеваніе. Врачеваніе отъ прикосновеній, врачеваніе отъ В о п р о с а! Вопросъ—врагъ, разрушитель уединенія. Вотъ въ чемъ отдохновительность улицы: она не спрашиваетъ. Въ этомъ же отдохновительность толпы. Почему-то принято толпу считать врагомъ уединенія. Не понимаю. Вѣдь въ толпѣ нѣтъ отдѣльныхъ личностей, въ ней люди пропадаютъ, и мы можемъ безъ всякой натяжки сказать, что въ толпѣ нѣтъ людей. Какъ же она можетъ мѣшать уединенію? Да, толпа не спрашиваетъ, отсюда ея отдохновительность. Но и грозное же нарушеніе того, къ чему мы привыкли,—когда толпа да вдругъ потребуетъ отвѣта...

Есть въ вопросѣ извѣстная издѣвательская сила. Учащенный вопросъ можетъ превратиться въ своего рода пытку. Дѣти, во многихъ отношеніяхъ мучители, знаютъ и этотъ способъ мучительства. Вы знаете дѣтское «Зачѣмъ?» Этотъ вопросъ, который сторожитъ вашъ отвѣтъ, чтобы сейчасъ же за отвѣтомъ поставить васъ передъ новымъ «Зачѣмъ?» Соб-

ственно, отвѣтъ ребенку не нуженъ, онъ хорошо чувствуетъ, что жизнь не въ отвѣтѣ, а въ вопросѣ. Вопросъ силенъ безразличіемъ къ отвѣту. Въ одномъ маленькомъ городѣ въ окнѣ одного домика висѣлъ попугай. Онъ все повторялъ: «Какъ тебя зовутъ?» Передъ окномъ цѣлый день толпились ребятишки. Ихъ занималъ говорящій попугай, которому хотѣлось знать, какъ ихъ зовутъ. Но вы думаете, можетъ быть, что хоть одинъ изъ нихъ отвѣтилъ попугаю: Ванька, или Катя, или Мишка? Ни разу. Они всѣ только повторяли его же вопросъ: «Попка, какъ тебя зовутъ?» Да, мучители дѣти. И философы при этомъ. Они знаютъ, а не знаютъ, такъ чувствуютъ, что Шиллеръ сказалъ:

Nur das Irrtum ist das Leben,
Und das Wissen ist der Tod.
(Въ заблужденіи лишь жизнь,
А ужъ знаніе есть смерть).

Дѣти это знаютъ, и вовсе не ждутъ, что Попка дѣйствительно отвѣтитъ и скажетъ, какъ его зовутъ, и вовсе не намѣрены и ему сказать, какъ ихъ зовутъ: они не хотятъ з н а т ь, не имѣютъ никакого желанія ни умереть, ни другого убивать. И вотъ, стоитъ трескотня вопросовъ...

О, звонъ словесный, какъ оскорбительно твое трескучее движеніе! Столь же оскорбительно, какъ тупая недвижность невнемлющаго молчанія. И всегда предносится памяти моей наставленіе митрополита Филарета: «Да не будетъ слово твое праздно, да не будетъ молчаніе твое безсловесно». Правда, восхитительна геометричность этого изреченія? И не восхи-

тительна развѣ полярность его; и два полюса, другъ у друга заимствующіе свои эпитеты? Не прекрасна развѣ образная дальность и при этомъ близость по существу? Вѣдь именно оттого, что они далеки другъ отъ друга, оттого оба сравниваемые члена такъ крѣпко сливаются въ одинаковости. Не поражаетъ васъ, какъ силою этихъ крайностей сама собой выжимается единственность истины? Или, можетъ быть, вы противъ крайностей? Зачѣмъ вы противъ крайностей? Боитесь неправдоподобія? Я знаю, вы всѣ за правдоподобіе. Ну, что такая за драгоцѣнность—правдоподобіе? Тормазъ мышленію, больше ничего. Вы, можетъ быть, и противъ геркулесовыхъ столповъ? Ну какъ же можно? Вѣдь геркулесовы столпы—это самая крайность. А какъ же быть противъ крайностей? Все, въ особенности всякую ложь, надо доводить до крайности. Изъ крайности родится истина. Бэконъ сказалъ, что она гораздо скорѣе родится изъ заблужденія, чѣмъ изъ смѣшенія понятій. Поэтому мы должны привѣтствовать геркулесовы столпы, это врата въ истину. Ложь хитрая, она боится договоренности. А ее надо заставить договориться. И когда она во всей яркости наготы своей предстанетъ, тутъ и обнаруживается истина. Увѣряю васъ,—въ договоренной лжи есть своего рода «Да будетъ свѣтъ!» Нѣтъ, нѣтъ, ни геркулесовыхъ столповъ, ни неправдоподобностей, ни крайностей презирать не надо, а тѣмъ болѣе бояться... Но мы, кажется, говорили о вопросѣ.

* * *

Да, вопросъ. Всегдашній нарушитель одиночества. Собственно, всякій встрѣчный человѣкъ уже вопросъ. Чѣмъ больше встрѣчъ, тѣмъ больше вопросительныхъ знаковъ. Вотъ почему такъ благодатна ночь: прекращаются встрѣчи, и вы дѣйствительно одни. Когда вы одни, то кажется, что природа вамъ одному принадлежитъ. Сочетаніе одиночества съ этимъ чувствомъ принадлежанія даетъ нѣкое ощущеніе власти, которое поднимаетъ сознаніе нашей личности. Самый слабый человѣкъ въ такія минуты чувствуетъ силу своего Я. Въ обычныхъ, скажемъ «денныхъ» условіяхъ, сила нашего Я испытываетъ умаленіе отъ постояннаго соприкосновенія; только очень сильный человѣкъ, внутренно сильный, черпаетъ новую силу въ соприкосновеніи съ другими и не испытываетъ ущерба своей сущности, а слабый еще болѣе слабѣетъ. Эммерсонъ говоритъ, что всякій человѣкъ есть нѣчто цѣлое, но когда двое сходятся, то они превращаются въ дробь. Въ ночномъ одиночествѣ мы крѣпки, самый слабый крѣпнетъ.

Таково же вліяніе высотъ. Все физически стремится книзу: вода течетъ въ долину, растительность сгущается вкругъ водъ, люди собираются туда же,— внизу людность, вверху одиночество. Внизъ тянутъ насъ заботы матеріальныя, вверхъ зовутъ интересы духовные. Какъ человѣкъ распредѣленъ,—вверху голова, мысль, духовныя стремленія, внизу желудокъ, животныя стремленія,—такъ вся природа построена въ соотвѣтствіи съ этимъ двойственнымъ дѣленіемъ живущаго въ ней человѣка. Горныя высоты, обезпечивающія одиночество превыше толпы, даютъ духовную силу и чистоту. Смотрите внизъ съ горы: внизу

кишитъ, а чѣмъ выше, тѣмъ рѣже жизнь; чѣмъ гуще, тѣмъ грязнѣе; чѣмъ рѣже, тѣмъ чище. Внизу дѣйствіе, работа; вверху мысль, созерцаніе. Вотъ почему монастыри селились на горахъ. Тамъ же всегдашній спутникъ высоты—даль. Даль недвижна, даль безмолвна,—отсюда спокойствіе высотъ. Красиво наблюдать эту картину разрѣженія матеріи, которую являетъ намъ природа на пути восхожденія; красиво смотрѣть,

Какъ въ кадильницѣ таетъ у ногъ божества
Грубый ладонъ душистой струей.

Соедините теперь безмолвіе и спокойствіе высоты съ безмолвіемъ и спокойствіемъ ночи, — получите усугубленное, удесятеренное чувство одиночества. И еще большее одиночество, съ еще болѣе усиленнымъ сознаніемъ своего Я, — если въ этой ночи, съ этой высоты увидимъ далекую свѣтовую картину не одиночной, а сгущенной жизни. Представьте, въ темномъ морѣ окружающей ночи гдѣ-нибудь далеко подъ вами—озеро городскихъ огней. Или—надъ вами темное небо, усыпанное звѣздами. Эта численность подъ вами, эта безчисленность надъ вами еще сильнѣе выдѣлятъ вашу единичность. Думаю, что это минуты наибольшаго одиночества, которыя можетъ дать земля,—одиночество

Въ тихую звѣздную ночь...

Въ эти минуты наше Я поставлено какъ бы въ обратное отношеніе къ внѣшнему міру, чѣмъ то, о которомъ мы говорили вначалѣ. Помните? Наимень-

шее одиночество—когда все окружающее какъ будто вопрошаетъ, требуетъ отвѣтовъ. Здѣсь же, на горной вершинѣ, подъ звѣзднымъ небомъ—никакого вопроса къ вамъ, ни откуда, ни отъ кого, ни отъ чего. Наоборотъ, — Я вопрошаю; каждая звѣзда для меня предметъ вопроса, я самъ многотысячный вопросъ; онѣ же, звѣзды, смотрятъ—и не отвѣчаютъ, не только не спрашиваютъ, но н е о т в ѣ ч а ю т ъ! Понимаете ли прелесть неотвѣченнаго? Что можетъ быть несноснѣе отвѣта? Вѣдь отвѣтъ есть смерть вопроса, отвѣтъ гаситъ вопросъ. Вопросъ есть пламя, жизнь, продолженіе. Отвѣтъ есть конецъ, это предѣлъ, это дно,—то дно, на которомъ лежитъ все узнанное. И какъ это знаніе плоскодонно! Счастіе наше, что предметъ познанія, само познаваемое бездонно. А вдругъ бы мы прикоснулись дна! .. Паскаль сказалъ: «Le silence de ces espaces infinis m'épouvante». Да, конечно, молчаніе небесныхъ пространствъ страшно,—неизвѣстно, что оно въ себѣ таитъ. Но представьте, что они бы заговорили, нарушили бы свое молчаніе, то есть раскрыли бы свою тайну (ибо не думаю, чтобы Паскаль разумѣлъ одно только з в у к о в о е молчаніе). Какой ужасъ! Какъ плоско упадетъ весь міръ! Вѣдь конецъ исканія есть конецъ жизни. Вамъ не кажется, что это равносильно концу міра? Вы не думаете, что конецъ міра будетъ одинъ огромный ОТВѢТЪ? Нѣтъ, — счастье наше, что познаваемое бездонно и потому нами невмѣстимо.

* * *

Бездонно звѣздное небо. О, Фетъ, пѣвецъ бездонности звѣздной! Зачѣмъ жестокое невѣжество разрушителей лишаетъ меня даже духовной радости читать тебя! Не вижу твоихъ пѣсенъ, наизусть не знаю, но онѣ есть, ихъ духъ звучитъ во мнѣ, и не могу подумать о бездонной безднѣ звѣздной, чтобы не вспомнить того, кто «высмотрѣлъ глаза», читая темноту, кто сказалъ:

Межъ тѣми звѣздами и мною
Какая-то связь родилась, —

и который еще сказалъ:

Я слушалъ таинственный хоръ,
И звѣзды тихонько дрожали,
И звѣзды люблю я съ тѣхъ поръ.

Это общеніе съ тысячами, съ милліардами свѣтящихся молчаній поднимаетъ ощущеніе одиночества до степени сліянія съ безпредѣльнымъ космосомъ. Въ этомъ смотрѣніи есть встрѣчное втягиваніе, поглощеніе, уничтоженіе. Встрѣча смотрящаго взора и свѣтящихся звѣздъ одна изъ восхитительнѣйшихъ картинъ міровой геометріи: единое, обнимающее безчисленность, и безчисленность, въ одномъ сливающаяся. Эту геометрію дивнымъ образомъ выразилъ Платонъ въ стихотвореніи, которое перевелъ Владиміръ Соловьевъ. Привожу своими словами:

Ты стоишь, смотришь на ночное небо
И любуешься тысячами звѣздъ.
О, быть бы мнѣ небомъ и тысячами очей
Любоваться тобою, звѣзда моя!

Восхитительна эта геометрія, заразъ міровая и личная. Геометрическая фигура въ обоихъ предложеніяхъ одна и та же: точка, соединенная съ безчисленнымъ количествомъ точекъ. Но въ первой картинѣ (онъ любуется небомъ)—движеніе снизу вверхъ и расходящееся; во второй картинѣ (небо имъ любуется)—движеніе сверху внизъ и сходящееся *). И въ этой встрѣчности движенія, благодаря которой субъектъ превращается въ объектъ и наоборотъ, двойственность картины уничтожается,—она изъ двойственности входитъ въ единство. Одно изъ наибольшихъ удовлетвореній въ міросозерцаніи—эти случаи сліяній двойственности въ единствѣ: вверхъ уходящій предметъ и внизъ уходящее отраженіе, вдавленная печать и выдавленный отпечатокъ, вогнутая матрица и выгнутая медаль, одинаковость угла паденія и угла отраженія... И когда это проявляется въ мірѣ нравственномъ или въ сопоставленіяхъ духовнаго съ матеріальнымъ, тогда къ удовлетворенію чисто физико-математическому прибавляется все то, что даетъ намъ «образъ». Тутъ въ физику и въ геометрію вливается художество, и тогда удовлетвореніе получаетъ совсѣмъ особый, исчерпывающій характеръ. И что даетъ его? По моему — ф о р м у л а. Формула даетъ то удовлетвореніе, въ которомъ познаемъ сліяніе.

Формулой, только формулой вливается философія въ поэзію; формула та воронка, которою мысль проходитъ въ образъ. Гдѣ здѣсь начало, гдѣ источ-

*) Говорю «онъ» для точности передачи платоновскаго образа: погречески звѣзда „ἀστηζ" мужескаго рода.

никъ зарожденія? Кто скажетъ? И что раньше: образъ или мысль? Но я думаю, что, коснувшись формулы, мы прикасаемся къ самому таинственному зародышу творчества. Думаю, что «вдохновеніе» есть собственно — посѣщеніе формулы. Не выдумано, не сверху и не снизу и даже, пожалуй, не изнутри,—формула даже не родится, ибо рожденіе есть процессъ, а формула есть: то не было ея, а то вдругъ есть она. Случалось вамъ на вечернее небо смотрѣть: чистое небо, а вдругъ—звѣзда. Откуда? Когда? Была или не была? Такъ вотъ и формула родится, — то есть не родится, а возникаетъ, — на лонѣ сознанія душевнаго, какъ на лонѣ небесномъ звѣзда. Немученность, нежданность и легкость этого рожденія сообщаютъ какую-то радость неотвѣтственности. Люди спрашиваютъ, пристаютъ, знать хотятъ, чуть не за рецептомъ идутъ къ поэту! «Какъ? Когда? Какимъ образомъ? Нашли? Придумали? Долго искали?» . . .

О міръ, пойми: пѣвцомъ во снѣ открыты
Законъ звѣзды и формула цвѣтка.

Какова настоящая роль геометріи въ таинственныхъ путяхъ творчества? Руководитъ ли она или уже послѣ объясняетъ, но есть красоты въ поэзіи, которыхъ мы не можемъ понять во всей ихъ полнотѣ, если не доступны впечатлѣніямъ тѣхъ незримыхъ чертежей, которые опредѣляютъ или въ которыхъ выражается наше отношеніе къ обнимающей насъ вселенной. Центръ и окружность лежатъ въ основѣ этой міровой геометріи: принципъ безчисленности—въ окружности, принципъ единич-

ности—въ центрѣ. Стремленіе въ единомъ слить безчисленное присуще человѣку. Не имѣя возможности познать, вмѣстить въ себѣ, онъ вмѣщаетъ въ единицу, которая становится носительницей невмѣстимаго. Отсюда—символъ. Раскинуться человѣкъ не можетъ, но сосредоточиться—въ его власти. И вотъ, безсильный охватить окружность, онъ окружность сосредоточиваетъ въ точкѣ. Центръ становится вмѣстилищемъ окружности, вселенная сливается, и алчный взоръ, подобно взору тысячи звѣздныхъ очей, успокаивается на одномъ. Тотъ же Фетъ, который вперялся взорами въ бездонную звѣздную безчисленность, сказалъ:

Только въ мірѣ и есть — этотъ чистый
Влѣво бѣгущій проборъ.

Проборъ—символъ. Символъ отказа отъ возможныхъ достиженій, покорности передъ необъятнымъ. Между стремленіемъ къ необъятному и стремленіемъ сосредоточить себя въ единомъ мечется духъ человѣческій. Между «Я во всемъ» и «Все во мнѣ» колеблется неустойчивость его рѣшеній.

Когда бъ не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здѣсь остался бъ наслажденье
Вкушать въ невѣдомой тиши.

Забылъ бы всѣхъ желаній трепетъ,
Мечтою бъ цѣлый міръ назвалъ
И все бы слушалъ этотъ лепетъ,
Все бъ эти ножки цѣловалъ.

«Лепетъ и ножки» для Пушкина; «Влѣво бѣгущій проборъ» для Фета; для Платона безчисленность

звѣздная, сливающаяся въ одномъ смотрящемъ въ небо взорѣ,—все это есть вселеніе далекаго, недоступнаго вселенскаго единства въ близкій доступный образъ единаго существа. Такъ отъ устрашающей множественности спасается человѣкъ въ успокаивающую, усыпляющую, утѣшающую единственность. Такъ за недоступность численностей и окружностей находитъ онъ возмѣщеніе въ центральныхъ глубинахъ своего сердца. За отказъ отъ вселенной единое существо возвращаетъ ему сознаніе вселенной:

Я умеръ отъ счастья, любя тебя страстно.
Въ объятьяхъ твоихъ я лежалъ погребенный.
Воскресъ, поцѣлуемъ твоимъ пробужденный, —
И небо увидѣлъ въ очахъ твоихъ ясныхъ.

* * *

Наконецъ, есть то, что мы могли бы назвать — одиночество вдвоемъ. Разумѣю не совмѣстное пребываніе двухъ существъ, сливающихся воедино, а разумѣю то одиночество, которое наступаетъ послѣ разставанія, когда человѣкъ остается одинъ, но когда одиночество его полно памятью о томъ прошломъ, въ которомъ онъ только что прожилъ. Онъ физически одинъ, но духовно онъ еще вдвоемъ; и память эта, сладость этой памяти такъ сильна, что преобладаетъ надъ самимъ сознаніемъ одинокости. Приведу три стихотворенія,—два мало извѣстныхъ, даже совсѣмъ неизвѣстныхъ поэтовъ, а одно очень извѣстнаго поэта.

Первое стихотвореніе князя Андрея Александровича Ливена:

Я сладко спалъ, а надо мною,
Какъ ангелъ чистый, вы крыломъ
Мнѣ навѣвали чередою
За грезой грезу, сонъ за сномъ.

Но вы забылись, вы устали;
Крылю взмахнуло надо мной,
Проснулся я, вы улетали
Съ моей тревожною душой...

Другое стихотвореніе моего отца:

Ушла... Но цѣлый день ты провела со мною, —
Наединѣ со мной.
Я все внималъ тебѣ, не слухомъ, а душою, —
Раскрывшейся душой.

И слово каждое теперь я вспоминаю
Сквозь чудный голосъ твой,
И все мнѣ кажется, я жемчугъ собираю, —
Разсыпанный тобой.

Третье стихотвореніе Аполлона Майкова:

Еще я полнъ, о другъ мой милый,
Твоимъ явленьемъ, полнъ тобой!...
Какъ будто ангелъ легкокрылый
Слеталъ бесѣдовать со мной.

И, проводивъ его въ преддверье
Святыхъ небесъ, я безъ него
Сбираю выпавшія перья
Изъ крыльевъ радужныхъ его.

Это тѣ минуты жизни, которыя страшно колыхнуть,—чтобы не кончились. Это недвижная поверхность воды, въ которой точность отраженія становится дорога, какъ отражаемый образъ. Вотъ почему страшно колыхнуть, страшно дунуть, страшно загасить: потухнетъ, и тогда настоящая одинокость и тоска внутри, и пустота вокругъ...

Знаете, еще гдѣ и когда я испытывалъ то утвержденіе своего Я, которое даетъ намъ одиночество? Охъ, какъ это не похоже на то, о чемъ сейчасъ мы говорили! .. На маленькомъ какомъ-нибудь полустанкѣ, когда приходилось дожидаться поѣзда. Знаете нашъ маленькій въ степи затерянный полустанокъ? Поѣздъ только два раза въ сутки проходитъ,—такъ дожидаться иной разъ и часовъ восемь приходится. Никогда я не скучалъ въ этихъ случаяхъ. Да вообще «скука» есть одинъ изъ видовъ бѣдности духовной. Я не скучалъ, я любилъ эти остановки жизни. И я уходилъ на другую сторону маленькой станціи; не оставался на той сторонѣ, гдѣ рельсы, а шелъ на крылечко; я ждалъ не на той сторонѣ, гдѣ станція соприкасается съ машиной, а на той, гдѣ она соприкасается съ природой. И въ то время какъ тамъ изъ окна раздается стукъ телеграфнаго прибора (и о чемъ только можетъ стучать въ такой глуши этотъ всемірный сплетникъ,—телеграфъ?), въ то время какъ въ «залѣ» на буфетѣ сохнутъ мухами засиженные пирожки, я смотрю на недвижную даль, и на маленькое движенье маленькой жизни около маленькой станціи. Какая-то Жучка пугаетъ пѣтуха; какой-то ребенокъ, въ рубашенкѣ, босой, съ хворостиной, пугаетъ Жучку; мать какая-то, грязная, всклокоченная, съ ведромъ въ рукѣ, пугаетъ ребенка; сторожъ, грязный, но съ намекомъ на мундиръ, выноситъ на крылечко рваное лукошко, что-то вытрясаетъ, наводитъ какой-то порядокъ... Вѣтерокъ уноситъ пыль, играетъ рубашенкой ребенка, раздуваетъ хвостъ пѣтуха... Тамъ, на той сторонѣ иногда свистокъ... неизвѣстно, откуда... для че-

го... Подойдетъ, не торопясь, товарный поѣздъ и стоитъ, стоитъ, — нехотя тронется, не торопясь уйдетъ... Вѣтерокъ шуршитъ акаціей и играетъ листами тополя, который онъ же, вѣтерокъ, когда-то поломалъ и изуродовалъ...

Овесъ колосится, рожь наливается, просо темнѣетъ, лоснится... И все колышится, переливается надъ недвижной землей и подъ недвижнымъ небомъ,

И птицы рѣютъ голосисто
Въ воздушной безднѣ голубой...

Часами, часами могъ просиживать, смотрѣть на разстилающуюся пустынность. Изъ этой пустынности глядѣла странная, себѣ довлѣющая полнота. И передъ спокойной простотой, передъ тихою несложностью, передъ первичностью этой полноты проходили въ памяти далекія картины жизни сложной, искусственной, выдуманной. Рычащія чудовища грохочущихъ городовъ. Скользкая лоснистость нарядныхъ паркетовъ; въ атласныхъ складкахъ блескъ камней и ложь улыбокъ... Въ загроможденности той жизни — сколько пустоты; въ лоскѣ ея сколько затасканности... И передъ той измельченностью, передъ мученой измятостью, — какъ широкополосна неисполосанная ширь колышимыхъ полей!.. Часами могъ просиживать, смотрѣть...

На той сторонѣ звонокъ: поѣздъ вышелъ съ предыдущей станціи...

Часами могъ смотрѣть, какъ, изъ бураго проса поднявшись, Богъ вѣсть, какъ туда попавшій, золотой подсолнухъ выглядываетъ, на вѣтерокъ смѣется и, не мигая, смотритъ солнцу прямо въ лицо...

— Пожалте, баринъ, поѣздъ подходитъ.

Кончилось одиночество...

Да, я не жалѣю о стоянкахъ на полустанкахъ. И такія минуты бываютъ нужны. Такъ вину нужно отстояться, чтобы войти въ полноту своей прозрачности, а намъ нужно бываетъ отстояться, чтобы войти въ искренность своего само-осознанія.

* * *

Уединеніе—богатство. Человѣкъ, неспособный къ одиночеству или не ощущающій потребности въ уединеніи, свидѣтельствуетъ о скудости внутренняго содержанія. Люди, не умѣющіе обойтись безъ «гостей», не знающіе иныхъ удовольствій, кромѣ покупныхъ, умственно бѣдны. Ибо уединеніе не меньшее средство внутренняго обогащенія и углубленія, чѣмъ общеніе. Общеніе есть текучая вода, уединеніе есть недвижная вода. Нарочно говорю «недвижная», а не «стоячая»,—въ словѣ «стоячая» по отношенію къ водѣ есть осужденіе. Уединеніе — недвижная вода, и въ этомъ тоже много прелести. Въ текучести есть лишняя трата, много расплескиванія; въ уединеніи этого нѣтъ, тамъ сжатость и безшумность.

Есть цѣлый міръ въ душѣ твоей
Таинственно-волшебныхъ думъ...

Наконецъ, недвижность яснѣе, прозрачнѣе, чѣмъ движенье. Хорошо бѣжать и журчать и нестись въ даль неясную, стремиться къ невѣдомой цѣли. Но хорошо и въ себѣ нести цѣль, не нестись самому и не журчать, и не стремиться, а въ недвижности сосре-

доточиться и на поверхности темнаго дна отражать глубину свѣтлаго дня.

Въ уединеніи есть сбереженіе. Каждое прикосновеніе людское есть какъ бы нѣкое атмосферическое вытѣсненіе въ помѣщеніи, гдѣ и такъ уже тѣсно. Мнѣ всегда кажется, что моя духовная квартира — лучъ солнца, а подъ вертикальнымъ лучомъ даже и двоимъ не умѣститься. Эгоизмъ? Гордость? Безразличіе? Что это? Восторгъ или омерзеніе? Чего больше? Не все ли равно. Только согласитесь,—утомителенъ звукъ человѣческихъ голосовъ. Утомительно общество тѣхъ, кого зовемъ «себѣ подобными». И если бываетъ скучно «одиночество», если тяжела «одинокость», то дивно-притягательно «уединеніе».

Понимаю поэта, воскликнувшаго:

О мука, о любовь, о искушенья!
Я голову предъ вами не склонилъ.
Но есть соблазнъ, — соблазнъ уединенья,
Его никто не побѣдилъ.

И въ немъ, въ уединеніи, тѣ крылья, къ которымъ взывала душа другого поэта, прося, чтобы они

Ее спасали отъ насилья
Безсмертной пошлости людской.

Везинэ
24 Сентября 1924.

VII

ЗАГАДКА.

Любите ночью, лежа въ постелѣ, слышать шумъ дождя? Въ деревнѣ, конечно, не въ городѣ. Дождь, падающій на мостовую, это лишено жизненнаго значенія, это непроизводительная, безсмысленная трата, благодѣяніе впустую. Нѣтъ,—а въ деревнѣ; послѣ долгой, мучительной засухи. Все изнывало, вся природа увядала; листья на деревьяхъ свертывались, сохли; цвѣты въ саду отъ поливки уже не свѣжѣли. Пыль, когда вѣтра нѣтъ, облакомъ стояла и не садилась; сухая земля давала трещины. Овесъ въ полѣ чахъ и завостривался. Люди говорили: «Еще такихъ три, четыре дня, и все пропало». Но проходила и цѣлая недѣля, а терпѣливая природа не сдавала, хлѣба еще не желтѣли, жили,—надеждой жили. Изумительно долготерпѣніе природы. Пока она рѣшится отъ жизни отказаться, много времени пройдетъ... Но людская надежда менѣе стойкая. Въ деревнѣ мы съ природою живемъ, съ ней страдаемъ, съ нею ждемъ, чахнемъ, жаждемъ. Жажда; какое-то особенное, стихійное чувство жажды,—пить и не хочется, а мысль о водѣ, о влагѣ неотступно сопутствуетъ. Съ нею утромъ просыпаемся, съ нею вечеромъ засыпаемъ.

И вотъ, ночью вдругъ васъ что-то вырываетъ изъ сна. Еще и услышать не успѣли, а уже поняли, что дождь. Льетъ, барабанитъ, течетъ за окномъ. Падаетъ что-то, съ неба сорвавшись, падаетъ неудержно, немолчно. . .

И какое-то радостное изнеможеніе обнимаетъ при сознаніи, что уже ненужно напряженіе,—ждать уже нечего. Чего ждали, то исполнилось. Природа дѣлаетъ свое дѣло, сама себя питаетъ. И всегда казалось мнѣ, слушая этотъ шумъ въ ночи за окномъ падающаго дождя, казалось мнѣ, что, если подъ этотъ шумъ подложить текстъ, то это будетъ итальянская поговорка: «Ci penso io», т. е.: «Не безпокойтесь,—мое дѣло». Такъ природа въ минуту благости своей снимаетъ съ человѣка его заботу и, какъ нянька ребенка, такъ, поправивъ изголовье, отдаетъ въ руки беззаботнаго сна.

* * *

И вотъ, спрашиваю себя: что такое природа? Какъ опредѣлить? То, что внѣ насъ? А мы сами развѣ не природа? Она внѣ насъ, но мы въ ней. И если мы природа, то и она въ насъ. Тутъ есть извѣстное смѣшеніе, нѣкоторая перепутанность корней, благодаря которой опредѣленіе понятія природы можетъ получиться только путемъ, какъ бы сказать, очистки его отъ примѣси человѣка, и опять-таки не всего человѣка, а лишь того, который себя природѣ навязалъ. Можетъ быть, такъ скажемъ: природа есть д а н н о е.

Интересно было бы раскопать древнее, первичное значеніе латинскаго слова natura. Полагаю, что несомнѣнно происхожденіе отъ глагола nascere, «ро-

диться». Но не было ли оно, прежде чѣмъ быть существительнымъ женскаго рода, не было ли оно причастіемъ будущаго времени въ среднемъ родѣ множественнаго числа? Оно бы значило тогда: «имѣющее родиться». Все имѣющее родиться—есть природа. Человѣкъ тоже, — поскольку принадлежитъ къ имѣющимъ родиться и поскольку и онъ есть данное,— человѣкъ тоже природа. Но вотъ именно это самое принадлежаніе человѣка къ природѣ дѣлаетъ опредѣленіе ея столь труднымъ. Трудно потому, что человѣкъ не только участвуетъ въ жизни природы, какъ одно изъ проявленій ея, но онъ своею дѣятельностью заселяетъ, пополняетъ, измѣняетъ, разрушаетъ, украшаетъ природу. Вотъ гдѣ трудность для проведенія границъ. Напримѣръ, роль человѣка въ распространеніи растеній и животныхъ. Вѣдь движеніе растительное въ теченіе вѣковъ шло съ востока на западъ и съ юга на сѣверъ. Всѣ наши плодовыя деревья, почти всѣ овощи пришли съ востока, изъ Индіи, изъ Китая, изъ того востока, откуда пришли и наши сказки. Такъ же точно двигалась растительная волна съ юга на сѣверъ. Столѣтія и тысячелѣтія тому назадъ южная Европа не была по растительности своей столь «южная», какъ сейчасъ. Югъ двигался на сѣверъ, и сѣверъ отступалъ. Все это сдѣлалъ человѣкъ. Какъ дѣйствовалъ онъ въ этомъ случаѣ? Какъ проявленіе природы, одно изъ ея покорныхъ чадъ, или какъ противодѣйствователь природѣ, какъ насилующій ее воспитатель, пригибающій властитель?

«Homo additus naturae», сказалъ Бэконъ про искусство,—«Человѣкъ прибавленный къ природѣ». Это опредѣленіе, для искусства слишкомъ широкое,

обнимаетъ собой вообще все дѣло рукъ человѣческихъ; оно заключаетъ въ себѣ все, что не природа, все то, чего бы не было на землѣ, если бы не было на землѣ человѣка, или если бы человѣкъ ничего на землѣ не сдѣлалъ такого, что бы послѣ него оставалось, или такого, что безъ него не можетъ существовать. Все это есть — homo additus naturae. Такимъ образомъ, формула Бэкона, сама по себѣ мало цѣнная по несоотвѣтствію предмету, который она хочетъ опредѣлить, даетъ возможность подойти къ опредѣленію природы съ другого конца, путемъ отрицательнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, если homo additus naturae есть искусство и все прочее, что человѣкъ внесъ съ собой, что онъ прибавилъ къ природѣ, то можемъ сказать, что природа есть вообще все — минусъ homo additus. Природа есть все — безъ человѣка. Опредѣленіе природы есть, слѣдовательно, процессъ элиминаціи человѣка.

Элиминація эта тѣмъ труднѣе, чѣмъ наблюденіе наше ближе вращается около человѣка. Чѣмъ дальше отъ человѣка и отъ сферы его воздѣйствія на окружающее, тѣмъ яснѣе, несмѣшаннѣе выступаетъ природа. Вотъ почему мы сильнѣе чувствуемъ отдѣльность природы—ночью, когда человѣкъ изъятъ изъ обращенія,

Когда ночь хмурая, какъ звѣрь стоокій,
Глядитъ изъ каждаго куста.

Тогда мы чуемъ жизнь отдѣльную отъ нашей, чувствуемъ, —

Какъ дышатъ стебли травъ, какъ бредитъ сонный лѣсъ,
Какъ плещутъ крыльями пугливыя зарницы,
Порхая въ сумракѣ на рубежѣ небесъ.

Кстати, рѣдко когда ощущалъ самостоятельную дальность внѣ меня существующей природы, какъ когда окликала она меня внезапными вспыхами далекихъ зарницъ. О, какъ памятно ея горячее сухое дыханіе, когда

Не остывшая отъ зною,
Ночь іюльская блистала,
И надъ тусклою землею
Небо, полное грозою,
Отъ зарницъ все трепетало.

Словно тяжкія рѣсницы
Разверзалися порою,
И сквозь бѣглыя зарницы
Чьи-то грозныя зѣницы
Загорались надъ землю.

Безшумность этого свѣтового окрика какъ-то жутче подчеркиваетъ его несомнѣнность: въ то время, какъ все кругомъ въ вялости недвижно, въ усталости молчитъ, тамъ, на краю

Однѣ зарницы огневыя,
Воспламеняясь чередой,
Какъ демоны глухонѣмые,
Ведутъ бесѣду межъ собой.

Чѣмъ ближе подходимъ къ человѣку, чѣмъ пристальнѣе вглядываемся въ него, тѣмъ труднѣе намъ представляется его выдѣленіе изъ природы. Въ самомъ дѣлѣ, почему его сужденіе о природѣ, его взглядъ, на нее обращенный, не признать однимъ изъ видовъ самонаблюденія?

Гдѣ тутъ граница? Гдѣ кончается природа, гдѣ начинается человѣкъ? И гдѣ же, наконецъ, человѣческое Я перестаетъ быть продолженіемъ природы, а стано-

вится въ положеніе встрѣчнаго движенія? Сколько вопросовъ, темныхъ, неразрѣшимыхъ... Но вотъ еще вопросъ. Какой стороной своего существа выходитъ человѣкъ изъ природы, когда онъ на нее же поворачиваетъ силы своего сознанія? Скажемъ такъ: природа—домъ, и человѣкъ изъ своего дома выходитъ, чтобы на свой домъ посмотрѣть. Только вотъ разница въ чемъ. Всякій домъ есть дѣло рукъ человѣческихъ, и потому человѣкъ изъ него можетъ выйти; а природа не есть дѣло рукъ его, и когда ему кажется, что онъ выходитъ изъ нея, онъ все-таки въ ней пребываетъ. Какъ пребываетъ? Весь или частично? Какъ выходитъ? Какою частью существа?

Какою стороной своего существа выходитъ человѣкъ изъ природы, когда воздвигаетъ свои техническія сооруженія, когда беретъ у природы ея же законъ, чтобы оборотить его на свою потребу? Или скажемъ, что человѣку строить желѣзныя дороги и сообщаться по безпроволочному телеграфу такъ же естественно, какъ водѣ испаряться, солямъ отлагаться въ кристаллы? Но если бы это было такъ, то это было бы всегда. Вода всегда испарялась, а безпроволочный телеграфъ существуетъ лишь нѣсколько десятковъ лѣтъ. Если бы это было такъ, то не было бы открытій. Вѣдь всякое открытіе есть нѣчто человѣкомъ вырванное отъ природы, это есть вмѣшательство, и, въ предѣлахъ неизбѣжнаго подчиненія законамъ, человѣкъ все-таки совершаетъ извѣстную каптацію природы, частичное порабощеніе: какъ отводимъ рѣку, такъ отводитъ человѣкъ намѣреніе природы, обращая ее въ свою пользу.

Все это не есть только природа, а есть при-

рода плюсъ человѣкъ. Но другой, неминуемый вопросъ: самъ человѣкъ есть только природа или природа плюсъ нѣчто иное? Когда человѣкъ заставляетъ природу выращивать породы растеній, которыхъ прежде не было; когда онъ отсѣкаетъ головы двумъ жукамъ и заставляетъ ихъ головами помѣняться, и жуки живутъ, и самка съ новой мужской головой мѣняетъ инстинкты своего пола? Что въ этихъ случаяхъ, — человѣкъ только природа или нѣчто еще? Я думаю, что природа въ немъ сводится на степень послушной рабы. Думаю, что наибольшей стороной своего существа онъ вышелъ изъ природы. Тогда одно изъ двухъ. Или человѣкъ въ этомъ случаѣ есть природа, насилующая природу, то есть являетъ примѣръ самонасилія. Или онъ на природу обращаетъ то нѣчто большее, чѣмъ онъ противъ остальной природы надѣленъ. Вопросъ нашъ осложняется.

Вопросъ принимаетъ совсѣмъ жгучій характеръ, когда перенесемъ сужденье наше на явленія, лежащія въ болѣе глубокомъ слоѣ наблюденія. О сколькихъ явленіяхъ мы говоримъ, что они не естественны, противоестественны. Но вѣдь и они въ природѣ. Значитъ, природа неестественна? Или сужденіе наше не естественно? Рѣшайте. А только Гете сказалъ: «Auch das Unnatürlichste ist die Natur». (И самое неестественное тоже природа). Но когда человѣкъ, хотя бы Гете, напримѣръ, это говоритъ, то какою-то частью своего существа онъ вышелъ изъ природы, чтобы взглянуть на нее и, взглянувъ, дать свое о ней сужденіе. Да, какою-нибудь частью своего существа. Какою? Очевидно—тою, для которой его «природ-

ная» часть служитъ орудіемъ, средствомъ выраженія. Такъ встаетъ предъ нами неминуемость нашего духовнаго Я. И имѣйте въ виду, это будетъ такъ—независимо отъ того, въ какую сторону онъ рѣшаетъ вопросъ. Онъ его ставитъ, и этого достаточно, чтобы выдѣлить человѣка, оборотить его къ природѣ лицомъ. Такъ навсегда стоятъ другъ противъ друга, и смѣшанно и раздѣльно, два міра въ одномъ:

И темный бредъ души и травъ неясный запахъ...

Послѣ сказаннаго не могу не привести одного отрывка о природѣ, который я нашелъ у Гете. Онъ помѣченъ 1778 годомъ, но отмѣченъ безвременностью.

«Природа! Мы ею окружены и окутаны, — безсильные изъ нея выйти и безсильные глубже въ нее проникнуть. Непрошенныхъ и непредупрежденныхъ, забираетъ она насъ въ вихрь своего движенія и носится съ нами до тѣхъ поръ, пока мы не выбьемся изъ силъ и не выскользнемъ изъ ея объятій.

«Она вѣчно творитъ новое; то, что есть, то никогда еще не было; то, что было, никогда не повторится,—все ново, и все-таки старо.

«Мы живемъ въ ней и все же мы ей чужіе. Она, не переставая, говоритъ съ нами и все-таки не выдаетъ своей тайны.—Мы неустанно на нее воздѣйствуемъ, а власти надъ ней не имѣемъ.

«Она какъ будто все напрягаетъ на подтвержденіе индивидуальности, а между тѣмъ ни во что ставитъ отдѣльную личность. Она вѣчно строитъ и вѣчно разрушаетъ, и ея мастерскія намъ недоступны.

«Она окружена дѣтьми; а мать-то, гдѣ жъ она?

«Она несравненная художница; изъ простѣйшаго матеріала создаетъ величайшіе контрасты; безъ какого-либо видимаго напряженія осуществляетъ наивысшее совершенство, точнѣйшую опредѣленность, всегда подернутую нѣкоторой дымкою. Каждое изъ ея твореній имѣетъ свое отдѣльное бытіе, каждое изъ ея явленій осуществляетъ совершеннѣйшее понятіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ все составляетъ одно цѣлое.

«Она ставитъ нѣкое зрѣлище; видитъ ли она его сама, мы не знаемъ, и все же она для насъ играетъ, для насъ, которые въ уголку стоимъ и смотримъ.

«Въ ней вѣчное строительство, жизнь, движеніе, и все-таки она впередъ не идетъ. Она вѣчно мѣняется, и нѣтъ въ ней минуты остановки. Она не признаетъ остановки, и проклятіемъ отмѣтила стояніе на мѣстѣ. Она крѣпка. Ея поступь соразмѣрена, исключенія въ ней рѣдки, законы ея неизмѣнны.

«Въ ней мысль, и она непрестанно мыслитъ, но не по-человѣчески, а по-природному. Она себѣ присвоила всеобъемлющій разумъ, котораго однако никто не умѣетъ подсмотрѣть.

«Люди всѣ въ ней, и она во всѣхъ. Со всѣми она ведетъ благосклонную игру и радуется, чѣмъ больше кто съ нея выигрываетъ. Со многими ведетъ она игру втихомолку, такъ что разыгрываетъ игру прежде, чѣмъ они замѣтятъ.

«И самое неестественное тоже—природа*). Кто не умѣетъ ея видѣть вездѣ, тотъ нигдѣ ея не видитъ по настоящему.

*) По-нѣмецки, благодаря тому, что прилагательное и существительное отъ одного корня (natürlich, Natur), получается ф о р м у л а, въ переводѣ непередаваемая.

«Она сама себя любитъ и безчисленными очами и сердцами привязана къ себѣ. Она сама себя разложила, чтобы собою пользоваться. Постоянно производитъ она новыхъ потребителей, въ ненасытномъ желаніи раздать себя.

«Она радуется обольщенію. Кто разрушаетъ обольщеніе въ себѣ или въ другихъ, того она наказуетъ, какъ жесточайшій властитель. Кто довѣрчиво слѣдуетъ за ней, того, какъ ребенка, прижимаетъ она къ своему сердцу.

«Ея дѣтямъ нѣтъ числа. Она никого не обдѣляетъ, но у нея есть любимцы, по отношенію къ которымъ она щедра и которымъ много жертвуетъ. Свою особливую защиту она даруетъ тому, кто великъ, силенъ.

«Она выводитъ свои созданія изъ ничего и не говоритъ имъ, откуда они пришли и куда идутъ. Пусть, молъ, бѣгутъ. А дорогу знаетъ о н а.

«У нея немного пружинъ, но никогда онѣ не изнашиваются, всегда въ дѣйствіи, всегда разнообразны.

«Зрѣлище ея всегда ново, потому что она всегда родитъ новыхъ зрителей. Жизнь есть прекраснѣйшее изъ ея изобрѣтеній, а смерть одно изъ средствъ множить жизнь.

«Она окутываетъ человѣка мракомъ, но вѣчно гонитъ его къ свѣту.

«Она пригвождаетъ его къ землѣ и ему, нерадивому, тяжелому, вѣчно даетъ встряску.

«Она внушаетъ потребности, потому что любитъ движеніе. Удивительно, сколь малыми средствами она осуществляетъ все это движеніе. Каждая потребность — благодѣяніе. Быстро удовлетворяется и быстро снова возникаетъ. Если она пробуждаетъ новую

потребность, то это же и новый источникъ удовлетворенія; но она скоро приходитъ въ равновѣсіе.

«Въ каждое мгновеніе она готова къ наидлиннѣйшему пробѣгу, и въ каждое мгновеніе она у цѣли.

«Она—сама безпечность, но не на нашихъ глазахъ,—намъ она себя кажетъ серьезной.

«Каждому ребенку позволяетъ она надъ собой мудрить, каждому дураку судить о себѣ, тысячамъ позволяетъ себя тупо и слѣпо топтать и о всѣхъ радуется и со всякимъ въ разсчетѣ.

«Ея законамъ повинуемся, даже когда имъ противимся; съ нею работаемъ и тогда, когда хотимъ противъ нея идти.

«Всякій свой даръ она превращаетъ въ благодѣяніе, такъ какъ предварительно превращаетъ его въ потребность. Она мѣшкаетъ, дабы ее возжелали; она торопится, дабы не пріѣсться.

«У нея нѣтъ языка, ни рѣчи, но она родитъ уста и сердца, черезъ которыя вѣщаетъ и которыми чувствуетъ.

«Ея вѣнецъ—любовь. Только черезъ любовь можно къ ней подойти. Она пролагаетъ пропасти между существами, а всѣ жаждутъ объятій. Она все разъединила, чтобы все связать. Глотокъ-другой изъ кубка любви,—и на всю жизнь самыя тяжкія испытанія она возмѣщаетъ.

«Она все. Сама себя вознаграждаетъ, сама себя наказуетъ, сама себя радуетъ и мучитъ. Она черства и нѣжна, мила и страшна, безсильна и всемогуща. Все въ ней всегда есть. Ни прошлаго, ни будущаго она не знаетъ. Настоящее ей—вѣчность. Она добра. Цѣню ее со всѣми ея твореніями. Она мудра и спокойна

объясненія съ нея не требуй, подарка, кромѣ добровольнаго, не жди. Она хитра, но съ доброй цѣлью, и лучше всего ея хитрости не замѣчать.

«Она совершенна, и все-таки не закончена. Свою игру она можетъ играть и дальше.

«Каждому она является въ иномъ образѣ. Она скрывается подъ тысячами именъ и рѣченій и всегда одна и та же.

«Она меня привела, она меня и выведетъ. Ввѣряю себя ей. Она свое твореніе не возненавидитъ. Я о ней не говорилъ. Нѣтъ, что правда и что ложь, то она сказала. Все ея вина, все ея заслуга».

Что сказать послѣ этихъ удивительныхъ словъ? Гете этотъ отрывокъ «нашелъ» среди своихъ бумагъ и заявляетъ, что онъ не помнитъ, чтобы когда-нибудь его сочинилъ, но что, написанный рукою, которой онъ въ свое время часто диктовалъ, онъ (отрывокъ) такъ выражаетъ его мысль, что онъ включаетъ его въ собраніе своихъ сочиненій.

Что сказать? Удивительный (въ подлинникѣ) языкъ этого отрывка, проникающее его вдохновеніе, неоспоримость этой геометріи, въ которой перекликаются строфы и антистрофы, какъ двухклиросныя пѣснопѣнія, — напоминаютъ по построенію псалмы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, афористическая игра этихъ предложеній, которыя все время одно другое ограничиваютъ, а то и вовсе разрушаютъ; безжалостность этихъ такъ называемыхъ «союзовъ»,—«все-таки», «а», «тѣмъ не менѣе», «но», «однако»,—всѣ эти мосты, которые соединяютъ предложенія, но роютъ пропасти между понятіями, все это вливаетъ такую ѣдкость въ процессъ наблюденія, что выноситъ личность далеко

за предѣлы наблюдаемаго предмета. И, конечно, не колѣнопреклоненнаго псалмопѣвца признаемъ мы въ этомъ крѣпко на землѣ стоящемъ и челомъ въ грозовыя тучи ушедшемъ человѣкѣ. Но какія формулы! И все вмѣстѣ какая формула! Только—формула не опредѣляющая, а сопоставляющая. Передъ какой загадкой ставитъ насъ великій наблюдатель, изслѣдователь, мыслитель, поэтъ!.. И кто же изъ четырехъ доскажетъ? Наблюдатель никогда не кончитъ, изслѣдователь никогда до конца не проникнетъ, мыслитель никогда не разрѣшитъ, поэтъ—въ видѣніяхъ творитъ. Но его творчество свидѣтельствуетъ о твореніи. Онъ—творящее зеркало и онъ—зеркало творенія. И когда ученый мнѣ говоритъ, что законами вращенія и тяготѣнія обусловлена правильность чередованія дня и ночи, что математическимъ строеніемъ всемірнаго движенія обезпечено возвращеніе послѣ ночи дня, то это не больше утверждаетъ мое довѣріе, чѣмъ когда поэтъ убѣждаетъ не сомнѣваться:

Еще минута, — и по всей
Неизмѣримости эѳирной
Раздастся благовѣстъ всемірный
Побѣдныхъ солнечныхъ лучей...

А разгадку? Да кто жъ ее дастъ, разгадку? Лейбницъ о природѣ сказалъ: «Мы можемъ проникнуть въ преддверіе, но въ опочивальню и въ святилище мы допущены не будемъ». А старикъ Гераклитъ сказалъ: «Природа любитъ пребывать въ сокрытости»...

Природа «любитъ» въ сокрытости пребывать? Но и у человѣка есть свои склонности; и онъ «лю-

битъ»—срывать покрывала. Вся наука есть одинъ процессъ обнаженія, раздѣванія. Однако, природа,— при всей красотѣ своей, при всей своей жестокости,— природа не Саломея, и остающихся покрываль всегда будетъ больше, нежели сорванныхъ...

Передъ этой завѣсой, есть ли такая гордая голова, которая не опустится въ смиреніи? Передъ этой непроницаемостью чело самого германскаго олимпійца всегда ли сохраняло ясную увѣренность, которую давало ему противопоставленіе своего Я величію окружающаго міра? Всегда ли оставалось ненарушеннымъ это собесѣдованіе двухъ, и не исходилъ ли изъ-за таинственной завѣсы тотъ третій голосъ,—гласъ иной, нечеловѣческой Премудрости? Той, которая сказала:

««Я родилась, когда не существовали бездны, когда не было источниковъ, изобилующихъ водою;

«Я родилась прежде, нежели водружены были горы, прежде холмовъ,

«Когда еще не была сотворена земля, ни равнины, ни начальныя пылинки земли.

«Когда Онъ утверждалъ небеса, я была тамъ. Когда Онъ очертывалъ границы на поверхности бездны;

«Когда Онъ утверждалъ облака на высотѣ; когда укрѣплялъ источники бездны;

«Когда полагалъ для моря Свой законъ, чтобы воды не переступали береговъ; когда утверждалъ основанія земли».

Когда говоритъ изъ-за таинственности міровой завѣсы этотъ голосъ, тогда склоняется челю, чье бы ни было чело. Наблюдатель теряется, изслѣдова-

тель останавливается, мыслитель отказывается, безмолвно внемлетъ

Въ священномъ ужасѣ поэтъ...

Слышалъ ли этотъ голосъ германскій олимпіецъ?.. Или они всегда были вдвоемъ,—завѣса и онъ?...

Неаполь
9 Января 1924.

VIII

ГОРОДЪ И ДЕРЕВНЯ.

Не правда ли, какія противоположности, какія разстоянія? Городъ или деревня. Скверъ или лѣсъ. Тротуаръ или проселокъ. Мостовая или пашня. Мнѣ всегда казалось, что знаютъ только половину жизни тѣ, кто не знаютъ деревни. Подумайте: не видали, какъ хлѣбъ растетъ. Только видѣли хлѣбъ въ окнахъ булочной; не знаютъ, значитъ, разницы между «хлѣбы» и «хлѣба́». Въ одной парижской городской школѣ спросилъ одинъ мой знакомый учениковъ, видали ли они, какъ хлѣбъ растетъ? Одинъ только на весь классъ нашелся, который крикнулъ: «Да, я видѣлъ! На всемірной выставкѣ была ферма, и тамъ была грядка, на ней хлѣбъ росъ».

Въ дѣтяхъ особенно грустно бываетъ видѣть это отчужденіе отъ природы. И не съ исключительной точки зрѣнія физической гигіены говорю. Это достаточно ясно всякому, я думаю. Всегда и вездѣ дѣти въ деревнѣ здоровѣе, чѣмъ въ городѣ. (Во всей Европѣ только двѣ страны, гдѣ дѣтская смертность въ деревнѣ превышаетъ городскую: какое-то изъ Балканскихъ государствъ и Россія, и это не потому, конечно, что наши города лучше заграничныхъ). Нѣтъ, я

не съ этой, медицинской точки зрѣнія, а въ смыслѣ общаго развитія дѣтской природы, въ смыслѣ равномѣрнаго и нормальнаго ея цвѣтенія. Что-то удивительное проявляется въ ребенкѣ, какъ только изъ города онъ попадаетъ въ деревню. Онъ обрѣтаетъ себя, онъ удваивается въ смыслѣ интересовъ, въ немъ усиленное жизнебіеніе, какая-то благородная самостоятельность, — все отъ прикосновенія къ землѣ. Почему, это другой вопросъ, но только та же мать, которая бранитъ мальчика за то, что онъ вымазалъ руки въ краскѣ, или въ сажѣ, или въ пыли, никогда не побранитъ его за то, что его пальцы въ землѣ и подъ ногтями черно отъ земли. Почему всегда какъ-то жеманно, неестественно выглядитъ дѣвочка, прижимающая куклу къ груди своей, а такъ восхитительна она же, когда къ груди ея прижимается кроликъ или когда въ кулакѣ она сжимаетъ ящерицу? . . .

Одна мать мнѣ писала про дочку свою: «Аля пасется». Какой великолѣпный воспитатель пастбище, лоно природы! И какъ лживо всякое отъ природы отступленіе, и какъ наказуется! Въ одной семьѣ, всегда жившей въ деревнѣ, дѣти проводили дни среди животныхъ; на конюшнѣ, на скотномъ дворѣ, на птичникѣ они были больше дома, чѣмъ въ родительскомъ домѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ родители воспитывали ихъ въ возможно большемъ отчужденіи отъ всего печальнаго въ жизни: несчастные случаи, болѣзни, а ужъ тѣмъ болѣе смерть, все это отъ нихъ скрывалось. Однажды послѣ чая сидятъ въ гостиной, перелистываютъ старый альбомъ.

— А это кто, мама?

— Это твой дѣдушка.

— Гдѣ же онъ?

— А его уже нѣтъ съ нами.

— А мы его увидимъ?

— Нѣтъ, душечка, ужъ ты его никогда не увидишь.

— А это?

— А это твоя бабушка.

— Гдѣ же она?

— А ея уже нѣтъ.

— А гдѣ же?

— Она, милый, у Бога.

Послѣ этого пошли тетушки, дядюшки. Ребенокъ слушалъ, слушалъ и, наконецъ, воскликнулъ: «Ахъ, ну да, они, значитъ, околѣли!» . . . Онъ зналъ смерть только въ этой формѣ.

Щенята, котята, жеребята, все это участники жизни, младшіе товарищи. Брюхатость кобылы событіе полное таинственности; рожденіе жеребенка, — чуть не колокольный звонъ; а я зналъ семью, гдѣ была маленькая игрушечная пушка и количествомъ выстрѣловъ провозглашалось количество родившихся щенятъ. Все это въ какомъ-то радостномъ единеніи съ природой, безъ всякаго подсматриванія, безъ грязнаго любопытства, а иногда и въ полномъ еще невѣдѣніи основныхъ законовъ природы. Мы долго были увѣрены, что жеребята бываютъ только отъ матокъ, и когда одинъ изъ насъ сказалъ какъ-то, что Весельчакъ сынъ Веселаго, другой оборвалъ его: «Какія глупости! У жеребцовъ не бываетъ дѣтей». Противъ столь авторитетно выраженнаго закона природы можно ли было спорить? Старшій смирился передъ младшимъ: умолкъ, но все-таки прикусилъ губу. . .

А огородъ! Свой дѣтскій огородъ! Своими руками воздѣланныя грядки, посѣянныя сѣмена. О, радость первыхъ двухъ круглыхъ листковъ, крѣпкихъ, толстыхъ, изъ которыхъ потомъ выростаетъ овощъ! Маленькій карапузикъ и тотъ что-то такое поколалъ, поковырялъ, палочками окружилъ свое угодье. Затѣмъ—трепетъ надъ нѣжнымъ растеніемъ; страхъ передъ морозомъ, поливаніе, полка; пробужденіе родительской отвѣтственности, воспитательной заботливости. И — первый цвѣтъ! Какое ликованье! На чьей грядкѣ раньше, у кого больше? Количество стручковъ,—у кого гуще, у кого длиннѣе? Маленькій карапузикъ съ гордостью кричитъ, что у него выросла «Одна боба и двѣ горошины!» . . . И наконецъ— на кухню. До конца каждый провожаетъ свой урожай. Уже за обѣдомъ ѣдятъ свой собственный горошекъ, а карапузикъ кричитъ, что ему на тарелку попалась его боба и о б ѣ горошины! . .

— Шурка, не кричи за столомъ,—строго окликаетъ мать.

Сестренка, пальцемъ подпихивая горошекъ въ суповую ложку, считаетъ нужнымъ распространить и подчеркнуть замѣчаніе матери:

— Ѣшь свою бобу и не кличи.

Что меня всегда поражало въ дѣтскихъ разговорахъ,—это неуклонность въ подчеркиваніи притяжательнаго мѣстоимѣнія: МОЙ,—le pronom p o s s e s s i f. Какъ глубоко сидитъ въ человѣческой природѣ чувство собственности, какой въ немъ зародышный (можно сказать?) характеръ. И это вы хотите вытравить? В е щ и можно взять, отнять, реквизировать, но с о з н а н і я вытравить нельзя. О, дѣти—апосто-

лы принципа собственности, и въ деревнѣ, конечно, горизонтъ этого принципа расширяется, какъ вообще расширяется вся природа ребенка.

На всю жизнь остается въ человѣкѣ слѣдъ прикосновенія къ землѣ. Можно подумать, что растительный сокъ земли вліяетъ на составъ крови, съ кровью вмѣстѣ вліяетъ на человѣка. Но положительно до старости чувствуется въ человѣкѣ, что онъ когда-нибудь да былъ близокъ къ землѣ. И всегда чувствуется тотъ человѣкъ, который къ землѣ никогда не былъ близокъ. Удивительное вліяніе оказываетъ общеніе съ природой. Не только физическое съ ней общеніе, но и духовный интересъ, изслѣдованіе ея законовъ, проникновеніе въ ея тайны. Разумѣю ученыхъ, естественниковъ. Не замѣчали вы, до какой степени они ясны, спокойны, какъ отъ нихъ вѣетъ отдыхомъ? Конечно, ученый трудъ всегда даетъ извѣстную отрѣшенность отъ мелочи и суеты земной, но въ филологахъ и философахъ не замѣчалъ такую высокую степень отрѣшенности и такое успокоеніе, какъ въ естествоиспытателяхъ. Ихъ лица при жизни носятъ ту печать умиротворенія, которую налагаетъ на чело человѣка смерть, послѣдній покой. И сочетаніе этого покоя съ радостью жизни придаетъ выраженію лица высокую прелесть. Въ одномъ университетѣ въ Америкѣ, въ Калифорніи, я видѣлъ старика естествоиспытателя. Его звали Leconte, французская фамилія. Не забуду этого лица. Высокій оголенный лобъ, сѣдыя кудри по бокамъ головы, въ подвижномъ лицѣ ясный, радостный взглядъ яркихъ глазъ,—сидѣлъ онъ за своимъ рабочимъ столомъ, и отъ него вѣяло не книгой, не рукописью, не чернильницей, а

вѣяло природой,—солнцемъ, горами, лѣсомъ, небесами. И знаете, кого мнѣ напомнило это лицо? Этотъ профессоръ Калифорнскаго университета вызвалъ въ памяти моей одного старика-пасѣчника въ Балашовскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи. Высокій оголенный лобъ, сѣдыя кудри, сіяющій взглядъ живыхъ, спокойныхъ глазъ, — жилъ онъ на островочкѣ среди своихъ ульевъ, осѣненный дубами, серебристой ивой и темной ольхой. И вѣяло отъ него мудростью, ясностью, покорностью и радостью. Такъ на двухъ концахъ земли, на разныхъ ступеняхъ развитія, при всѣхъ разницахъ расы, уровня и всего прочаго, что создаютъ неизбѣжныя условія жизни въ своемъ стремленіи къ разнообразію, я нашелъ то же самое. И старикъ-профессоръ въ сюртукѣ, сидящій за своимъ рабочимъ столомъ, и старикъ-пасѣчникъ въ бѣлой холщевой рубахѣ, поднимающій крышку гудящаго улья, оба были проникнуты живыми соками земли, дыханіемъ природы. И оба,—пасѣчникъ, слѣдя за полетомъ возвращающихся въ улей пчелъ, и ученый, положивъ руку на свою рукопись,—оба могли сказать:

Мнѣ тварь покорна тамъ земная,
И звѣзды слушаютъ меня.

* * *

Когда я думаю объ этой силѣ растительнаго сока земли, тогда представляется громадность усилія человѣка, который постройкой города, камнемъ мостовой забиваетъ источникъ этого сока, заливаетъ землю асфальтомъ и посылаетъ назадъ, обратно въ землю

то, что рвется наружу изъ земли. Вы помните, конечно, у Толстого первыя строки «Воскресенія»: «Какъ ни старались люди, собравшись въ одно большое мѣсто нѣсколько сотъ тысячъ, изуродовать ту землю, на которой они жались; какъ ни забивали камнями землю, чтобы ничего не росло на ней; какъ ни счищали всякую пробивающуюся травку; какъ ни дымили каменнымъ углемъ и нефтью; какъ ни обрѣзывали деревья и ни выгоняли всѣхъ животныхъ и птицъ;—весна была весною даже и въ городѣ». Чувствуете этотъ брызгъ безудержнаго сока природы, побѣдно пробивающійся сквозь оковы мостовой? И чувствуете, конечно, огромность этого человѣческаго усилія, которое ставитъ плотину естественному напору природныхъ силъ. Все шире расползается городъ, все глубже вростаетъ въ землю, и все дальше и дальше отодвигаетъ питательные ключи растительнаго сока. Чистая, мягкая земля ему мѣшаетъ; ему противны грядки, огороды, пастбища, поля. Ему нужна непроницаемая кора,—булыжникъ, асфальтъ.

Но если городу мѣшаютъ пастбища и пашни, то горожанамъ нужно то, что на нихъ родится. И вотъ, для своихъ горожанъ городъ зоветъ обратно то самое, что онъ изгналъ,—только уже въ видѣ товара: вмѣсто пашни и огородовъ—рынокъ, вмѣсто грядокъ—магазины. Но какъ таинственно это возвращеніе земли въ городскую черту. Случалось ли вамъ ночью выѣзжать изъ большого города по одной изъ тѣхъ дорогъ, которыя звѣздою отъ него расходятся? По пустыннымъ полосамъ къ городу сходящихся путей медленно тянутся скрипучіе обозы, стучатъ, грохочутъ высокія колеса огромныхъ одноколокъ, и на

нихъ—овощи: корнеплоды корнями вверхъ,—морковь, рѣдька, свекла, капуста качанами вверхъ,—горы моркови, рѣдьки, свеклы, капусты,—щетина красная, бѣлая, зеленая. Грохочутъ и тянутся обозы, и въ ночномъ безмолвіи покорная земля возвращаетъ городу то, что городъ изгналъ и безъ чего не можетъ обойтись. Подъ покровомъ ночи входятъ обозы въ черту города, и во время сна людского складываютъ свое содержимое. За чертою сна идетъ кипучая работа заготовки,—спѣшная работа: заря торопитъ. . .

* * *

Это вторженіе земли въ городъ приводитъ мнѣ на память одну рѣдко кѣмъ видѣнную картину, которую иногда можно наблюдать въ Римѣ, поздно ночью, часа въ три, четыре утра. По соннымъ, тихимъ улицамъ вдругъ поражаетъ васъ какой-то мелкій топотъ, мелкій, но многочисленный. Отъ времени до времени легкій колокольчикъ раздается, и все ближе и ближе придвигается туча мелкаго топота. Вдругъ—блеяніе: стадо овецъ. Ихъ перегоняютъ изъ однихъ пастбищъ въ другія, и на пути проходятъ городомъ. Нѣсколько пастуховъ, зашитыхъ въ шкуры, съ длинными крючковатыми посохами, рядомъ съ ними косматые сторожевые псы. Гулко по сонной мостовой раздается дробное топотанье безчисленныхъ копытъ, и надъ этимъ топотомъ какой-то шепотъ шерсти, и несетъ отъ этой шерсти и отъ этого топота равнинами, полями, травами, цвѣтами. . . Молча стоятъ каменныя громады дворцовъ, памятниковъ и развалинъ, и въ недвижномъ безучастіи луннаго сна пропускаютъ мимо себя мимолетное прикосновеніе степного дыха-

нія... Стада проходятъ; они вошли одними воротами,—городъ спалъ; они вышли другими воротами, они его не разбудили... Такія же стада проходили вѣчнымъ городомъ и тогда, когда этихъ дворцовъ не было, а эти развалины были дворцами. И невольно сопоставляю мертвую давность города и живую давность природы... И еще невольно сопоставляю гордыя громады города, торжественное спокойствіе зданій съ безпокойной скромностью, съ жмущейся торопливостью проходящаго стада. Онѣ чужія здѣсь, втируши-овечки, не туда попавшія: «Сейчасъ, сейчасъ уйдемъ», такъ будто говорятъ онѣ. Пыльныя, въ рѣпьяхъ, не смѣютъ глазъ поднять, и торопятся, торопятся, торопятся; торопко топочутъ по плиткамъ непривычной мостовой... Впереди—ворота и просторъ, и мягкая, безшумная земля...

Эта картина есть какъ бы одинокій случай, это есть такое вторженіе природы въ городъ, которое городомъ не предусмотрѣно, нуждами его не оправдывается и никакимъ его потребностямъ не отвѣчаетъ. Это есть п о с ѣ щ е н і е города, это не обмѣнъ. И вотъ почему это т о л ь к о картина. Всякій же обмѣнъ есть въ то же время и необходимость, и обычай, и законъ. Разъ онъ законъ, онъ уже не картина; онъ можетъ стать предметомъ картины, но онъ н е т о л ь к о к а р т и н а. Онъ уже извѣстнаго рода машина. Машина жизни, механизмъ взаимоотношеній города и деревни: какая безконечная сложность въ условіяхъ этого обмѣна. Какое сочетаніе свободы и подчиненія, и какая для достиженія равновѣсія потребна мудрость!...

* * *

Машина городская страшна. Жестока ея каменность, жестока ея желѣзность, и жестока неуступчивость ея предначертаннаго и вѣчно осложняющагося движенія. И странно, городъ весь создается, выростаетъ въ отвѣтъ на потребности человѣка, въ угоду ему, для его облегченія, а между тѣмъ нигдѣ, какъ въ городѣ, не чувствуетъ себя человѣкъ окруженнымъ запретами: все облегчено для личнаго пользованія, но само пользованіе этой облегченностью поставлено въ тиски общественныхъ условій. Городъ — смѣшеніе личности съ безличіемъ, кипѣніе толпы. Толпа изъ личностей составляется, но въ ней же личность пропадаетъ. Безъ пузырей вода не кипитъ, но пузыри не вода. Вода помимо пузырей, и городъ помимо личностей. Въ немъ своя жизнь, какъ въ машинѣ, и какъ во всякой машинѣ,—безжалостная жизнь. Отсутствіе гибкости, уступчивости, вотъ къ чему труднѣе всего привыкнуть человѣку. Когда вы спрашивали кондуктора, идетъ ли этотъ трамвай туда-то, и онъ кратко отвѣчалъ вамъ—«Нѣтъ», вамъ никогда не хотѣлось отвѣтить: «Да неужели? Да—ну, попробуйте. Немножко доброй воли. «Un peu de bonne volonté». Вотъ ужъ чего нѣтъ въ городѣ; ни въ одной машинѣ нѣтъ того, что мы зовемъ bonne volonté. И вотъ въ чемъ трагедія города, трагическое сиротство человѣка, попадающаго въ городъ: онъ окруженъ попеченіемъ, но это попеченіе жестоко. И предусмотрительно движеніе этого попеченія идетъ мимо него, когда ему нечѣмъ заплатить...

Сложное движеніе городское имѣетъ свои приливы и отливы, свои часы усиленнаго напряженія и сгущенія. На мостовой уже нѣтъ мѣста, и, опекая лич-

ность, городъ распредѣляетъ толпу: надземные, подземные пути, — какъ кровообращеніе городское, — когда отъ конечностей къ сердцу, когда отъ сердца къ конечностямъ. И опредѣляетъ это направленіе — человѣческій желудокъ. Работа, заработокъ центростремительны, отдыхъ, питаніе — центробѣжны. Тѣ самые поѣзда, что утромъ перегружены, пустуютъ въ обѣдъ, когда работающій въ обратномъ направленіи возвращается домой. Въ шумѣ, въ грохотѣ, въ копоти, въ пыли перекидываетъ городъ сѣрыя человѣческія стада подъ землей и надъ землей, потому что на землѣ уже мѣста нѣтъ. И страшно думать, что будетъ тогда, когда не будетъ мѣста ни на землѣ, ни надъ землей, ни подъ землей. Движеніе городское принимаетъ такіе размѣры, которымъ городской организмъ уже не соотвѣтствуетъ. Не то ли самое дѣлаетъ человѣкъ-изобрѣтатель, когда строитъ такіе аэропланы, скорость которыхъ превышаетъ выносливость его легкихъ?

Шумъ городской. Рыкъ чудовища. Изъ сколькихъ отдѣльныхъ звуковъ составляется грохочущее дыханіе города! Никогда не прекращающійся, только къ ночи успокаивающійся рокотъ городского кровообращенія. .

Свѣтъ городской. Надъ городомъ въ ночи виситъ недвижное облако свѣтовой пыли. Но въ самомъ городѣ два свѣта, — недвижная линія фонарей, свѣтовая геометрія улицъ, и—движущаяся геометрія бѣгущихъ и стремящихся огней. Кареты, автомобили, трамваи полосуютъ улицу игрою свѣтовыхъ полосъ. Магазины сіяютъ и слѣпятъ, вертящіяся электрическія рекламы будятъ вниманіе, зовутъ и пристаютъ, яркостью

своей нарушаютъ мѣру разстояній, опрокидываютъ привычки зрительной пространственности. И все вмѣстѣ сливается въ одинъ гигантскій походъ противъ ночи, противъ тьмы. Городъ противъ ночи, какъ онъ противъ травы, онъ противъ природы, онъ самъ по себѣ, онъ новая природа, наперекоръ природѣ родившееся чудовище, со своимъ особеннымъ каменно-желѣзнымъ ликомъ. . . .

Но хорошъ и жутокъ городъ въ тѣ немногіе краткіе часы,

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день,
И на нѣмыя стогны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда . . .

И жутокъ, и хорошъ. Сонъ мощнаго существа всегда жутокъ; наблюдать сонъ могучаго—все равно, что подойти къ краю дремлющаго отверстія огнедышущей горы. Но и прекрасны сонныя очертанія, ненарушаемыя людскою суетой. Хороши «спящія громады» площадей, раздвинутыхъ, расширенныхъ, когда не загромождены экипажами, не запружены людской толпой; хороши на асфальтовыхъ площадяхъ, лоснящихся подъ влагою ночной испарины, отраженія уже почти ненужныхъ фонарей; хороши на каменной мостовой разводы скрещивающихся и расходящихся рельсъ, молчаливыхъ, не скрипящихъ, праздныхъ, тоже уже ненужныхъ; хороши фонтаны, въ безшумности ночной безпрепятственно шумящіе; хороша рѣка въ нерушимомъ постоянствѣ своего движенія, и прекрасна луна въ нерушимой недвижности своего покоя . . .

* * *

И сколько воплощеній приняла идея города, — смотря по мѣстности, по климату, по строительному матеріалу, по народности и, наконецъ,—по времени,—изъ глубины вѣковъ до нашихъ дней. Отъ тѣхъ временъ, когда Ксенофонтъ, со своими войсками скитаясь по Малой Азіи, подходилъ къ городу такому-то,—«μεγάλην, οἰκουμένην καί εὐδαίμονα» (большому, населенному и благоденственному); когда кучеръ-веттурино, взъѣхавъ на холмъ, оборачивался съ козелъ и, бичемъ своимъ указывая путнику въ туманной долинѣ лежащіе купола и надъ ними одинъ большой куполъ, говорилъ: «Ессо Roma!»; когда Пушкинъ, подъѣзжая къ бѣлокаменной, восклицалъ:

Ахъ, братцы, какъ я былъ доволенъ,
Когда церквей и колоколенъ,
Садовъ, чертоговъ полукругъ
Открылся предо мною вдругъ! —

сколько измѣненій до того, когда Достоевскій въ первыхъ строкахъ «Идіота» торопитъ курьерскій поѣздъ, на всѣхъ парахъ подъѣзжающій къ Петербургу! Сколько разныхъ формъ въ одномъ и томъ же образѣ, сколько разныхъ смысловъ въ одной и той же мысли! Все разное, и все—городъ. Все разное, а какая для путника всегда одинаковая радость—послѣ долгаго пути первые городскіе огни. Не все ли равно,—Римъ или Кортона, Москва или Канатопъ?... Я помню, разъ ѣхалъ на телѣжкѣ изъ Балашова въ Борисоглѣбскъ,—въ непролазную грязь, да сверхъ трехнедѣльныхъ дождей вдругъ на черную кашу снѣгъ, да съ морозцемъ. Положимъ, говорятъ—«На сухую землю снѣгъ не падаетъ», ну да вѣдь и мокро-

та бываетъ разной густоты. Тутъ благодаря морозу между спицъ колесныхъ такъ забивало, что лошади останавливались. Ямщикъ то и дѣло соскакивалъ съ облучка: «Чисто жернова, а не колеса». Соскакивалъ, кнутикомъ прочищалъ, и ѣхали дальше. Охъ, какое же это было путешествіе! Отъ времени до времени съ неба, или откуда-то, ужъ неизвѣстно, что-то въ лицо хлестало; не разобрать, что,—то ли снѣгъ, то ли дождь, либо и то и другое вмѣстѣ,—а только и мочитъ и колетъ, и мокро, и холодно, и больно... Отъ пяти часовъ утра до девяти вечера ѣхали эти девяносто пять верстъ... Но и этому конецъ былъ. И съ какой же радостью привѣтствовали мы дальніе огни уѣздной нашей столицы! И когда въѣхали, съ какою радостью привѣтствовали твердый шумъ колесъ подъ черной кашей, заливавшей мостовую Дворянской улицы!

Съ какою радостью смотрѣлъ я на огни городскіе, по-венеціански отражающіеся въ жидкой грязи базарной площади! И съ какою радостью, послѣ голодныхъ полусутокъ вошелъ въ ресторанъ мѣстнаго «Гранотеля»!...

— Есть борщъ съ пирожками-съ; цыплята по-польски-съ, съ брусникой, съ огурцомъ-съ; вино донское Соколовское-съ, а то мадера Елисѣевскаго разлива-съ...»

— Нѣтъ, ужъ лучше Соколовскаго.

Такъ городъ усталому, голодному путнику разверзаетъ сокровища свои...

Почему-то вспоминаю еще, что однажды я такимъ же образомъ пріѣхалъ въ Кирсановъ. Нужно мнѣ было зачѣмъ-то исправника повидать.

— Что, исправникъ не у васъ въ гостиницѣ сейчасъ?

— Какъ же, у насъ. Они у насъ и живутъ-съ.

— Пожалуйста, спроси, не могу ли на минутку зайти?

Возвращается:

— Виноватъ-съ, никакъ нельзя-съ. Они сейчасъ спятъ... И притомъ не одни-съ...

* * *

«Городъ». Ни въ одномъ изъ знакомыхъ языковъ это понятіе не имѣетъ столь ярко выявленнаго словеснаго происхожденія, какъ въ русскомъ: «городить», «отгораживать». Но странно, что это только въ словѣ, въ понятіи. А на самомъ дѣлѣ какіе же у насъ города обнесены? Кремли со стѣнами наперечетъ, и въ то время, какъ заграницей даже самая маленькая дачка обнесена рѣшеткой, а въ городъ нельзя иначе проникнуть, какъ пройдя сквозь провѣряющее око таможни, у насъ,—что городъ, что деревня,—въѣздъ и выѣздъ открытый. Вся Россія жила, можно сказать, нараспашку. А «застава» встрѣчается, кажется, только въ повѣстяхъ стараго добраго времени, какъ и «гауптвахта». Въ этой открытости, въ этой распашенности русскихъ городовъ, столь противорѣчащей названію и понятію, не сказываются ли особенности русскаго характера? Тутъ и извѣстная ширь, тутъ и неряшливость и беззаботность; тутъ и характерная для русскаго человѣка удовлетворяемость: есть названіе,—есть, значитъ, и предметъ. Не эта ли самая удовлетворяемость нашла себѣ такое

удивительно красивое выраженіе въ одномъ изъ великолѣпнѣйшихъ стиховъ русской поэзіи, — когда въ уста Екатерины Великой поэтъ влагаетъ слова:

Изъ нѣдръ степей вставали города.

Какой прекрасный образъ, но какая же за нимъ была реальность?... Не тѣмъ же ли чувствомъ легкой удовлетворяемости вызваны слова Потемкина архитектору, которому онъ поручилъ планъ екатеринославскаго собора: «Припусти ты мнѣ на аршинчикъ противъ римскаго Петра»?... Таинственна связь между характеромъ народа и условіями страны. Отсутствіе границъ не есть ли и отсутствіе сдерживающаго начала? Не отсюда ли наша негражданственность, отсутствіе «городовитости» (можно такъ сказать,—на подобіе «домовитости»)? Но развѣ можетъ внѣшнее не вліять на внутреннее? Характеры создаютъ города, но и города воспитываютъ характеры. Что такое русскій городъ? Кто это сказалъ про русскій уѣздный городъ? Кажется, Соллогубъ, незабвенный авторъ «Тарантаса»: «Застава, заборъ, кабакъ, заборъ, соборъ. Заборъ, кабакъ, заборъ, застава». Выѣхали изъ города...

* * *

О, уѣздный русскій городъ! Сколько жалости и сколько прелести! Прелесть въ отсутствіи городовитости, жалость въ потугахъ на городовитость. Какое убожество въ деревянности строительнаго матеріала, какое безвкусіе въ кирпичныхъ затѣяхъ! Заборы, палисаднички, досчатые мосточки, чахлый бульваръ, ку-

сочекъ мостовой, обваливающіяся канавы, немножко треснувшаго, облупившагося асфальта, — и грязь и пыль.... А базарная площадь. Подумайте только, что такое рынокъ въ заграничномъ городѣ: центръ жизни, самое, если можно такъ выразиться, родовитое мѣсто города; въ немъ стародавность, гордость, онъ обнесенъ, онъ защищенъ отъ непогоды. У насъ въ уѣздномъ городѣ базарная площадь это пустырь, на которомъ какіе-то бревенчатые сараи и покосившіеся навѣсы. Въ сухую погоду пыль, а въ сырую непролазное болото: въ черномъ мѣсивѣ топчутся продавцы и покупатели, и съ воза свалившійся или изъ мѣшка высыпавшійся товаръ такъ и пропадаетъ въ черной полужидкости...

«Деревянная Европа», сказалъ историкъ Соловьевъ про Россію, и это отсутствіе каменности невыносимо тяжело для того, кто его ощущаетъ. Маленькій случай заставилъ меня однажды очень сильно почувствовать то, о чемъ говорю. Я ѣхалъ со станціи въ свое имѣніе съ однимъ итальянцемъ, котораго привезъ въ Россію.

Вотъ на пути село большое, —

село Подгорное. Спустились съ горы, проѣзжаемъ трясучую гать, проѣзжаемъ длинную улицу, миновали церковь, поднимаемся на вторую гору. Вдругъ мой спутникъ восклицаетъ: «O, guardi quel campo santo!» (О, посмотрите это кладбище!). Направо отъ насъ на полугорѣ, окруженные мелкою заросшею канавой, вырисовывались бугорочки, на нихъ поломанные кресты. Никогда не забуду голоса, какимъ онъ сказалъ это. «Campo santo!». Что должно было представить

этому человѣку (простому, необразованному человѣку запада), что должно было ему представить это пространство земли, окруженное канавой, эти бугорочки, остатки деревянныхъ крестовъ, среди которыхъ паслись овцы? . . . Сколько вѣковой культуры, удивленной, оскорбленной—въ этомъ возгласѣ! «Кампосанто» — каменныя ворота, кипарисовыя аллеи, камнемъ выложенные ходы, мраморные памятники и кресты, надписи, цвѣты, уходъ, и вдругъ—пустырь нашего погоста. «Кампо санто» и погостъ,—полюсы культуры, полюсы исторіи въ этихъ двухъ словахъ. И вотъ, — рынокъ и кладбище; рынокъ — самый кипучій центръ жизни, кладбище — самая дальняя окраина жизни. И въ нихъ сказывается весь уровень культуры, гражданственности. Мѣсто обмѣна и мѣсто успокоенія.

Еще результатъ русской безкаменности — отсутствіе дорогъ, со всѣми послѣдствіями его. Вѣдь что такое наша степная дорога? Гдѣ непахано, гдѣ плугъ пропустилъ, тамъ и дорога. А наши гати, наши мосты? . . . Въ странахъ «каменныхъ» дороги — каменныя ленты отъ города къ городу, каменная сѣть; города—каменные узлы. Такова ткань торговаго и дѣлового обмѣна. У насъ — какая вялость, какая спутанность, какая неустойчивость и трата времени! Пока, пока доберешься до желѣзной дороги! А тутъ какая несуразность: желѣзная сѣть и деревянные узлы. Вокзалъ—каменный фасадъ деревяннаго зданія. Все это вліяетъ не на одинъ ходъ дѣловой жизни, но и на характеры. Во-первыхъ, оно не способствуетъ выработкѣ точности и быстроты дѣйствій; во-вторыхъ, оно еще больше способствуетъ расшатыванію домовито-

сти. Желѣзная дорога у насъ сыграла роль своеобразнаго общественно-воспитательнаго характера. Она отучала людей отъ дома, отъ очага. Маленькая станція, и та уже была въ нѣкоторомъ родѣ клубомъ, своего рода казино, гдѣ встрѣчались люди на нейтральной почвѣ: «низшіе» удостоивались рукопожатія «высшихъ»; здѣсь поддерживались отношенія, обдѣлывались дѣла: сколько сдѣлокъ за станціоннымъ буфетомъ «спрыскивалось» шампанскимъ!... А большія узловыя станціи! Да нашъ средній помѣщикъ нарочно ѣздилъ на станцію, безъ всякой надобности,—даромъ на цѣпочкѣ золотой жетонъ виситъ. Онъ ѣдетъ въ первомъ классѣ, онъ сидитъ на бархатѣ, онъ слышитъ новости столичныя, про такихъ людей, которыхъ лично и не знаетъ,—и онъ чувствуетъ себя «въ курсѣ» общественно-политической жизни. Пріѣзжаетъ на большую станцію,—въ огромномъ безвкусномъ «залѣ», передъ столомъ, на которомъ гадкіе бронзовые канделябры стоятъ, завѣшанные зеленой кисеей, онъ ѣстъ зернистую икру и паровую стерлядь, и передъ надписью, что «за общимъ столомъ курить воспрещается», затягивается сигарой, которую принесъ ему пугливый и подобострастный въ засаленномъ фракѣ татаринъ-офиціантъ.

Ни въ одной странѣ не видалъ я, чтобы ходили на станцію «погулять» въ часы прохожденія поѣздовъ. Да ни въ одной странѣ безъ билета на «плацформу» и не пропустятъ. Съ грустью вспоминаю этотъ типъ барышни, которая въ «русскомъ костюмѣ» при лайковыхъ перчаткахъ, увѣшенная бусами, съ гимназистомъ, студентомъ, телеграфистомъ, инженеромъ по платформѣ взадъ-впередъ разгуливала, разсматрива-

ла публику и себя показывала....

Можно сказать, что въ извѣстномъ смыслѣ желѣзная дорога высасывала изъ деревни, изъ дома, изъ семьи послѣдніе остатки домовитости. Желѣзная дорога высасывала деревянную Россію...

О, какъ тяжела эта безкаменность нашей деревянной деревни! Какъ нравственно тяжела. Эта неустойчивость матеріала, эта легкая воспламеняемость,—вѣдь это же матеріальная аллегорія нашей негражданственности. Дѣло рукъ одного поколѣнія не переходитъ въ другое, каждое поколѣніе зачинаетъ жизнь заново и ничего не оставляетъ слѣдующему. Нѣтъ строительства, нѣтъ и преемственности; нѣтъ передачи, нѣтъ и памяти. Кто когда у насъ въ провинціи поминалъ дѣда, бабушку? На отцѣ и матери останавливается память, обрывается нить предковъ...

* * *

Но зато есть другое. Есть въ этихъ внѣшнихъ условіяхъ быта нѣчто такое, что вліяетъ и въ обратную сторону, въ сторону усиленнаго ощущенія бытія. Внушая безразличіе къ обстановкѣ, оно способствуетъ развитію и укрѣпленію внутреннихъ, мистическихъ сторонъ человѣческой природы. Кто сказалъ, что въ сто лѣтъ, а то и менѣе того, вся деревенская Россія выгораетъ. Можно ли дать людямъ болѣе сильный и наглядный урокъ бренности и преходящести всего земного?... Да, что больше говоритъ о бренности людской: каменныя ворота мраморнаго кампо санто или полынью заросшая канавка, отдѣ-

ляющая этотъ погостъ отъ большой проѣзжей дороги? . . .

Не вслѣдствіе ли этой убогости и жалости такъ дороги намъ тѣ минуты, когда вдругъ утверждается духовная сторона жизни? . . Лѣтнимъ вечеромъ бесѣда на досчатомъ крылечкѣ, обвитомъ дикимъ виноградомъ; Пушкинъ или Фетъ на столѣ; стаканъ чаю и варенье изъ полевой клубники, въ то время какъ по улицѣ въ пыльномъ облакѣ проходитъ стадо возвращающихся коровъ. Почему именно тутъ, среди убогости всего человѣческаго, такъ сильно вдругъ что-то внутри насъ провозглашаетъ, что не о хлѣбѣ единомъ живъ человѣкъ? Откуда этотъ голосъ? Изъ Пушкина и Фета, или само пыльное облако, пронизанное лучами закатнаго солнца, намъ шлетъ его вмѣстѣ съ коровьимъ мычаньемъ? Не знаю. И не знаю также, почему въ э т и х ъ минутахъ сливается для меня лучшее, что остается въ смутной памяти отъ таинственной и неразгаданной Родины. . .

* * *

Въ колясочкѣ тройкой выѣзжаю изъ города. Легко. Пріятно. Ласковый вечеръ примирителенъ. Окна послѣднихъ домиковъ жаромъ горятъ, глядя на закатъ. Въ небѣ, высоко надъ домами, надъ острогомъ, надъ паровой мельницей, на крѣпко натянутой веревкѣ гудитъ и рѣетъ бумажный змѣй . . . Дѣти рѣзвятся и кричатъ; и ярко въ ихъ пыльной, грязненькой толпѣ мелькаетъ желтая рубашечка. И уже знаю, напередъ знаю, что запомнится мнѣ, навсегда запомнится это желтенькое пятнышко въ пыльной суматохѣ дѣт-

ской суеты,—какъ запомнятся почему-то, навѣрно запомнятся эти два бѣлыхъ голубя, тамъ, далеко надъ крышами откуда-то взлетѣвшіе и куда-то потонувшіе...

Весело тройка оттаптываетъ сухую дробь по сухой дорогѣ; бубенцы «диньдинькаютъ», — какъ говорили дѣти; изъ-подъ двѣнадцати копытъ вѣтерокъ стелетъ вправо струи пыли; лошадиные хвосты вправо отдуваются... Испуганныя куры перебѣгаютъ наперерѣзъ лошадямъ, — спасаются домой. Всторонѣ навозну кучу разбираетъ огненный пѣтухъ... Охъ! Семейство поросятъ! Хрюкаютъ и улепетываютъ...

Вотъ и послѣдній домикъ города. Вамъ никогда не было жалко послѣдняго домика, послѣдней въ деревнѣ избы? Хата съ краю. Весь городъ, вся деревня позади, а сама глядитъ въ пустое. Хорошо,—въ такой благодатный лѣтній вечеръ, какъ сегодня, когда съ поэтомъ вмѣстѣ хочется воскликнуть:

Какое лѣто, что за лѣто!
Да это просто колдовство;
И какъ, спрошу, далось намъ это
Такъ ни съ того и ни съ чего? —

А зимой, трескучей, жестокой зимой, когда смотритъ избушка единственнымъ огонькомъ единственнаго своего окна въ бездонно-сѣрую глубину надвигающихся сумерекъ?

Катится моя колясочка. Осталось уже позади последнее городское жилье. Разливается степная ширь, и «волнуется желтѣющая нива»...

Весело оттаптываетъ тройка; бубенцы диньдинькаютъ. Хвосты вправо отдуваются; изъ-подъ двѣнад-

цати копытъ струйками поднимается и облачкомъ расходится по полю пыль. . . .

И отъ нивы и до нивы
Гонитъ вѣтеръ прихотливый
Золотые переливы. . .

Деревня, деревня! Россія не городъ. . .

Горацій воскликнулъ: «O, rus!» Это значитъ—«О, деревня!»

Пушкинъ прибавилъ риѳму: «О, Русь!» И это тоже значитъ—О, деревня! . .

Везинэ.
2 Октября 1923.

IX

ВЪ КРАСКАХЪ УМБРІИ.

Надъ скалистой крутизной, самъ какъ будто изъ скалы выросшій, стоитъ маленькій умбрійскій городокъ Нарни. Въ Италіи такъ много такихъ городковъ,—изъ скалы растущихъ. Смотришь на висящій надъ тобою домъ и спрашиваешь себя: «Что это, — скала или уже фундаментъ? А это стѣна или еще скала?» Точно ихъ природа выдвигаетъ изъ себя, а не человѣкъ воздвигаетъ.

Надъ крутизной, въ маленькомъ ресторанчикѣ обѣдаемъ. Изъ окна—огромная гора видна, сѣрая, съ чахлою растительностью, и спускается крутою плоскостью своей въ невидимое дно... Вкусна въ въ итальянскихъ трактирчикахъ незатѣйливая пища. Супъ съ гренками и сыромъ, фритто мисто (конечно), сухія фиги, гадкій кофе... Да, гадкій, но что-жъ подѣлаешь,—пьешь и радуешься: Италія! Вѣдь вся Италія — одно смягчающее обстоятельство. Развѣ снесли бы въ какой-нибудь другой странѣ (кромѣ бывшей нашей родины), развѣ снесли бы, развѣ простили бы такой безпорядокъ, такую неряшливость, такую неосвѣдомленность, такую нерадивость? А здѣсь не только прощаешь,—радуешься: вѣдь безъ этого не была бы Италія. Это все равно, какъ люди съ

большими дарованіями: мы имъ прощаемъ, мы должны имъ прощать ихъ недостатки, потому что, если бы этихъ недостатковъ не было, то человѣкъ былъ бы другой, и не было бы уже и того, что мы въ немъ любимъ, чѣмъ въ немъ восхищаемся. . . .

До Перуджіи въ автомобилѣ часа четыре (такъ по крайней мѣрѣ говорятъ). Засиживаться не приходится. Трогаемся. Летимъ. . . Вьемся по гладкой дорогѣ. Горно, скалисто, но какъ всегда въ Италіи,—не сурово. Скала — то близко, вплотную къ самой дорогѣ подступаетъ, голая, сѣрая, темная, косматая; то вдругъ далеко уйдетъ, съ дальними горами сольется; а кругомъ насъ раскроются, раскинутся пашни, виноградники.

Осень, даже поздняя осень. Но что за красота раскраски! Дальнія горы утопаютъ въ синевѣ. Откуда эта синева? Леонардо да Винчи говоритъ, что не воздухъ синь, а тѣ частицы сырости, которыя въ немъ, становятся сини, когда освѣщены противъ темнаго, — въ данномъ случаѣ противъ горъ. Точно такъ же и струя дыма отъ сухого дерева—синяя, чѣмъ ближе къ землѣ, потому что противъ темнаго, а чѣмъ выше (противъ неба), тѣмъ становится сѣрѣе. Но какъ бы то ни было, а только такой густой, откровенно синей синевы не видалъ я никогда. Она густится все больше и больше. Какая-то эмаль, за которой горныя очертанія едва-едва проступаютъ. И вдругъ на эту синеву выплываетъ, леткимъ бѣлымъ пухомъ выплываетъ перистое облачко. Откуда оно? Конечно, съ неба; откуда же и быть облаку? Но какъ оно смѣшалось съ земными впечатлѣніями! . . И какъ будто для того, чтобы ихъ совсѣмъ связать, изъ синевы встаетъ и въ сине-

ву же поднимается—радуга. Какъ на растительномъ трепетѣ, на дымчатой воздушности всего, что бѣжитъ мимо насъ, какъ крѣпко, какъ устойчиво стоитъ свѣто-цвѣтная дуга!

Какъ неожиданно и ярко
Во влажной неба синевѣ,
Воздушная воздвиглась арка
Въ своемъ минутномъ торжествѣ.

Одинъ конецъ въ лѣса вонзила,
Другимъ за облака ушла:
Она полнеба охватила
И въ высотѣ изнемогла!

А вокругъ насъ проходятъ виноградники и пашни. Борозды быстро уходятъ назадъ, вращаются,—какъ будто онѣ радіусы круга, а мы центръ: все вращаются, уходятъ назадъ. . . Какая удивительная пашня! Если вы не видали, не повѣрите, что можетъ быть такая коричневая, густо, ржаво-коричневая земля. Теплая, горячая пашня, какъ раскрытое лоно, ждущее принять человѣкомъ брошенное сѣмя. Волнисто направо и налѣво то поднимаются, то глубоко опускаются «i solcati monti» (изборожденные холмы). Вспоминаю выраженіе Петрарки и вспоминаю также, въ лоджіяхъ Рафаэля, на потолкѣ,—среди картинъ Ветхаго Завѣта, помните?—картину пахоты. Ведетъ человѣкъ двумя волами влекомый плугъ, палкой погоняетъ. Почему это всякому трудовому соприкосновенію съ землей, плодоносящей, мы такъ охотно присваиваемъ опредѣленіе—«библейскій»? . . . Проходятъ мимо насъ коричневыя пашни, и по нимъ въ шашку плодовыя деревья, и съ дерева на дерево—гирлянды винограда. . .

Ужъ осень, поздняя осень,—виноградъ давно убранъ. Влекомыя покорными бѣлыми волами съ огромными всторону расходящимися рогами, уже давно сошли со склоновъ горъ въ долины скрипучіе возы, нагруженные синими гроздьями. Уже и люди въ засученныхъ шароварахъ отплясали свой веселый плясъ въ кадушкахъ, полныхъ винограднаго мѣсива, пока покорные бѣлые волы лежали и жевали и пускали вислую слюну. Казалось бы, прошла уже виноградникамъ праздничная пора, но виноградники не такъ думаютъ. «Не синими лѣтними гроздьями, такъ осеннимъ желто-краснымъ листомъ блеснемъ и заиграемъ!» И съ дерева на дерево бѣгутъ оранжевыя нити, оранжевыя, но пестрыя, — желтыя, кровавыя, огненныя. Съ дерева на дерево тянутся, висятъ, перебрасываются, качаются. Подумайте только—радость этого оранжеваго праздника на синей синевѣ далекихъ синихъ горъ и надъ коричневымъ ковромъ темно-ржавой пашни! Противъ синей синевы качаются оранжевыя нити, а на коричневый коверъ ложатся опавшіе листья, желтые и красные. И ложатся не куда попало, и не какъ-нибудь: ложатся,—выбираютъ борозды. Должно быть, вѣтеръ такъ укладываетъ. Только желтѣютъ по коричневому полю желтыя бороздки, такъ правильно, такъ весело. . .

А надъ бороздками серебряною дымкой блестятъ, переливаются оливы. Подъ ихъ сѣрымъ серебромъ золото еще золотѣе, а по синей синевѣ серебро еще серебрянѣе. . .

Въ этой красочной отчетливости есть какое-то упорство; есть какое-то нехотѣніе въ этой несліянности цвѣтовъ: каждая краска сама по себѣ, напе-

рекоръ другой, какъ будто задались другъ друга перекричать. Но въ природѣ не бываетъ какофоній, и дивно-восхительна эта красочная рѣзкость, не смягченная ни туманомъ, ни струею дыма и только иногда перерѣзанная и еще болѣе подчеркнутая чернымъ кипарисомъ. . .

Отъ времени до времени въ трепетномъ вечерѣ трепещетъ прозрачный абрисъ трепетной акаціи. . .

Вьется дорога то межъ каменныхъ заборовъ, то межъ цѣпкихъ непролазныхъ зеленыхъ изгородей. И обступаетъ со всѣхъ сторонъ это странное, особенное, нигдѣ въ другой странѣ такъ не ощутимое сліяніе природы и человѣка. Сочетаніе пашни, пастбища, огорода, плодоваго сада. Фиговое дерево съ зелеными лапчатыми листьями на сѣрыхъ угловатыхъ вѣтвяхъ; дымчатая сквозная сѣрая зелень оливы на старомъ дуплистомъ продырявленномъ, изрѣшетѣвшемъ отъ времени стволѣ. . . Нигдѣ, нигдѣ нѣтъ такой покорности природы, такой сліянности въ подчиненіи человѣческому предначертанію. . . Проходятъ торопливыя нѣжныя козочки; проходятъ, подъ огромной ношей хвороста или зелени, сосредоточенные, вдумчивые ослики; останавливаются у водоемовъ, при встрѣчѣ сворачиваютъ въ сторону. Чинно, стройно все происходитъ, согласно требованіямъ хозяйственной жизни, смотря по тому, какая какому часу дня довлѣетъ забота.

Вьется гладкая дорога. Изъ виноградниковъ выплываютъ города, со скалы свисаетъ старая крѣпость. Межъ кипарисовъ куполъ, колокольня. На скалѣ развалина замка. . . Вонъ вдали на неприступной высотѣ домъ бѣлѣетъ. И какъ это люди живутъ тамъ?

Извольте съ этой высоты послать за коробкой спичекъ или на такую высоту поднять фортепіано... А живутъ... Дорога—то мимо города, то ниже города, то выше города, то воротами — въ городъ. Узкими уличками, межъ хмурыхъ каменныхъ домовъ съ воротами, съ балконами, со свисающими карнизами прокладываетъ путь автомобиль среди праздной суеты вечерняго часа. Каменно обступаетъ старый городокъ; какъ будто въ каменномъ плѣну ѣдемъ, и только иногда въ прорывѣ межъ двухъ зданій, гдѣ поперечная уличка ступенями уходитъ внизъ, на одно мгновенье улавливаетъ глазъ—въ темной рамѣ угрюмыхъ домовъ тамъ внизу свѣтлую даль умбрійской долины... Кто знаетъ Италію, тотъ знаетъ эти мгновенныя свѣтовыя ослѣпленія, которыми природа итальянская врывается въ итальянскій городокъ, укрывшійся въ горахъ. Въ Италіи всегда надо ловить поперечное направленіе,—уличка ли стараго городка, ворота ли стараго дворца,—сторожите, ловите. Увидите—или природу, голубую даль, мягкій золотистый вечеръ, или,—въ воротахъ,—архитектурный дворъ, съ плющемъ, съ обломками стараго мрамора, и въ серединѣ стѣны, противъ въѣздныхъ воротъ — фонтанъ: сочится каплями вода, по влажному папоротнику изъ сталактитовой пещеры спадаетъ въ обросшій мхомъ древній саркофагъ... Ловите въ Италіи мгновенья поперечныхъ видѣній... Да въ одной ли Италіи они насъ прельщаютъ! А вся наша жизнь не то ли самое? Влечетъ насъ судьба, что твой автомобиль, впередъ, впередъ, неизвѣстно куда, а мы цѣпляемся направо и налѣво. Кричимъ иногда, какъ Пушкинъ, кричимъ — «Полегче, дуралей!»... Да, развѣ слу-

шаетъ!... И все кажется, что вотъ тамъ-то, куда не ѣдемъ, а куда бы завернуть хотѣлось, вотъ тамъ-то именно и есть самое лучшее, настоящее. Ахъ, успокойтесь: только потому и манитъ, что поперечное; а поѣхали бы туда, такъ стало бы нашей же продольной дорогой и захотѣлось бы именно по той поѣхать, по которой ѣдемъ...

Ѣдемъ, ѣдемъ дальше каменными уличками каменнаго городка. Черезъ площадь, мимо стараго собора, дальше уличками сквозь другія ворота,—выскочили изъ города... Вспоминаю старый французскій стихъ:

Comme l'on entre au monde il faut que l'on en sorte.

Выскочили изъ города, и никогда уже не увидимъ— ни этихъ высокихъ съ каменнымъ гербомъ воротъ, ни этого съ зеленымъ зонтикомъ погонщика, ни эту съ зобомъ старуху, несущую корзину на головѣ, ни этого хора ребятишекъ, который брызгами своихъ голосовъ обдаетъ нашъ промчавшійся автомобиль. Такъ все время чередуется старое съ мгновеннымъ, сегодняшнее съ давнопрошедшимъ.

А подъ самымъ Нарни проѣхали мы мимо остатковъ стараго римскаго моста, построеннаго Августомъ. Отъ него осталось полторы арки, да на серединѣ рѣки одинъ или два устоя, обросшихъ травой и плющемъ. Онъ давно не дѣйствуетъ, то есть вышелъ изъ употребленія, но подъ единственной аркой Августова моста проходитъ желѣзная дорога: поѣздъ промчался подъ ней, когда мы по другой сторонѣ рѣки ѣхали въ автомобилѣ... Старая гравюра, изображав-

шая этотъ мостъ, висѣла у насъ въ деревнѣ въ Павловскѣ на лѣстницѣ...

* * *

Мимо, мимо! Мимо моста и мимо воспоминаній,— мимо! Развѣ окружающее все, эта синева, эта пашня, эти виноградныя ленты, эти кипарисы и трепетная акація, развѣ помнятъ? Мимо! Къ чему останавливаться? Такъ весело мимо летѣть. А эта вся земля кругомъ,—развѣ тоже не летитъ? Развѣ она помнитъ? Развѣ задумывается надъ тѣмъ, что прошло по ней? Какой тяжелою пятой прошла исторія по этимъ виноградникамъ, по этой цвѣтущей, смѣющейся, всѣми красками смѣющейся землѣ! Вѣдь это Умбрія,—мы подъѣзжаемъ къ Перуджіи. Да былъ ли другой городъ въ жестокой средневѣковой Италіи, который испыталъ больше жестокости, чѣмъ Перуджія, вообще, чѣмъ этотъ уголокъ земли? Какіе люди, какое желѣзо, какая похоть властолюбія, какое жестокое сладострастіе господствованія! Семья Бальони: люди, убивавшіе матерей и отъ сестеръ прижившіе дѣтей. Люди, кровію заливавшіе дивную площадь дивнаго города. Ихъ самихъ однажды лежало на площади двадцать тѣлъ одной семьи. Про одного изъ нихъ говоритъ лѣтописецъ: «Тутъ мой господинъ получилъ по своему благородному тѣлу столько ранъ, что долженъ былъ, наконецъ, своими прекрасными членами растянуться по землѣ». Про другого говоритъ: «Ему было восемнадцать лѣтъ, онъ еще не брилъ бороды, но онъ могъ копьемъ попадать въ стаканъ отъ утра до вечера, не промахнувшись». Со-

четаніе звѣрства и доблести. И это современникамъ нравилось, это цѣнилось, и за доблесть прощалась жестокость, и, — что еще удивительнѣе,—звѣрство прощалось за красоту. Когда читаешь описаніе наружности такого юноши-воина, жестокаго до звѣриности (были такіе, что, убивъ, вырывали сердце и зубами разрывали), когда читаешь, съ какимъ восхищеніемъ лѣтописецъ описываетъ, что у него изъ-подъ шлема выбивались бѣлокурыя кудри, или что и онъ и его жена были такъ прекрасны, какъ два ангела небесныхъ, или что онъ былъ прекрасенъ, какъ второй Ганимедъ; когда граждане, склоняясь надъ тѣлами убитыхъ и выкинутыхъ на улицу представителей семьи Бальони, въ восхищеніи сравнивали ихъ благородныя лица съ чертами древнихъ римлянъ,—тогда понятнымъ становится одно изъ непонятнѣйшихъ противорѣчій: какъ могли такіе люди жить между такой природой съ одной стороны и такимъ искусствомъ съ другой.

Вѣдь въ это же самое время въ Перуджіи жилъ и работалъ сладчайшій Перуджино. Онъ писалъ именно такихъ молодыхъ рыцарей, съ необсохшимъ на губахъ молокомъ, съ выбивающимися изъ-подъ шлема кудрями. Онъ писалъ печально-терпѣливаго, красиво-прострѣленнаго Севастьяна. Онъ писалъ къ небу поднятые взоры, накрестъ сложенныя тонкія руки съ боязливо-нѣжными перстами. Его воины, его сибиллы, его пророки и іудейскіе цари—всѣ спокойны, мягки, невозмутимы. Они не участники жизни,—они не дѣйствуютъ, они отдыхаютъ. Его Матерь Божія у подножія Креста не страдаетъ,—она замечталась. На большихъ его фрескахъ изображенныя лица порознь

стоятъ, почти никогда другъ на друга не смотрятъ, а смотрятъ либо на небо, либо въ неопредѣленную точку, а чаще на васъ, смотрящаго. Одна изъ особенностей и прелестей умбрійской школы живописи — эта встрѣча взгляда, точно давно знакомаго, который только и поджидалъ васъ. Онъ смотритъ, какъ актеръ, вышедшій изъ роли, зазѣвавшійся, и котораго сейчасъ окликнетъ суровый режиссеръ суровой жизни. Но какая прелесть въ этомъ мірѣ спокойствія и ясности! Эти умбрійскіе закаты надъ умбрійскими холмами, эти умбрійскія долины, въ которыя перенесены библейскія событія; эта встрѣча библіи, античности и тогдашней современности; эта совмѣстная прогулка пророковъ и апостоловъ, общеніе греческихъ мудрецовъ съ христіанскими мучениками, все это являетъ такую естественную, невозмутимую картину духовнаго сближенія поверхъ условій пространственныхъ и временныхъ, что можно принять все это за какое-то провозглашеніе вселенскаго мира, вѣчной любви,—какое-то сгараніе всякой злобы и вражды въ лучахъ миротворящаго заката. И это серафическое созерцаніе воплотила умбрійская живопись въ то время, когда кругомъ кипѣли самыя злыя страсти людскія.

Но она явила и еще большій примѣръ отрѣшенности. Она создала тотъ образъ Мадонны, въ которомъ духовная сущность предшествующихъ вѣковъ подошла вплотную къ земному, человѣческому, подошла, но еще не приняла окончательно человѣческую оболочку,—остановилась на порогѣ, побоялась утратить небесное, слившись съ земнымъ. И это въ то время, когда жизнь,—правда, рядомъ съ утонченностью,—

вырабатывала типъ, прямо можно сказать, звѣринаго материнства въ сліяніи съ гражданской доблестью. Про кого это Макіавелли разсказываетъ, что, когда осаждали городъ, всѣ ея многочисленные сыновья были взяты въ плѣнъ. Врагъ выслалъ уполномоченныхъ подъ стѣны города сказать, что, если городъ не сдастся, то ея сыновья будутъ убиты. Она, стоявшая на стѣнѣ, подняла подолъ и воскликнула: «Не бѣда: есть у меня, чѣмъ сдѣлать столько же новыхъ сыновей!» Въ это самое время искусство создавало типъ Мадонны, которая не смѣла принять окончательный земной образъ. . .

И однако изъ нея, изъ умбрійской школы, изъ мастерской того же Пьетро Перуджино вышелъ Рафаэль; онъ совершилъ опасный, но необходимый шагъ: онъ приблизился къ земному, онъ далъ земную оболочку небесному духу, остановившись на порогѣ плотскаго. Въ «Мадоннѣ со щегленкомъ» (Галерея Уффицци во Флоренціи) онъ далъ ее въ сліяніи со всей той ясностью и нѣжностью, которою дышала кисть умбрійскаго учителя; и онъ помѣстилъ вдали, на прозрачномъ фонѣ умбрійскаго неба, прозрачный абрисъ трепетной акаціи . . . Не знаю хронологической послѣдовательности рафаэлевскихъ работъ, но эта «Мадонна дэль Кардэллино», при всей «рафаэльности» своей, мнѣ всегда представлялась, какъ послѣдняя дань ученическаго уваженія наставнику, послѣднее послушаніе юноши, передъ тѣмъ какъ вырваться изъ тихой «школы» и ринуться въ бури самостоятельной работы. Когда бы она ни была написана, эта картина есть синтезъ того, что называютъ «вторая манера» Рафаэля,—когда въ немъ

живетъ еще Перуджино, но не проснулся еще весь Рафаэль,—«третьей манеры», тотъ, который нарушилъ созерцательную недвижность и серафическое безразличіе прогуливающихся и молящихся людей и ввергнулъ ихъ въ водоворотъ страстнаго движенія. Въ огромныхъ фрескахъ Ватиканскихъ Станцъ онъ заставилъ своихъ людей олицетворить то грозно-прекрасное, чѣмъ дышала вокругъ него тогдашняя жизнь. Буря, — но ослѣпительная, солнечная рафаэлевская буря,—заслонила нѣжные закаты умбрійскаго учителя. . .

И вотъ, говорю, понятнымъ становится, какъ могло все это существовать рядомъ,—такая жизнь между такой природой и такимъ искусствомъ: когда читаемъ у современниковъ описанія тогдашнихъ ужасовъ, тогда понимаемъ. Понимаемъ, что живопись то самое изображала, что живыхъ людей притягивало къ живымъ людямъ; мы понимаемъ, что глаза, раскрытые отъ ужаса, вдругъ загорались восхищеніемъ, что раны оскорбленной нравственности залѣчивались красотой. Не знаю, было ли когда-нибудь поднято на такую степень напряженія и до такого состоянія общественнаго инстинкта то, что позднѣе,—гораздо позднѣе,—стали именовать эстетизмомъ. Не будемъ входить въ область нравственныхъ оцѣнокъ, но согласимся, что все одинаково помельчало. Теперь уже такихъ шлемовъ не носятъ, кудри изъ-подъ нихъ не выбиваются, сердецъ зубами не ѣдятъ, но не знаю, лучше ли люди, которые не способны на тѣ глубокіе, восторженные, всенародные порывы къ красотѣ, какіе поднимали толпу вокругъ тѣхъ желѣзныхъ изверговъ властолюбія. . . Бы-

ло какъ-то модно одно время, до войны было модно,—по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ на публичныхъ лекціяхъ часто говорили, что у насъ новая «эпоха ренессанса» (и у кого это «у насъ»?). Какъ эти опредѣленія неопредѣленны, какъ эти обобщенія отзываются частнымъ мнѣніемъ! Какъ всѣ эти заявленія были расплывчаты, произвольны, какъ мало жизни билось подъ этой ложной наблюдательностью! Ну развѣ мыслимо въ наши дни, чтобы толпа съ кликами радости несла по городу новую картину любимаго художника, какъ несла флорентинская толпа Мадонну Чимабуэ по улицѣ, которая до сихъ поръ сохранила въ память этого данное ей имя—«Borgo degli Allegri»? Развѣ мыслимо что-нибудь подобное въ наши дни... «у насъ»?...

* * *

Вьется дорога. Уже сгущаются тѣни; синева легла тяжелѣе, тусклѣе на склоны дальнихъ горъ. Но виноградныя нити еще веселятъ,—веселятъ и сами смѣются... Вдругъ гдѣ-то въ облакахъ прорывъ, и длинный горячій лучъ падаетъ на какой-то городокъ вправо отъ насъ; далеко на полугорѣ, онъ точно къ груди горы прижался и весь горитъ стекляннымъ блескомъ пылающихъ оконъ,—какой-то далекій, большой полукруглый парникъ... Но это былъ послѣдній лучъ. Темнѣть начинаетъ. Начинаютъ краски уходить,—прячутся, скрываются... Въ автомобилѣ уже темно... Надъ горой—первая звѣзда. На полугорѣ—первые огни, «quoniam advesperascit» (ибо вечерѣетъ). Зажигаются города: на разныхъ высотахъ маленькія со-

звѣздія городскихъ огней привѣтливо смотрятъ изъ надвигающейся тьмы. Изъ-за горы вышла и залила бѣлую дорогу бѣлая луна. . .

По гладкому, по бѣлому ѣдемъ дальше. Фонари автомобильные изъ ночи вырываютъ—то придорожное дерево, то придорожную постройку, то огромную встрѣчную одноколку, нагруженную камнемъ. Мулъ увѣшанъ кистями и бубенцами; надъ хомутомъ блеститъ рогатистое мѣдное украшенье,—и все исчезаетъ: мѣдный блескъ пропадаетъ во тьмѣ, позвонцы и громыханье утопаютъ въ тишинѣ. Да впрочемъ, что ни встрѣтится, все пропадаетъ въ томъ пространствѣ, что летитъ назадъ. Но и память наша назадъ летитъ, все-таки назадъ,—глядитъ, цѣпляется, наперекоръ движенію, что уноситъ въ невѣдомую даль; память не любитъ невѣдомое, она только занята вѣдомымъ и летитъ назадъ, помимо насъ даже, наперекоръ сознанію: сознаніе впередъ, а память на запяткахъ, да еще лицомъ назадъ. «Les années m'entrainent, сказалъ Монтэнь, mais à reculon» . . .

Поднимаемся,—прямая дорога вверхъ идетъ. Впереди огни мелькнули,—манятъ. Еще,—все больше. Можетъ быть, уже доѣхали? . . Поднимаемся еще,—передъ нами ворота, огромныя, прекрасныя ворота. Передъ воротами нѣсколько жителей:

— Перуджія?

— Нѣтъ, Тоди.

Ахъ, Тоди. Это тотъ городъ, изъ котораго вышелъ поэтъ и монахъ и святой—Якопонэ да Тоди, послѣдователь св. Франциска. . .

— А какъ въ Перуджію?

— Назадъ внизъ и первый поворотъ налѣво.

Поворачиваемъ. Никогда больше этихъ чудныхъ воротъ не увижу. А какъ хотѣлось заглянуть за нихъ. . . Тоди. Вѣдь этотъ Якопонэ, францисканскій монахъ и францисканскій поэтъ, это тотъ самый, который сочинилъ текстъ къ «Stabat Mater». Вы любите этотъ наивный текстъ, эту латынь, такую уродливую, въ которой только еще оболочка латинская? Чувствуете прелесть этого отцвѣтающаго классицизма и пробуждающагося ренэссанса?

Stabat Mater dolorosa
Juxta crucem lacrimosa,
Dum pendebat Filius.

(Мать страдала и рыдала,
У креста въ слезахъ стояла,
Пока сынъ распятъ висѣлъ).

Чувствуете завязь всѣхъ будущихъ цвѣтеній, вплоть до романтизма?

Quando corpus morietur,
Fac ut animus donetur
Paradisi gloria.

(Въ часъ, когда умру я, бренный,
Удостой мой духъ нетлѣнный
Славы свѣта райскаго).

Да, среди всѣхъ ужасовъ вотъ о чемъ онъ думалъ: о райской славѣ. По этой цвѣтущей землѣ онъ ходилъ въ слезахъ и, когда его спрашивали, о чемъ онъ плачетъ,—«Оттого плачу,—отвѣчалъ онъ,—что люди не любятъ любви». Вѣдь это же та самая земля, по которой босой ходилъ св. Францискъ; здѣсь онъ проповѣдывалъ птичкамъ, здѣсь, или почти что здѣсь,—въ Губбіо, приручилъ волка. Вѣдь здѣсь, на этой зем-

лѣ выросли и расцвѣли «Цвѣточки Св. Франциска»,— одна изъ удивительнѣйшихъ книгъ, какія есть на землѣ. Та ли это земля? Да, та самая, та же Умбрія. И вотъ ѣдемъ въ ту самую Перуджію, куда и Екатерина Сіенская приходила проповѣдывать, умолять о прекращеніи распрь. Здѣсь, въ этой же Перуджіи, среди тѣхъ ужасовъ, что тамъ творились, напутствовала она приговореннаго къ обезглавленію Николая Тольди. На площади ждала его у плахи, вошла вмѣстѣ съ нимъ, держала за руку, молилась съ нимъ и, когда упала сѣкира, приняла въ свои руки его отсѣченную голову...

Все было въ этой маленькой Умбріи: высочайшая любовь, величайшія страданія, жесточайшія звѣрства, сладчайшее изъ искусствъ и несравненные памятники среди неописуемой по прелести своей природы. Какъ описать? Развѣ мыслимо описать?..

Къ счастью, описывать уже нельзя: все темно кругомъ. Ничего не видать, и только впереди развертывается высоко на горахъ полукругъ огней, — Перуджія!

Капри
17 Декабря 1924.

X

ЧЕТЪ И НЕЧЕТЪ.

Вселенная построена на числѣ, нерушимостью числа держится. Число не можетъ быть иное, какъ четное или нечетное. Значитъ, когда Демонъ говоритъ —

Клянусь четой и нечетою,

онъ клянется вселенною.

Въ различіи чета и нечета — основныя различія элементовъ космоса. Всякій нечетъ есть развитіе единицы (перваго нечета); всякій четъ есть развитіе двухъ (перваго чета). Можно, слѣдовательно, сказать, что въ основѣ вселенной—единица и двойка.

Единица—принципъ единства, принципъ личности. Двойка—принципъ сочетанія, сотрудничества, принципъ общественности.

Единица, повторяясь, создаетъ всѣ прочія числа, она сама по себѣ есть начало обособленности. Двойка, какъ слѣдствіе сочетанія, есть начало, поглощающее всякую единичность.

Не знаю, какъ вы, а я не люблю четъ. Не люблю его, потому что противно моей природѣ то, что, будучи раздѣлено пополамъ, не оставляетъ никакого

остатка. Раздѣлите четыре пополамъ: будетъ два съ одной стороны, два съ другой, и посрединѣ ничего. Вотъ это пустое мѣсто для меня непріемлемо. Напротивъ,—раздѣлите пять: будетъ два съ одной стороны, два съ другой, и посрединѣ — единица. Вы уже видите, не правда ли, что я принимаю во вниманіе одни лишь цѣлыя числа. Не знаю, что скажетъ на это математикъ, но философъ понимаетъ, что дробь не есть число, разъ она не предметъ, а лишь часть предмета или часть числа. Половина, да всякая дробь, неопредѣленна, требуетъ родительнаго падежа. Итакъ, нечетъ тѣмъ преобладаетъ надъ четомъ, что въ немъ есть серединная единица. Это есть его хребетъ. Это есть, несмотря на множественность составляющихъ его единицъ,—всегда присущее въ немъ начало личности. Пять есть между двухъ двоекъ единица, и тридцать семь есть—между восемнадцатью —присутствующая единица. Отсюда—всѣ нечеты роднятся наличностью первичнаго числительнаго начала, тогда какъ всѣ четы роднятся отсутствіемъ центральнаго элемента; въ нихъ всѣхъ въ серединѣ пустота. Геометрически представляю себѣ такъ: нечетъ—двѣ стороны треугольника, и между ними вершина, необходимая, неминуемая (та серединная единица, которая сочетаетъ и держитъ четные бока). Четъ представляю себѣ въ видѣ двухъ одинаковыхъ кусковъ горизонтальной линіи, а между ними—разрывъ, пустота. Вотъ почему нечетъ есть нѣчто сущее, по самому существу своему сущее; тогда какъ четъ есть лишь относительно сущее. И вотъ почему, думаю, можемъ сказать, что НЕЧЕТЪ ЕСТЬ БЫТІЕ, ЧЕТЪ ЕСТЬ БЫТЪ.

Единица есть матеріалъ всякаго числа и, слѣдовательно,—начало всякаго числа. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи искомой цѣлью всякаго сліянія, единица есть и конецъ, завершеніе. Единица, такимъ образомъ, заразъ безконечно малое и безконечно большое. Она находится въ полярностяхъ анализа и синтеза, ибо все, разлагаясь, распадается на единицы и все, сливаясь, воплощается въ единицу. Возьмите фунтъ, — тридцать два лота, — тридцать двѣ единицы; возьмите тридцать два лота,—одинъ фунтъ,—одна единица. Въ первомъ случаѣ единица результатъ анализа, во второмъ—результатъ синтеза.

Но если единица есть результатъ аналитическаго и синтетическаго процессовъ, то орудіемъ ихъ является принципъ двухъ. Двойка есть первое дробленіе. Слѣдовательно, въ двойкѣ первое бѣгство отъ своего цѣлаго и вмѣстѣ съ тѣмъ первое стремленіе къ соединенію. Въ двойкѣ и буря разложеній, и воздыханіе по сліянію. Вы смѣетесь? Смѣйтесь, а я продолжаю.

* * *

ДВА страшное число. Сами того не подозрѣвая, мы всегда бѣжимъ отъ двухъ, мы ищемъ третьяго. Поставленные между двухъ полярностей, мы жаждемъ третьяго, ибо не можемъ жить въ двухъ, а только въ одномъ. Все въ жизни въ полярностяхъ выражается: свѣтъ и тѣнь, далекое и близкое, глубокое и высокое, я и все, всѣ и никто и т. д. и т. д. А мы должны жить и можемъ жить только въ одномъ, въ третьемъ. «Третье» это то, что

является результатомъ нашего Я, нашего вмѣшательства, выбора, рѣшенія. Все, что есть цѣннаго на землѣ, все равно въ какую сторону, положительно-цѣнное или отрицательно-цѣнное, по существу своему и въ силу процесса своего происхожденія, есть «третье». Любовь, ненависть, жертва, предательство,—все это есть третье, происшедшее отъ взаимоотношенія двухъ.

Все есть третье, опредѣляемое двумя: утро, вечеръ,—день; весна, зима,—годъ; юность, старость,—человѣкъ; рожденье, смерть,—земная жизнь.

Бѣгство отъ «двухъ» и исканіе «третьяго» присуще человѣческой природѣ. Посмотрите на ребенка, когда онъ возится съ закрытой коробкой, силится ее открыть. Онъ не успокоится, пока не откроетъ; но какъ только открылъ, такъ ему захочется закрыть; а закрылъ, опять будетъ открывать. Ему не интересна ни закрытая коробка, ни открытая,—ему не интересно ни одно изъ двухъ, а ему интересно ТРЕТЬЕ,— открывающаяся и закрывающаяся коробка. Полюсы насъ отталкиваютъ, потому что мы сами ТРЕТЬЕ и мы сами ТРИ, и можемъ создать лишь ТРЕТЬЕ, которое само есть ТРИ.

Возьмите искусство. И въ немъ, во всякомъ произведеніи — три элемента.. Есть то, о чемъ художникъ говоритъ; то, что онъ говоритъ, и, наконецъ, то, какъ онъ говоритъ. И вотъ это, третье, и есть то свое, личное, что вноситъ художникъ. Говорить о томъ же самомъ можетъ всякій, сказать то же самое можетъ и другой; но такъ сказать можетъ только онъ.

Вотъ истинный смыслъ знаменитаго изреченія

Бюффона, столько разъ повторяемаго и всегда невѣрно повторяемаго. Обычно такъ цитируютъ его слова: «Le style c'est l'homme», при чемъ принимается такое толкованіе, что въ стилѣ выражается человѣкъ, то есть его характеръ, его культурность и пр. Многіе даже такъ цитируютъ: «Le style c'est tout l'homme». Между тѣмъ, въ своей рѣчи при пріемѣ во Французскую Академію 25 августа 1753 года Бюффонъ сказалъ: «Le style c'est l'homme même». То есть: все прочее внѣ человѣка, стиль же въ немъ. «Стиль есть самъ человѣкъ».

Все искусство есть стремленіе осуществить «третье». Жажда задержать сладость перехода, остановить и закрѣпить горечь утраты. Все на землѣ преходяще, сама земная жизнь наша есть переходъ, и искусство, выраженіе жизни, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ закрѣпленіемъ перехода, закрѣпленіе въ несуществующемъ «третьемъ». Величайшее, сильнѣйшее изъ средствъ искусства, контрастъ (противопоставленіе), есть нѣчто третье между противопоставляемыми двумя. А въ подробностяхъ! Вотъ двѣ ноты рядомъ, малая секунда (кстати, что такое интервалъ, какъ не третье между двумя?). Итакъ, вотъ двѣ ноты рядомъ, ихъ ДВѢ; но является трель, которая третъ ихъ другъ о друга: онѣ трепещутъ, замирая, какъ два крыла бабочки, стремящіяся слиться въ одно, въ ТРЕТЬЕ,—въ одну совокупную переходную ноту, въ которой бы не было больше ни одной, ни другой.

А риѳма! Что такое риѳма, какъ не несущетвующее «третье», рождающееся отъ соприкосновенія «двухъ»?

Жажда «Третьяго» не есть ли тайна всякаго творчества? ДВА—условіе движенія; ТРЕТЬЕ—цѣль движенія. Отсутствіе ДВУХЪ—невозможность движенія; отсутствіе ТРЕТЬЯГО—безплодность движенія.

И что же это ТРИ, столь, повидимому, значительное?

Три есть первый нечетъ послѣ единицы. Три вмѣстѣ съ тѣмъ самый совершенный изъ нечетовъ, потому что онъ составленъ изъ трехъ единицъ; въ немъ нѣтъ никакой примѣси чета: 1, 1, 1. Въ немъ средній стержень—единица и оба крыла тоже единицы. Эта чистота тройственности издревле почиталась. Отсюда же почитаніе треугольника. Вѣдь треугольникъ—первое «три» въ геометріи. Оттого, вѣроятно, въ теософіи треугольникъ обозначаетъ — мысль: для осуществленія мысли нужна наличность мыслимаго и мыслящаго; уже ихъ соединеніе даетъ ТРЕТЬЕ,—мысль. Умозаключеніе есть ТРЕТЬЕ изъ двухъ посылокъ. Отсюда же мистическое значеніе пирамиды, этого сочетанія четырехъ треугольниковъ на квадратномъ основаніи. Квадратъ есть удвоенное ДВА,—то, отъ чего человѣкъ бѣжитъ,—и онъ побѣжденъ четырьмя треугольниками (по одному на каждую составную часть двойного ДВА), соединяющимися въ одной общей вершинѣ. Это есть—въ ОДНОМЪ надъ ДВУМЯ торжествующее ТРИ.

Посмотрите еще значеніе «трехъ» въ механической сторонѣ музыкальнаго инструмента. Для того, чтобы былъ звукъ, нужны: начало дѣйствующее (смычекъ), начало испытывающее (струна) и начало отражающее (резонирующая доска). Переводя въ область

болѣе близкую, психологическую,—начало причиняющее, начало страдающее и начало сочувствующее. И звукъ, рождающійся изъ двухъ, можетъ осуществиться и быть нами воспринятъ только при наличности «третьяго». Звукъ есть—сочувствіе. Музыка такимъ образомъ, по аллегоріи своей механики, есть сочетаніе, сліяніе, чередованіе сочувствій...

Нужно ли доказывать значеніе «третьяго элемента» въ механикѣ? На трехъ построенъ всякій рычагъ: конецъ упирающій, конецъ поднимающій и серединная точка опоры. Безъ этого «третьяго», безъ этой опорной середины нѣтъ рычага, нѣтъ силы, нѣтъ возможности. Сказалъ же Архимедъ: «Da mihi ubi consistam et terram loco demovebo». (Дай мнѣ обо что опереться, и землю съ мѣста сдвину). По моему, въ этихъ словахъ высокая аллегорія. Перенесенное въ область духовную, это изреченіе является символомъ присущаго человѣку исканія, — исканія опоры въ «третьемъ», въ томъ «третьемъ», что внѣ его, внѣ того міра, въ которомъ онъ живетъ. И въ механикѣ духовнаго міра—тоже «три». 1, человѣкъ,—упирающій конецъ; 2, весь міръ, вся жизнь—на поднимающемъ концѣ; 3, серединная точка опоры—вѣра. Въ мистическомъ смыслѣ, сказалъ бы, что, если срединная точка—вѣра, то первая, ближняя точка есть—надежда, вторая, поднимающая—любовь. Во всякомъ случаѣ слова Архимеда у меня въ сознаніи всегда сближались со словами Спасителя о томъ, что, если у человѣка есть вѣры хотя съ горчичное зерно, то онъ можетъ сказать горѣ двинуться, и она двинется.

Нужно ли упоминать о важности третьеи точки, когда ставимъ вѣхи, снимаемъ планъ? На одной точ-

кѣ сами стоимъ, на дальнюю точку наводимъ, по средней, устойчивой выравниваемъ, опредѣляемъ.

Наконецъ, только на «трехъ» мы можемъ что бы то ни было утвердить, поставить. Три есть тотъ минимумъ опорныхъ точекъ, которыми обезпечивается устойчивость: меньше, какъ о трехъ ножкахъ, и стола не можетъ быть.

Таково число ТРИ,—первый нечетъ послѣ единицы, первая въ нечетѣ сложность. Хочу еще остановиться на одной особенности, отличающей четъ отъ нечета.

Когда сочетаемъ четъ съ четомъ, получаемъ въ суммѣ четъ. То же самое, когда сочетаемъ нечетъ съ нечетомъ: обѣ центральныя единицы обоихъ чиселъ сливаются въ новую пару, и сумма опять-таки даетъ четъ. Но когда сочетаемъ нечетъ съ четомъ, нечетъ первенствуетъ и даетъ въ суммѣ нечетъ. Формула, значитъ, такая: сочетаніе однородныхъ даетъ четъ, сочетаніе неоднородныхъ—нечетъ. За нечетомъ, слѣдовательно, побѣда. Естественно,—мы сказали, что нечетъ есть начало личное, начало обособленія: оно должно торжествовать надъ тѣмъ, что мы опредѣлили, какъ начало дробленія, разложенія.

* * *

Перенесемъ теперь наши наблюденія изъ области чисто умственной въ область пространственную.

Двѣ линіи, два направленія играютъ существенную роль, если можно такъ выразиться, въ архитектурѣ видимыхъ явленій: вертикаль и горизонталь. Вертикальный принципъ соотвѣтствуетъ нечету, горизон-

тальный принципъ соотвѣтствуетъ чету. Если посмотримъ на мимическое движеніе человѣка, увидимъ, что по вертикали располагается все то, въ чемъ утвержденіе личности. По вертикали сверху внизъ и снизу вверхъ мы ведемъ нашъ взглядъ, когда знакомимся съ сущностью предмета, когда сводимъ впечатлѣнія и сужденія наши воедино. Это есть принципъ «единицы». Справа налѣво и слѣва направо водимъ глазъ, когда изъ многихъ предметовъ выбираемъ. По тому же, по горизонтальному направленію дѣйствуютъ вѣсы. Уравнительныя чаши расположены по горизонтали, на ней прикрѣплены, а колеблются по вертикали. Напротивъ,—указующая игла въ плоскости вертикали устойчива и колеблется по горизонтали. Врядъ ли въ чемъ начало «сравненія» находитъ болѣе наглядное олицетвореніе своей горизонтальности, чѣмъ въ вѣсовыхъ чашахъ. Все это есть принципъ «двухъ». Никогда ознакомленіе не идетъ по горизонтали, никогда выборъ не пойдетъ по вертикали. По вертикали—синтезъ, по горизонтали—анализъ. Въ вертикали стремленіе къ единству, въ горизонтали — дробленіе.

Одна изъ формъ дробленія въ пространствѣ — такъ называемая симметрія. Симметрія есть пространственное осуществленіе принципа «двухъ», и она всегда располагается по горизонтали. Симметрія по вертикали была бы осуждена всѣми художественными канонами и кодексами. Доведемъ принципъ до абсурда: можете ли вообразить домъ съ крышей вверху и внизу? Или домъ съ фундаментомъ внизу и вверху? Даже въ предметахъ, не касающихся земли, въ женскихъ украшеніяхъ, напримѣръ, симметрія

рѣдко когда осуществляется въ вертикальномъ направленіи,—развѣ когда въ основѣ предмета кругъ; но здѣсь не столько принципъ осуществленія вертикали, сколько принципъ безразличія къ вертикали; кругъ поглощаетъ вертикаль, такъ какъ, даже недвижный, онъ воплощаетъ въ себѣ начало вращательное. Нѣтъ, симметрія по вертикали не располагается, и мы можемъ сказать, что во всѣхъ пластическихъ осуществленіяхъ человѣка всегда ощущается сознаніе земли, почвы, грунта; все располагается и развивается по принципу растительному. Можете вообразить растеніе, въ вертикальномъ направленіи симметричное? Какъ «откуда» не похоже на «куда», такъ низъ не похожъ на верхъ. Только въ кругѣ «куда» похоже на «откуда».

Итакъ, симметрія горизонтальна. Но замѣчательно, что даже здѣсь торжествуетъ невидимое третье. Чтобы осуществилась симметрія двухъ, надо, чтобы эти два одинаковыхъ предмета помѣщались по бокамъ третьяго, хотя бы и несуществующаго. Тотъ средній стержень, о которомъ мы говорили выше,—онъ, только онъ собою опредѣляетъ симметричность двухъ. То, что французы въ архитектурѣ и орнаментикѣ называютъ la ligne médiane, всегда, если не присутствуетъ, то чуется въ центрѣ всякой симметріи. Стиль Людовика XV ничто иное, какъ игра съ этой центральной линіей, стремленіе замаскировать ее, посмѣяться надъ ней. Но при всей капризности рисунка,—все равно, какъ подъ вьющимся растеніемъ ощущается присутствіе поддерживающей палки, — такъ подъ извивами орнамента, подъ выгнутостью ножекъ стола, чувствуется присутствіе невидимаго перпенди-

куляра, опредѣляющаго степень уклоненій, распредѣляющаго вѣсомыя частицы и обезпечивающаго равновѣсіе. То же самое и въ симметріи: два предмета симметричны только въ силу того, что расположены по сторонамъ третьяго, хотя бы и отсутствующаго. Это есть тотъ парный, надвое раздѣленный четъ, который составляетъ два боковыхъ крыла серединной единицы всякаго нечетнаго числа и прообразъ котораго — 1, 1, 1.

Вертикаль имѣетъ еще одно преимущественное передъ горизонталью свойство. Въ вертикали есть полярность, которой въ горизонтали нѣтъ. Посмотрите. Въ вертикали есть верхъ и низъ, слѣдовательно,—направленіе вверхъ и внизъ. Въ горизонтали есть—право и лѣво. Право и лѣво не суть полярности, ибо онѣ сами по себѣ безразличны. Верхъ и низъ далеко не безразличны: въ нихъ стремленіе, и стремленіе не только въ разныя стороны (какъ право и лѣво), но стремленіе къ разнымъ цѣлямъ, къ цѣлямъ, пребывающимъ въ положеніи борьбы, даже вражды. Право и лѣво не имѣютъ философскаго различія, а верхъ и низъ—это значитъ — Высота и Глубина *). Ясно философское различіе вертикали и горизонтали. Не въ этомъ ли отличіи двухъ основныхъ космическихъ линій находитъ свое графическое выраженіе извѣстное изреченіе—«Non multa, sed multum»? (Кстати, въ первый разъ сказано Пдиніемъ Мл.). Изреченіе, провозглашающее преимущество ка-

*) То принципіальное различіе, которое въ обиходѣ присваивается правому и лѣвому въ смыслѣ добраго и злого, правильнаго и ошибочнаго, есть лишь символика, произвольная. Тогда какъ верхъ и низъ не символически, а фактически отличаются.

чества надъ количествомъ, глубины надъ поверхностью, содержательности надъ численностью,—тѣмъ самымъ провозглашаетъ преимущество вертикальнаго принципа надъ горизонтальнымъ. И русская поговорка подтверждаетъ, когда говоритъ: «Расплывешься,—обмелѣешь».

Сосуществованіе въ мірѣ принципа единичнаго и двойственнаго (нечета и чета) наполняетъ его двумя двигательными силами: силою дробленія и силою сліянія. Если бы не было дробленія, не было бы стремленія къ сліянію, было бы распаденіе. Дѣленіе это проникаетъ все живущее и въ мірѣ одушевленномъ даетъ двойственность полового начала: нечетъ — начало мужское, четъ—женское. Въ самыхъ сокровенныхъ глубинахъ природы коренится физіологическій смыслъ нечета, чета, вертикали, горизонтали. Да вообще всѣ проявленія вертикали, и горизонтали, чета и нечета, также симметріи не суть плодъ выдумки чьей-либо, чьего-либо выбора; въ томъ значеніи, которое всѣ эти направленія, размѣщенія и сочетанія принимаютъ въ нашихъ глазахъ, нѣтъ ни капли условности. Это *такъ* по природѣ вещей, это такъ въ самомъ космосѣ, и человѣкъ, самъ къ космосу принадлежащій, инстинктивно требуетъ,—въ архитектурѣ ли, въ танцѣ ли, въ движеніи ли вообще,—требуетъ согласованности съ этими основными условіями міровой архитектуры, мірового равновѣсія. Можетъ быть, не всякій оскорбленъ *нарушеніемъ* (т. е. не всякій замѣчаетъ), но всякій радуется *соблюденію* (т. е.—если радуется, то *потому что* соблюдено). Не можетъ не радоваться соблюденію человѣкъ: онъ и самъ космиченъ. И если Тютчевъ

сказалъ про хаосъ—«родимый», потому что онъ на днѣ природной бездны, то можемъ мы сказать и — «родимый порядокъ», тотъ, который роднитъ насъ со стройностью вселенной. И тѣлостроеніе человѣка и тѣлодвиженіе его осуществляютъ тѣ самые законы, которымъ подчиняется міроzданіе. И въ человѣкѣ—вертикаль и горизонталь, и въ немъ же ихъ сочетанія съ соотвѣтственными значеніями.

Изъ отвлеченнаго пространства перенесемъ теперь наши наблюденія на строеніе человѣческаго тѣла.

* * *

Представьте себѣ въ пространствѣ точку. Черезъ эту точку можетъ проходить въ разныхъ направленіяхъ безчисленное количество линій. Но такихъ, которыя бы скрещивались подъ прямымъ угломъ, сколько можно провести? Только три. Эти три линіи будутъ—одинъ отвѣсъ и двѣ горизонтали. Скрещиваніе ихъ дастъ схему трехъ измѣреній: высота, длина и ширина. Возьмемъ, вмѣсто точки, человѣка. Какъ выразятся въ немъ эти три линіи?

Одна, вертикальная, пройдетъ сквозь голову черезъ все тѣло, внизъ въ землю, вверхъ въ небо. Если ее продолжимъ, то одинъ конецъ упрется въ центръ земли, другой утеряется въ бездонности небеснаго пространства. Это будетъ — линія высоты.

Другая линія, горизонтальная, войдетъ въ спину и выйдетъ черезъ грудь. Если ее продлимъ впередъ, она, опоясавъ земной шаръ, другимъ концомъ вернется сзади, упрется человѣку въ спину. Это будетъ—линія длины.

Третья, тоже горизонтальная, пронижетъ человѣка изъ бока въ бокъ. Если продлимъ ея концы, они потеряются въ правой и лѣвой безконечности. Это— линія широты.

Такъ дѣйствуютъ и проявляются въ человѣческомъ тѣлодвиженіи и въ человѣческой выразительности «три измѣренія». По указаннымъ тремъ направленіямъ располагается мимика человѣка; она въ строгомъ соотвѣтствіи съ философскимъ смысломъ ихъ, а послѣдній опредѣляется космическимъ положеніемъ человѣка во вселенной. Всякій человѣкъ — воображаемый центръ невидимой окружности. Только исходя изъ этой формулы, сознаемъ смыслъ человѣческаго тѣлодвиженія. Выведемъ же мимическій смыслъ каждой изъ трехъ линій.

По линіи высоты (глубины) располагается все, что утверждаетъ усиленіе духовнаго начала въ человѣкѣ. Наибольшее раскрытіе мимическаго радіуса—одна рука вверхъ (указаніе на небо), другая внизъ (указаніе на преисподнюю). Это есть линія единства, концами уходящая въ противоположности. Страшна непрерывность перехода отъ высоты къ глубинѣ, страшна эволюціонность этой полярности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ утѣшительна,—при предѣльности нижняго конца, упирающагося въ земной центръ,—утѣшительна безпредѣльность верхняго конца, уходящаго въ небо. Утѣшительно потому, что явствуетъ изъ этого построенія, что человѣкъ космической формулой своего положенія во вселенной ограниченъ въ паденіяхъ и безграниченъ въ полетахъ. Эта линія, высотно-глубинная, есть линія разума, мысли, памяти, напоминанія. Въ смыслѣ времени, это есть углубленіе настоя-

щаго мгновенія, остановка. Въ тройственности основныхъ направленій линія высоты—одна. Въ то время, какъ горизонтальныхъ линій двѣ (длина и широта), вертикальное направленіе одно. Потому это есть линія личности, личнаго утвержденія, личной силы. Будучи одна, она есть преимущественный нечетъ въ тройственномъ нечетѣ основныхъ измѣреній. Въ смыслѣ умственномъ это есть линія знанія, въ ней—отвѣтъ. Въ смыслѣ мистическомъ, линія высоты есть—вѣра.

По линіи длины располагается все, что утверждаетъ душевное усиленіе личности въ ея отношеніи къ другому человѣку. Наибольшее раскрытіе мимическаго радіуса—обѣ руки вытянуты впередъ. Выразитель чувства, эта линія есть показатель взаимоотношеній. По ней проявляется психическая чрезмѣрность; въ ней исканіе, устремленіе къ цѣли. Въ этомъ смыслѣ она имѣетъ характеръ коническій узкимъ концомъ впередъ,—отъ одного человѣка къ одному человѣку. Это линія наивысшаго напряженія; въ ней мольба, въ ней же обѣщаніе. Въ смыслѣ времени, это есть линія будущаго,—въ ней путь, въ ней направленіе. Мимическое положеніе обѣихъ рукъ можно разсматривать, какъ симметрическое перемѣщеніе предыдущаго положенія, когда одна была поднята къ небу, а другая была опущена въ направленіи преисподней: теперь обѣ руки сблизились на серединѣ,—одна опустилась до уровня земли, другая до уровня земли поднялась. Это направленіе преимущественно земное, и мы видѣли, что, продолженная впередъ, линія огибаетъ земной шаръ и возвращается; она идетъ отъ себя къ себѣ. Она замкнута въ се-

бѣ, она есть напряженнѣйшее «Я». Въ смыслѣ умственномъ это есть исканіе, въ ней—вопросъ. Въ смыслѣ мистическомъ линія длины есть — надежда.

По третьей линіи, линіи широты, располагается все то, въ чемъ расширеніе личности. Наибольшее раскрытіе мимическаго радіуса—руки въ стороны на высотѣ плечъ *). Это есть линія раздачи, распространенія своего «Я», линія жертвы, милосердія, объятія. Она тоже имѣетъ характеръ коническій, но узкимъ концомъ къ себѣ; это есть линія безпредѣльнаго расширенія, отъ одного ко всѣмъ. Въ смыслѣ времени, это есть эмблема вѣчности; она обозначаетъ—всегда, все, всѣ, вездѣ. Это есть полное упраздненіе своего «Я» ради другихъ. Въ смыслѣ умственномъ она есть—незнаніе. Въ смыслѣ мистическомъ, линія широты есть—любовь **).

* * *

И вотъ, уразумѣвъ все сказанное, проникнувъ во внутренній смыслъ того, что выражаютъ линіи трехъ

---

*) Конечно, положеніе ладоней, — къ небу, къ землѣ ребромъ, — разнообразитъ смыслъ; но не будемъ уходить въ подробности.

**) Ограничиваюсь здѣсь исключительно указаніемъ на философскій смыслъ мимическихъ направленій. О пользованіи ими, о техникѣ этого пользованія и вообще о подробностяхъ говорилъ много въ другихъ мѣстахъ: «Человѣкъ на сценѣ», «Выразительный человѣкъ», «Отклики театра». Наконецъ, въ рукописи лежитъ книга «Законы мимики», но она врядъ ли увидитъ свѣтъ, какъ и мои «Законы рѣчи»: онѣ превышаютъ возможности русскаго заграничнаго книжнаго рынка, покупную способность русскаго бѣженца и самообразовательную охоту русскаго актера.

основныхъ направленій, когда онѣ опредѣляютъ собой тѣлодвиженіе и тѣлоположеніе человѣка, вы не удивитесь, когда я вамъ скажу: посмотрите на Распятіе.

Въ Распятіи два направленія: высота и широта. Линія длины упразднена. Упразднена линія личности, упразднено направленіе, по которому располагается напряженіе своего Я. Упразднена, наконецъ, линія, мистическій смыслъ которой—надежда. Ибо какая же надежда нужна Распятому, когда своимъ распятіемъ онъ подтверждаетъ самую надежду? Итакъ, упразднена линія длины, осуществляются—линія высоты и линія широты, онѣ же—линіи силы духовной и вселенскаго братства. Сочетаніемъ этихъ двухъ осуществляется жертва третьей; она отсѣкается, какъ несомнѣнная, и изъ трехъ пребываютъ двѣ—вѣра и любовь; надежда—въ томъ, кто съ вѣрою взираетъ и съ любовью слѣдуетъ. Наконецъ, если посмотримъ на Распятіе съ точки зрѣнія умственнаго значенія трехъ направленій, то увидимъ, что: вопросъ (линія длины) упраздненъ; знаніе (линія высоты) утверждается, но тутъ же уничтожается незнаніемъ (линія широты). Слѣдовательно, вообще умственное начало отсутствуетъ,—пребываетъ одна вѣра.

* * *

Перенося принципъ и графику трехъ измѣреній въ область нравственныхъ силъ, руководящихъ человѣкомъ, мы должны будемъ придти къ выводу, что наши три направленія являются символами трехъ основныхъ двигателей человѣка въ дѣятельности его. Тремя, ну скажемъ,—глаголами опредѣляется дѣятель-

ная энергія человѣка: хочу, могу, долженствую. Переводя въ существительныя, въ область понятій, получимъ: воля, возможность, долгъ. Воля—сила движущая, возможность—сила ограничивающая, долгъ—сила опредѣляющая. Присмотритесь,—вы замѣтите, что эти три силы располагаются по линіямъ нашихъ трехъ направленій. Онѣ собою какъ бы представляютъ, въ нравственномъ порядкѣ, принципъ трехъ измѣреній. Воля располагается по линіи длины (руки впередъ); возможность—по линіи широты (руки въ стороны); долгъ—по линіи высоты и глубины (руки вверхъ или внизъ). Замѣтьте еще. Воля—начало личное, въ себѣ зарождающееся, въ человѣкѣ коренящееся, въ немъ же и кончающееся. Возможность—сила, внѣ человѣка лежащая, ограниченная безконечностью. Долгъ—сила встрѣчная, въ человѣкѣ живущая и извнѣ человѣку говорящая; долгъ—встрѣча принциповъ субъективнаго и объективнаго.

Сопоставьте все это съ тѣмъ, что выше сказано къ характеристикѣ трехъ направленій, и вы должны будете признать, что наша фигура трехъ прямыхъ линій, подъ прямымъ угломъ скрещивающихся въ точкѣ, является символомъ не только внѣшняго равновѣсія внѣшняго міра, но и символомъ внутренняго равновѣсія духовнаго человѣка. Болѣе того,—эта одинаковость геометрическая,—вѣрнѣе будетъ сказать—сферическая, потому что геометрія лишь въ плоскости, не въ пространствѣ,—эта сферическая одинаковость формулы говоритъ намъ о сліянности внутренняго человѣка съ внѣшнимъ космосомъ, иначе сказать—провозглашаетъ всеобщее міровое единство.

Еще остановимся на сочетаніяхъ элементовъ, о которыхъ говоримъ.

Мы сказали: воля, возможность, долгъ. Внутреннее равновѣсіе человѣка, слѣдовательно, должно расположиться по формулѣ:

Хочу
Могу
Долженъ

Каждая изъ этихъ силъ требуетъ объекта. Но, какой бы ни былъ объектъ, онъ всегда опредѣляется обѣими другими категоріями. Въ самомъ дѣлѣ. Я хочу. То, что я хочу, можетъ быть изъ числа того, что я могу, и изъ числа того, что я долженъ. Подставляя соотвѣтствующіе объекты, получимъ уже двойную формулу:

Хочу то, что — могу / долженъ
Могу то, что — хочу / долженъ
Долженъ то, что — могу / хочу

Здѣсь имѣемъ уже не три, а шесть различныхъ элементовъ, и по теоріи сочетаній, согласно формулѣ n(n—1), получимъ тридцать возможныхъ сочетаній. Введя въ число элементовъ отрицаніе (т. е.—хочу то, что не могу и т. д.), мы увеличимъ число сочетаній до 30×29=870. Не будемъ останавливаться на

разсмотрѣніи всѣхъ открывающихся возможностей въ смыслѣ сочетаній, но не могу не указать на интересъ этихъ формулъ, въ которыхъ,—смотря по преобладанію воли, возможности или сознанія долга, — кратко и наглядно выражается разнообразное положеніе человѣка по отношенію къ нравственнымъ запросамъ жизни въ связи съ основными свойствами характера.

Посмотримъ теперь расположеніе органовъ человѣческихъ по вертикали и горизонтали; тутъ самъ собой встанетъ вопросъ о симметріи, и естественно мы вернемся къ чету и нечету.

* * *

По вертикали располагаются всѣ одиночные (нечетные) органы, по горизонтали располагаются парные (четные) органы. По горизонтали же,—значитъ, въ соотвѣтствіи съ общимъ закономъ, располагается тѣлесная симметрія. Соединивъ парные органы, получимъ рядъ горизонтальныхъ линій, разъединяющихъ человѣческое тѣлостроеніе. Соединивъ одиноч-
что уже было сказано о вертикали и горизонтали,
ные органы, получимъ *одну* вертикальную черту, какъ бы сказать,—ось тѣлосложенія. Послѣ всего, о четѣ и нечетѣ, не приходится больше настаивать и доказывать: ясно, мнѣ кажется, и, надѣюсь, всякому ясно, что органы по вертикали суть органы личнаго *бытія*, тогда какъ органы по горизонтали суть органы общенія, приспособленія, органы *быта*.

Располагаясь по сторонамъ вертикали, по сторонамъ этой ligne médiane человѣческаго тѣла, парные

органы, расположеніемъ своимъ осуществляющіе симметрію, могутъ движеніемъ своимъ осуществлять ее или противорѣчить ей. Опять-таки ясно, что всякая симметричность, всякій параллелизмъ парныхъ органовъ только еще больше осуществляетъ то отсутствіе личнаго характера, которое присуще горизонтали. Можно сказать, что симметричность и параллелизмъ это какъ бы саванъ, за которымъ прячется личность. Посмотрите: солдатъ навытяжку—весь въ симметріи и параллелизмѣ; святые на иконахъ осуществляютъ симметрію, покойника укладываютъ, соблюдая параллелизмъ и симметрію. Эти же принципы дѣйствуютъ во всѣхъ обрядахъ, въ шествіяхъ, въ празднествахъ,—вездѣ, гдѣ личность человѣческая пропадаетъ, уступаетъ высшему началу. Какъ видите, есть въ этихъ обоихъ началахъ нѣкая отрицающая сила. Въ особенности замѣтно это въ параллелизмѣ. Можемъ такъ сказать,—параллельное движеніе (жестъ) отрицаетъ то, чему параллельно. Поведите руку энергичнымъ движеніемъ сверху внизъ параллельно корпусу, а теперь поведите ее отъ лѣваго плеча вправо и остановите вытянутую на высотѣ плеча. Въ обоихъ случаяхъ скажите: «Хорошо, я это для васъ сдѣлаю». Замѣтите разницу? Въ чемъ разница? Въ первомъ случаѣ жестъ параллеленъ мнѣ, во второмъ—землѣ. Въ первомъ случаѣ это значитъ: «Сдѣлаю, пусть самъ пропаду, а сдѣлаю». Во второмъ случаѣ: «Сдѣлаю, пусть пропадаетъ вселенная, а сдѣлаю». Въ первомъ случаѣ отрицаніе себя и утвержденіе всего, кромѣ себя; во второмъ случаѣ отрицаніе вселенной и утвержденіе себя помимо всего. Въ симметріи отрицающая сила не

такъ велика, какъ въ параллелизмѣ, но въ ней дѣйствуетъ принципъ сокрытія. Какъ мы сказали,—симметричность есть саванъ, за которымъ прячется лицо. Напротивъ,—всякое, даже малѣйшее уклоненіе отъ центральной вертикали уже есть проявленіе личности, которое тѣмъ сильнѣе утверждается, чѣмъ сильнѣе и многочисленнѣе уклоненія. У человѣка въ молитвенномъ положеніи достаточно подмѣтить малѣйшее уклоненіе взгляда, чтобы сказать, что его Я вышло наружу, выдало себя; и съ другой стороны, человѣкъ, желающій въ борьбѣ побѣдить другого человѣка, стремится привести его въ положеніе параллелизма, а послѣднее усиліе защищающагося выражается въ отчаянныхъ попыткахъ противопоставленія, т. е. нарушенія параллелизма, потому что параллелизмъ значитъ—сдача, отказъ. Ибо въ симметріи, въ параллелизмѣ—безличіе. Личность въ вертикали, и въ вертикали содержаніе, въ вертикали обладаніе, въ вертикали тайна; и завѣса разодралась—отъ верхняго края и до нижняго, а не поперекъ.

Вы, можетъ быть, скажете, что и нѣкоторые одиночные органы наши осуществляютъ симметрію, потому что дѣлятся въ поперечникѣ. Напримѣръ, глазъ, ротъ. Но это лишь кажущаяся симметрія. Наоборотъ, они только подтверждаютъ принципъ асимметричности въ вертикальномъ направленіи, ибо верхнее вѣко не похоже на нижнее, и верхняя губа совсѣмъ не похожа на нижнюю губу. Не будемъ вдаваться въ тонкости мимическаго значенія того или другого органа, но возьмите хотя это. Прикусите нижнюю губу. Вы тѣмъ самымъ лишили свободы нижнюю челюсть и оставили свободной всю верхнюю часть лица, а съ ней

вмѣстѣ весь аппаратъ улыбки. Наоборотъ,—прикусите верхнюю губу. Вы тѣмъ самымъ какъ бы взяли въ плѣнъ всю верхнюю часть лица, сдѣлали улыбку невозможной и выдвинули впередъ нижнюю челюсть, сѣдалище воли въ лицѣ и органъ жестокости и звѣрства. Ясно, что поперечное дѣленіе по вертикали не симметрично, ибо одно изъ свойствъ симметріи—равнозначимость частей, внутренно присущее ей безразличіе.

Нѣтъ, симметрія въ человѣческомъ тѣлѣ, какъ и вездѣ вообще, располагается по горизонтали. Въ силу этого же только разрѣзъ по вертикали дѣлитъ человѣка на двѣ одинаковыя половины.

* * *

Вотъ приблизительно все, что имѣю сказать о четѣ и нечетѣ. Важно это или не важно? А право не знаю. Когда сидите на скамейкѣ и палкой рисуете по песку,—важно или не важно? Думаю, что не важно. А все же, если пройдетъ прохожій по вашимъ линіямъ и дугамъ,—непріятно. Вѣдь непріятно? И хочется ему крикнуть слова Архимеда. Помните? При взятіи Сиракузъ вошелъ къ знаменитому мудрецу воинъ, чтобы убить его, онъ въ это время сидѣлъ и чертилъ на пескѣ свои геометрическія выкладки. Увидавъ вражескаго воина, съ обнаженнымъ мечемъ на него идущаго, Архимедъ воскликнулъ: «Noli tangere circulos meos!» (Не прикасайся къ моимъ кругамъ!). Конечно, круги Архимеда, чертежи того, кто «Нашелъ!» («Εὕρηκα» — эврика) законъ удѣльнаго вѣса, были важны для потомства; но я думаю, что, прося пощадить ихъ, онъ о потомствѣ не думалъ,

а лишь о томъ, что они ему дороги, тѣмъ болѣе, что онъ своихъ исчисленій не успѣлъ докончить. . . Очень я люблю этотъ возгласъ,—сосредоточивающій, ограждающій окрикъ Архимеда. Я, конечно, никогда уже не буду имѣть библіотеки: разъ отняли, нѣтъ причины, чтобы не отняли вторично. Да и гдѣ бездомному человѣку держать книги? И, наконецъ, охоты нѣтъ что-либо собирать. Если незабвенный Кузьма Прутковъ могъ поставить свой восхитительный въ безграмотности вопросъ—«Единождысолгавши,кто тебѣ повѣритъ?»,то я могу спросить—«Единожды потерявши, какая собственность тебя прельститъ?» Но все же,—если бы была у меня библіотека,я бы взялъ въ видѣ ex libris изреченіе Архимеда. Я противопоставилъ бы единичность личнаго спокойствія многочисленности варварскаго нашествія, передъ громкой яростью разрушенія ушелъ бы въ сосредоточенную сдержанность молчанія, вертикальнымъ нечетомъ всталъ бы передъ надвигающеюся оравой горизонтальнаго чета, передъ натискомъ безформеннаго ушелъ бы въ формулу,—и уже не на переплетѣ каждой книги, но надъ бровями моими, сими вратами въ святилище моего мышленія, наглый носитель насильственнаго быта узритъ и прочитаетъ начертанныя письмена, и хоть и не пойметъ, но почувствуетъ всю несокрушимую свободу, что неуступчиво смѣется ему въ лицо выкрикомъ напряженнаго бытія:

Noli tangere circulos meos!

Капри
12 Декабря 1924.

XI

ЛОЖЬ.

Одно изъ отличительныхъ свойствъ быта—неразборчивое отношеніе къ истинѣ, легкое съ ней обращеніе. Бытъ не только самъ приспособляется, — онъ и къ своимъ нуждамъ приспособляетъ; онъ не только приноравливается, но и по своему приноравливаетъ. И когда истина ему неудобна, когда ему трудно ее признать, то онъ попросту ее мѣняетъ, онъ истину поддѣлываетъ. Въ области матеріальной это трудно, потому что всякая поддѣлка поддается учету, но въ области умственныхъ цѣнностей это гораздо проще: даже не стоитъ труда закрывать глаза,—можно просто смотрѣть и говорить, что видишь не то, что видишь, а то, что хочешь видѣть. Конечно, при этомъ учитывается чужая довѣрчивость, чужое невѣжество и неумѣніе провѣрить.

Одно изъ отличительныхъ свойствъ бытія—уваженіе къ истинѣ, исканіе истины, горѣніе по истинѣ и жгучее желаніе ее возстановить, когда она попрана или искажена.

Пріемы искаженія истины разнообразны. Если Паскаль сказалъ—«diverses sortes de sens droit» (разные виды правдивости), то можемъ сказать и—разные

виды лжи. Есть взглядъ, есть улыбка, есть вопросъ, есть сплетня, есть клевета, есть хула. Вѣроятно, даже навѣрное, есть и многое другое... Раны, наносимыя ложью, тоже очень разнообразны: есть такія, что царапаютъ, другія колютъ, эти жалятъ, тѣ рѣжутъ... Но послѣ всякаго такого прикосновенія лжи,—какъ бы ясно ни просіяла забывчивая поверхность нашего сознанія,—на днѣ остается муть, противная, отъ которой хочется отдѣлаться; выкачать ее хочется и комомъ этой грязи кинуть въ лицо тому, кто ее вызвалъ. Эти поползновенія мстительности надо однако подавлять въ себѣ,—они ни къ чему, это трата силъ: они ослабляютъ и насъ самихъ, и силу той убѣдительности, на какую мы способны. Только ложь мстительна, истина не должна быть мстительной и уподобляться лжи, заимствуя ея пріемы. Ея удовлетвореніе не въ ниспроверженіи противника, а въ собственномъ возстановленіи. Нѣтъ, безъ мысли о мести, но въ ясномъ сознаніи своей правоты со дна оскорбленной совѣсти выслать наружу сверкающій водометъ правды и дождь опроверженья, — вотъ истинная побѣда истины надъ ложью.

Воздержаніе отъ «мести» и не такъ трудно. Оно требуетъ нѣкотораго усилія въ тѣхъ случаяхъ, когда есть во лжи характеръ личнаго оскорбленія. Мнѣ думается, мы могли бы,—сами не погрѣшая противъ истины,—установить, что «обижаетъ» насъ та ложь, которая направлена противъ факта, противъ того или иного дѣйствія, вообще противъ чего-нибудь осязаемаго; скажемъ однимъ словомъ—ложь противъ быта носитъ характеръ личнаго оскорбленія. Направленная въ область явленій низшаго порядка, она и

въ обиженномъ вызываетъ чувства, хотя и справедливыя, но смѣшанныя съ побужденіями низшаго порядка. Наоборотъ,—когда ложь задѣваетъ духовныя цѣнности бытія, тутъ личнаго характера нѣтъ; есть оскорбленіе за истину, но не за себя. Поэтому и чувства, ею вызываемыя, развиваются въ нѣкоей области высшаго порядка, и, если тамъ двигательными пружинами были ниспроверженіе и месть, то здѣсь—негодованіе и возстановленіе.

Вотъ вамъ примѣръ такого случая.

* * *

Въ Москвѣ на Пречистенскомъ бульварѣ есть бѣлая стѣна, каменный заборъ. На этой стѣнѣ написанъ рядъ именъ подъ разными рубриками: «Революціонеры въ наукѣ, революціонеры въ музыкѣ, революціонеры въ поэзіи» . . . Всѣхъ не помню. Есть тамъ и Бетховенъ, есть Некрасовъ, есть Вагнеръ, Викторъ Гюго, Скрябинъ. Удостоился забора и бѣдный чахоточный Гейне, великій лирикъ и такой худосочный мыслитель. . . Все это довольно непонятно. Непонятно потому, что не договорено; не опредѣлено — что, собственно, это значитъ: «революціонеръ въ музыкѣ»? Значитъ ли это, что онъ былъ революціонеръ, сочинявшій музыку (такъ бы мы могли сказать про Бородина—«химикъ въ музыкѣ»), или это значитъ, что въ своемъ искусствѣ онъ былъ революціонеромъ (какъ принято тоже выражаться,—«новаторомъ»)?

Если примемъ второе значеніе, т. е. «революціонеръ въ музыкѣ» тотъ, кто «революціонизировалъ» музыку, то всякій настоящій, большой музыкантъ му-

зыкальный революціонеръ, поскольку онъ опрокидываетъ старыя формы и формулы и открываетъ новые пути. И здѣсь, какъ ни странно это можетъ показаться на первый взглядъ, иногда менѣе сильный является большимъ революціонеромъ, чѣмъ гигантъ. Напримѣръ, считаю, что сладкій, нѣжный Шопэнъ большій революціонеръ, нежели такой титанъ, какъ Бетховенъ. Бетховенъ почти не разрушилъ формъ, онъ едва-едва прикоснулся къ основѣ обычной гармоніи; онъ ничего не потрясъ, кромѣ сердецъ, но это онъ сдѣлалъ порывами своего духа, вынесшаго его превыше тѣхъ самыхъ формъ, которыя онъ такъ крѣпко соблюдалъ и такъ блистательно развилъ. Между тѣмъ Шопэнъ своими несоблюденіями, своею свободой въ формѣ и совершенно ни къ чему не привязанной гармонической самостоятельностью былъ настоящимъ предтечей. Въ смыслѣ художественной революціи его дѣло значительнѣе, и при всей нѣжности, женственности его природы, онъ гораздо больше революціонеръ, чѣмъ, при всей своей орлиности, Бетховенъ. Для оцѣнки музыканта съ точки зрѣнія его новизны надо брать его по сравненію съ непосредственными его предшественниками. Согласитесь, что самостоятельность, несравненность Шопэна въ этомъ отношеніи куда значительнѣе, чѣмъ разница, отличающая того же Бетховена отъ Моцарта и Гайдна. Бетховенъ былъ продолженіемъ, развитіемъ, Шопэнъ являетъ рѣдкій примѣръ самозарожденія. Въ этомъ смыслѣ, скажу, что въ немъ больше самостоятельности даже, нежели въ Вагнерѣ, который пошелъ по путямъ, открытымъ Глюкомъ и Веберомъ, тогда какъ

Шопэнъ пошелъ ничьими, своими путями. Вотъ, мнѣ кажется, основаніе, на которомъ слѣдуетъ, да только и можно, строить оцѣнку художественной революціонности того или другого художника. Она менѣе опредѣляется значительностью созданнаго имъ, чѣмъ самостоятельностью.

Теперь посмотримъ другое пониманіе «революціонности» художника. Допустимъ, что Викторъ Гюго оттого «революціонеръ въ поэзіи», что онъ былъ политически-неблагонадеженъ, одно время жилъ на островѣ Жерсей, внѣ предѣловъ Франціи. Но вѣдь и Пушкинъ жилъ въ Кишиневѣ, и онъ говорилъ

Но вреденъ сѣверъ для меня.

И Овидій короталъ дни изгнанія «въ глуши Молдавіи своей».

Вагнеръ одно время былъ оппозиціоненъ, жилъ въ Швейцаріи до того, какъ пріютилъ его король Людвигъ Баварскій. Но право же смѣшно такое обоснованіе революціонности въ искусствѣ. Если не ошибаюсь, Крапоткинъ былъ геологъ, но если не именно геологъ, то по части кристалловъ, формаціи пластовъ,—дѣло не въ спеціальности, а въ томъ, что онъ былъ по ученой части и даже оставилъ нѣсколько научныхъ изслѣдованій. Что же? Назовемъ его революціонеромъ въ геологіи? Всякому ясна нелѣпость подобной классификаціи. Да даже революціонность не даетъ еще основанія зачислить въ революціонеры. Достоевскій прошелъ каторгу, но неужели вслѣдствіе этого «бѣсы» назовутъ «своимъ» того, кто имъ противопоставляетъ старца Зосиму и Алешу Карамазова?

Наконецъ, есть и третье еще пониманіе революціонности художника. Это когда онъ въ произведеніяхъ своихъ революціоненъ, когда революціонно содержаніе. Такое толкованіе, хотя и самое простое, примѣнимо только къ литературѣ, къ живописи (сюжетъ картины) и къ театру (сюжетъ пьесы). И хотя коммунисты говорятъ о революціонной музыкѣ, всякому музыканту ясно, что это лишено смысла. Но по отношенію къ литературѣ это, конечно, единственное объясненіе эпитета. Однако и тутъ мы иногда стоимъ передъ самыми невѣроятными натяжками и неожиданностями. Левъ Толстой былъ революціоненъ со всей неумолимой послѣдовательностью своего геніальнаго упорства. Но какъ могутъ люди, заливающіе землю кровью и слезами, выставлять себя чадами, а свое дѣло продолженіемъ того, кто проповѣдуетъ непротивленіе злу; какъ эти коллективисты роднятся съ тѣмъ, кто полагаетъ возрожденіе человѣчества въ личномъ самосовершенствованіи, — останется одной изъ загадокъ современности. . .

Пристягнуть себя къ великимъ именамъ, освѣтить и освятить свое разрушительное исповѣданіе искаженіемъ чужой вѣры, поставить себя въ цѣпь какого-то длиннаго развитія человѣческаго духа и выставить себя дѣтьми, наслѣдниками, продолжателями и завершителями лучшихъ представителей человѣчества,— это понятное желаніе со стороны тѣхъ, кто ничего за себя не имѣютъ, кромѣ того жалкаго довѣрія, которымъ даритъ ихъ отуманенное невѣдѣніе или обольщенное невѣжество. Но все же есть границы. Слишкомъ нагло выдвигаются имена и слишкомъ беззастѣнчиво провозглашаются «своими» такіе люди,

которые ни одной строчкой своего писанія, ни одной черточкой своихъ міровоззрѣній, ни одной частицею перешедшей въ потомство души своей не оправдываютъ этого «свойства».

* * *

Только подумайте, что среди «революціонеровъ въ поэзіи» на стѣнѣ Пречистенскаго бульвара значится красными буквами (очевидно, красными,—не бѣлыми же писать по бѣлой стѣнѣ) имя того, кто написалъ стихотвореніе, начинающееся словами — «Эти бѣдныя селенья», того, кто сказалъ—

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ, благословляя.

Въ числѣ «революціонеровъ» значится тотъ, кто воскликнулъ:

Но старыя, гнилыя раны,
Рубцы насилій и обидъ,
Растлѣнье душъ и пустота,
Что гложетъ умъ и въ сердцѣ ноетъ...
Кто ихъ излѣчитъ, кто прикроетъ? —
Ты, риза чистая Христа...

Я не поклонникъ въ Тютчевѣ сладковатаго патріотизма и слащаваго славянофильства и не раздѣляю ихъ. Но въ данномъ случаѣ долженъ привѣтствовать это его преувеличеніе, ибо оно ярче, выпуклѣе выдвигаетъ ложь тѣхъ хулителей Христа и разрушителей понятія родины, которые хотятъ его выдать

за «своего». И какъ можно было «просмотрѣть» этy сторону Тютчевской личности? Какъ можно не замѣтить его славяно-русскихъ и русско-православныхъ идеаловъ? Или это «революціонеръ»,—тотъ, кто посылалъ русскаго императора въ Царьградъ, къ возстановленному алтарю древней Софіи:

Пади предъ нимъ, о царь Россіи,
И встань, какъ всеславянскій царь!

Или это революціонеръ—этотъ православный монархистъ, утонченный западникъ, ненавидящій Западъ? Революціонеръ тотъ, кто писалъ декабристамъ—

Народъ, чуждаясь вѣроломства,
Поноситъ ваши имена,
И ваша память для потомства,
Какъ трупъ, въ землѣ схоронена...?

Если все это суть рѣчи революціонера, то остается только удивляться неустойчивости значенія словъ.

Таковъ Тютчевъ — революціонеръ въ стихахъ своихъ. Если подойдемъ ближе, къ человѣку, заглянемъ, напримѣръ, въ его письма, то тутъ мы уже не только встрѣтимъ провозглашеніе его религіозно-политическихъ идеаловъ, не позволяющихъ причислить его къ революціонерамъ, но увидимъ прямо исповѣданіе его отношенія къ самой революціи. Здѣсь уже не допустимо никакое «да, но все-таки». Прямо смѣшно становится,—какъ могутъ представители революціи пригрѣвать и считать своимъ того, кто писалъ, что «революція... смертельная болѣзнь, подобная неизлѣчимому раку», что она есть «судорога

бѣшенства», что ея единственный исходъ—разрушеніе, что революціи остается только послѣдовать примѣру Іуды, который, предавши Христа, удавился... Правда, смѣшно?

Подойдемъ еще ближе къ Тютчеву. Я помню, смутно помню всклокоченнаго сѣдого старичка съ золотыми очками. Въ гостиной моей матери помню его, во фракѣ, съ развязаннымъ галстукомъ; прислонившись къ камину, читалъ «Пошли, Господь, свою отраду» и «Слезы людскія». Какъ удивительно онъ читалъ! Какъ просто, умно и волнующе. Тонкое, прямо жемчужное у него было произношеніе, все на концахъ выдвинутыхъ впередъ старческихъ губъ. Какъ его встрѣчали, когда онъ входилъ,—если бы вы только знали, какъ встрѣчали! Встрѣчали, какъ встрѣчаютъ свѣтъ, когда потухнетъ электричество и вдругъ опять зажжется. Съ нимъ входила теплота, съ нимъ входилъ умъ; онъ несъ съ собой интересъ, юморъ,—но и ѣдкую, язвительную шутку. Вотъ гдѣ проявлялась та сторона его личности, которая въ стихахъ его мало отразилась, лишь въ нѣсколькихъ эпиграммахъ. Онъ не могъ бы все то печатать, что иногда срывалось съ языка. Изъ цензурныхъ соображеній не могъ бы: да, онъ, служившій по иностранной цензурѣ, говорилъ нецензурное. Однако большую ошибку сдѣлали бы мы, если бы изъ этого стали выводить заключеніе о «революціонности». Многое въ современности тогдашней возмущало его, въ особенности министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Но почему? Потому что оно не шло тѣми путями, которыми, по его мнѣнію, слѣдовало идти, чтобы придти къ осуществленію его идеаловъ. А каковы были идеалы, мы видѣли. Онъ не-

годовалъ на тѣхъ, которые «выпускали карты изъ рукъ»; но то, что онъ разумѣлъ подъ «выигрышемъ», врядъ ли понравилось бы тѣмъ, кто записалъ его въ революціонеры. Ѣдкость и злость его шутки иногда принимали характеръ того, что называли фрондой. Ему принадлежитъ изреченіе, въ свое время обошедшее петербургскія гостиныя,—«Русская исторія до Петра Великаго одна панихида, а послѣ Петра Великаго одно уголовное дѣло». Но это Тютчевъ свѣтскій, въ гостиной, во фракѣ, съ чашкой послѣобѣденнаго кофе въ рукѣ. Это были мимолетныя блестки. Это не тотъ Тютчевъ, котораго можно прослѣдить въ его стихахъ, и это не тотъ Тютчевъ, котораго способны оцѣнить люди грубые, не тонко образованные, люди, не принадлежащіе къ тому же уровню культуры, какъ и онъ. Да, наконецъ, этотъ Тютчевъ живетъ только въ памяти знавшихъ его, онъ литературной критикѣ не подлежитъ.

Тютчевъ былъ представитель истинной, изысканной культуры; типъ и въ то время рѣдкій по цѣнности своей, а въ наши дни не существующій и въ будущемъ, въ Россіи по крайней мѣрѣ, не повторимый. Въ немъ, въ его культурности, жила глубокая наслѣдственность,—рядомъ со славянской,—наслѣдственность латинская, германская. Въ наши дни, когда всѣ связи съ прошлымъ порваны, когда культурная почва переворошена и все вырвано съ корнями, когда новая «культура» мнитъ зародиться изъ самой себя, ждать такихъ культурныхъ явленій, какъ Тютчевъ, невозможно. Но и въ то время онъ былъ, хотя и типичный, но исключительный представитель. Вся эта глубина наслѣдственности, въ личности тонкой, вос-

питаніемъ утонченной, дала то цвѣтеніе, которое въ каждой его строчкѣ сказывается сложнымъ благоуханіемъ природы, человѣчества, мимолетности и вѣчности. Тютчевъ, конечно, самый культурный изъ всѣхъ нашихъ поэтовъ. Даже въ Пушкинѣ чувствую этого меньше, чѣмъ въ Тютчевѣ. Чувствую въ Пушкинѣ нѣкоторое несоотвѣтствіе между всеобъемлющей его личностью и тѣмъ фактическимъ горизонтомъ, который онъ обнимаетъ. Чувствую въ немъ неполное знакомство съ Западомъ, чувствую личное незнакомство съ Италіей; чувствую, при всей геніальности проникновенія, извѣстную «заочность», «наслышанность». Вотъ этого въ Тютчевѣ нѣтъ,—все, даже самое мимолетное, самое дальнее, теряется корнями въ недоступныхъ глубинахъ лично пережитаго, и каждый цвѣточекъ на поверхности его творчества питается своими соками. Повторяю, Тютчевъ самое культурное явленіе въ нашей поэзіи. Несмотря на ощущаемое имъ присутствіе дремлющаго на днѣ его природы «родимаго хаоса», въ немъ однако нѣтъ ни тѣни, ни намека на дикость, ту дикость, которая живетъ и, увы, не дремлетъ на днѣ русской природы. Вотъ почему Тютчевъ такъ долго оставался неизвѣстнымъ. Его не знали, потому что у насъ вообще чуждались того, въ чемъ видѣли налетъ «иностранности». Человѣкъ, отлично говорящій на европейскихъ языкахъ, уже былъ подъ сомнѣніемъ, онъ былъ не «свой», не изъ нашихъ. Съ шестидесятыхъ годовъ установилась въ литературѣ «косоворотка», и «фракъ» былъ своего рода признакомъ неблагонадежности, только съ другого конца. Нужна была вся сила чарующей искренности тютчевской поэзіи, нужна

была вся мощь его русскаго слова, чтобы свѣтъ его имени прорвалъ завѣсу предразсудковъ. И нужны были—смерть, поглощающая человѣка, и время, выдвигающее его цѣнность.

И вотъ, такого человѣка, такого поэта усыновляетъ революція; это имя выдвигается, какъ имя «предшественника», и заносится на заборъ рядомъ съ плакатами, гдѣ въ лубочныхъ краскахъ и стихахъ поносятся «пташки царскія» и превозносятся «кошки пролетарскія» . . .

Но есть, кромѣ указаннаго политико-революціоннаго недоразумѣнія, есть въ этомъ усыновленіи Тютчева соціалистическою революціей еще другое, недоразумѣніе, по моему, болѣе глубокое. Есть въ этомъ показательное непониманіе духа и путей поэта. Прежде всего встаетъ огромнымъ недоразумѣніемъ вопросъ о природѣ. Какъ? Люди, объявляющіе, что «ни Бога, ни природы нѣтъ», провозглащаютъ «своимъ» того, кто, можетъ быть, самый бо́льшой поэтъ природы, когда-либо существовавшій! Кто же больше него воспѣлъ отдѣльную самостоятельность природы? Кто, рисуя ея ликъ, рѣзче выявилъ ея личность? И это вовсе не въ нарочито съ тою цѣлью писанныхъ стихотвореніяхъ. Одно только въ этомъ отношеніи и есть стихотвореніе, которое можно было бы назвать программнымъ, излагающимъ воззрѣніе:

Не то, что мните вы, природа —
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ.
Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ.

Но онъ могъ бы этого и не писать: оно явствуетъ изъ всего прочаго его творенія. Онъ нигдѣ не гово-

ритъ нарочито, онъ только мимоходомъ касается; онъ рисуетъ, но его картины говорятъ, за себя говорятъ, то есть за природу и его взглядъ на природу. Все въ немъ проникнуто природой и вся природа проникнута чувствомъ. Есть ли одно лирическое стихотвореніе безъ природы и есть ли одно описаніе природы безъ лиризма? Тютчевъ весь растаялъ въ природѣ и всю природу въ себѣ претворилъ. Впрочемъ, самъ же онъ сказалъ:

Все во мнѣ, — и я во всемъ.

И *его* причисляютъ къ тѣмъ, кто объявляетъ, что «природы нѣтъ»?

Далѣе. Человѣкъ самыхъ тонкихъ, нѣжныхъ ощущеній, поэтъ самой вдумчивой, сосредоточенной интимности. Онъ, который спрашивалъ—

Слыхалъ ли въ сумракѣ глубокомъ
Воздушной арфы легкій звонъ,
Когда полуночь ненарокомъ
Дремавшихъ струнъ встревожитъ сонъ? —

онъ принятъ тѣми, которые говорятъ: «Дайте намъ революціонной музыки, такой, чтобы послѣ концерта слушатели рвались въ бой». «Мы въ нашей школѣ упразднили все интимное, мы играемъ только героическія вещи, одни марши». А когда во время исполненія моцартовскаго «Реквіема» вдругъ изъ публики рупоромъ сложенныя ладони и мощный голосъ вопрошаетъ: «А танцы будутъ?» Вамъ не страшно думать, что туда, въ эту компанію записываютъ того, кто молилъ спасти его душу

отъ насилья
Безсмертной пошлости людской...?

Не могу. Простите, больше не могу. Если вы дочитали до этой страницы, то вы знаете, какъ всѣ предшествующія полны, пропитаны Тютчевымъ. Не для спора написалъ я эти послѣднія страницы, но для очистки, даже скажу просто—для прочистки совѣсти. Муть не выкачиваю, комъ грязи не вытаскиваю, въ лицо никому не кидаю, но почитаю, что на совѣсти моей тяготѣлъ бы грѣхъ недоговоренности, если бы передъ этой ложью не выслалъ наружу водометъ правды съ опровергающимъ дождемъ. И въ этомъ нахожу болѣе нежели нравственное удовлетвореніе,—нахожу все то ясное успокоеніе, что даетъ геометрически-художественный образъ. Ибо

Ввысь гекзаметромъ бьетъ сверкающій столбъ водомета
И пентаметромъ вновь наземь, пѣвучій, падетъ.

Это Шиллеръ сказалъ:

Im Hexameter steigt des Springquells flüssige Säule,
Im Pentameter drauf fällt sie melodisch herab.

А мы уже сказали, не правда ли, что огромное удовлетвореніе,—когда въ области духовныхъ цѣнностей вдругъ ощутимъ уравновѣшивающее соотвѣтствіе геометрическаго образа.

Геометрія не лжетъ.

Римъ
23 Января 1923.

XII

ORBIS ET UMBRA.

Солнечные часы всегда меня привлекали. Да есть ли, кто можетъ пройти и не остановиться передъ дискомъ, разрисованнымъ радіусами и пересѣченнымъ рѣзкой тѣнью часового стержня? Какъ восхитительна эта двойственность прибора. Рисунокъ, покорно принимающій начертаніе, бросаемое небеснымъ свѣтиломъ, и своимъ дѣленіемъ дающій смыслъ этому начертанію. Съ другой стороны—тѣневое начертаніе, покорно падающее на подлежащія письмена, человѣкомъ ему подложенныя, и человѣку на его вопросъ отвѣчающее. Тутъ есть необманность взаимнаго довѣрія, которая сливаетъ человѣка и природу въ трогательномъ сотрудничествѣ.

Но не одна только э т а, какъ бы сказать,—механическая двойственность восхитительна въ удивительномъ приборѣ, именуемомъ солнечными часами. Тутъ глубокая встрѣча человѣческаго, повседневнаго, мѣняющагося, мимолетнаго и неусточиваго съ самымъ постояннымъ, неизмѣннымъ и устойчивымъ, на чемъ держится наша вселенная: солнце, его вращеніе, его свѣтъ и тѣнь. Вотъ это соприкосновеніе огромнаго съ ничтожнымъ, постояннаго съ преходящимъ, без-

страстно-равнодушнаго со страстно-мятущимся — вотъ что придаетъ этому иногда скромному, иногда очень сложному прибору то нѣчто участливо-близкое и вмѣстѣ жутко-щемящее, что онъ въ насъ пробуждаетъ.

И при всей сложности пробуждаемыхъ имъ мыслей и чувствъ, при всемъ разнообразіи формъ, которыя онъ принималъ въ разныя времена, въ разныхъ странахъ,—въ основѣ его всегда только то, что одинъ изъ нихъ такъ кратко выразилъ въ своей надписи: «Кругъ и Тѣнь»—Orbis et Umbra.

Кругъ, раздѣленный, кругъ—принципъ множественности. Тѣнь—единственная.

Кругъ вопрошающій, тѣнь отвѣчающая. Но вмѣстѣ съ тѣмъ тѣнь — нѣмая, кругъ — говорящій. Вотъ въ этомъ нѣмотствованіи тѣни—сила ея отвѣта. Въ ней несомнѣнность всего, что исходитъ не отъ человѣка. Въ дѣленіяхъ и числовыхъ знакахъ круга—вся неувѣренность человѣческихъ вопрошающихъ исканій.

Но можемъ посмотрѣть и съ другой стороны, Не съ точки зрѣнія того, что говоритъ въ обѣихъ частяхъ этой двойственности, не съ точки зрѣнія внутренняго двигателя, а съ точки зрѣнія формы, матеріала и средства движенія. Тогда представятся намъ функціи Круга и Тѣни какъ разъ въ обратномъ освѣщеніи. Въ самомъ дѣлѣ. Кругъ—совершеннѣйшая изъ геометрическихъ фигуръ; кругъ есть законченность въ себѣ, кругъ есть цѣлость, слитность, сліяніе всѣхъ единственностей, отсутствіе начала и конца, слѣдовательно,—образъ безконечности. Кругъ есть графическая основа нашего познаванія. Органъ зрѣнія—

кругъ; поле зрѣнія—кругъ; предѣлъ зрѣнія, горизонтъ, — тоже кругъ. Въ кругѣ воспринимаемъ, въ кругѣ познаемъ; и когда хотимъ тѣлодвиженіемъ объяснить понятіе «все», рукой очерчиваемъ кругъ. Ибо, какъ сказалъ Блаженный Августинъ,—«Вселенная есть кругъ, центръ котораго вездѣ, а окружность нигдѣ». Таковъ кругъ. А тѣнь? Тѣнь есть... тѣнь. Что къ этому прибавить? Вотъ почему можемъ и такъ сказать, что Кругъ является носителемъ принципа постоянства, а Тѣнь носительницей случайности. Но какъ бы то ни было,—сліянное ихъ дѣйствіе есть гласъ внѣ человѣка сущихъ силъ, и человѣкъ, склоняющійся надъ Кругомъ, чтобы прочитать Тѣнь, это есть б ы т ъ, вопрошающій б ы т і е; а Кругъ, Тѣнью отвѣчающій склоняющемуся надъ нимъ человѣку, есть б ы т і е, отвѣчающее б ы т у.

Но не для того заговорилъ о солнечныхъ часахъ, чтобы сейчасъ объяснить, почему посвящаю имъ послѣднюю главу и почему поставилъ эпиграфомъ къ этой книгѣ—Orbis et Umbra. А мнѣ хочется поговорить о той, скажу, душевной сторонѣ, которая есть въ солнечныхъ часахъ благодаря надписямъ, какими съ давнихъ временъ снабжалъ ихъ человѣкъ. Вы не можете себѣ представить прелесть этой «литературы». Два слова о происхожденіи.

* * *

Съ незапамятныхъ временъ тѣнь и ея перемѣщеніе занимали человѣка. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ «въ потѣ лица своего» добываетъ хлѣбъ свой, онъ, потный, ищетъ тѣни, чтобы отдохнуть въ ея прохладѣ. Но

скоро началъ искать ее не ради прохлады ея, а потому что сталъ видѣть въ ней указательницу того, что наступилъ часъ отдыха. Уже не мѣсто тѣни привлекало его, а время, тѣнью отмѣчаемое. Уже ветхозавѣтный страдалецъ и страстотерпецъ восклицаетъ: «Какъ рабъ жаждетъ тѣни и какъ наемникъ ждетъ окончанія работы своей, такъ я получилъ въ удѣлъ мѣсяцы суетные, и ночи горестныя отчислены мнѣ». Очень знаменательно, въ психологическомъ смыслѣ глубоко показательно это сочетаніе времяопредѣленія и страданія. И какъ странно, жутко даже, что слова Іова вызываютъ на поверхность памяти моей слова декабриста Лунина, тоже страстотерпца. Когда онъ былъ въ Сибири вторично арестованъ и отвезенъ въ дальній Акатуйскій острогъ такъ поспѣшно, что не успѣлъ даже самаго необходимаго взять съ собой, онъ писалъ бабушкѣ моей, княгинѣ Маріи Николаевнѣ Волконской: «Разъ Вы такъ добры, предлагаете прислать мнѣ что-нибудь изъ моихъ вещей, то прошу Васъ прислать мои часы. Очень мнѣ тяжело, во время безсонныхъ ночей въ острогѣ, не знать, который часъ». Съ узнаніемъ часа сочетается въ понятіи человѣка представленіе о возможности конца страданій...

По Библіи, у царя Ахава въ Іерусалимѣ уже былъ дискъ, отмѣчавшій часы падавшею на него тѣнью. Въ древнемъ Египтѣ, не извѣстно, какъ время дѣлилось и измѣрялось, но во всякомъ случаѣ обелиски помогали человѣку разбираться въ дѣленіяхъ дня. Въ Греціи Анаксимандръ Милетскій, ученикъ Ѳалеса, въ 560 году до Р. Х. распространялъ диски солнечныхъ часовъ. Въ Римъ первые солнечные часы были привезены въ 263 г. до Р. Х. Валеріемъ Массалой послѣ

взятія Китаніи во время Пуническихъ войнъ. Они были поставлены на Форумѣ. До того человѣкъ каждый день становился на опредѣленномъ мѣстѣ Форума около Ростры и громкимъ голосомъ провозглашалъ полдень. Часы, привезенные Массалой, какъ выправленные по сицилійскому меридіану, показывали въ Римѣ плохо, неточно. Императоръ Августъ перевезъ въ цѣляхъ указанія времени изъ Египта тотъ обелискъ, который и посейчасъ стоитъ на площади Монтэчиторіо, гдѣ итальянская Палата Депутатовъ...

Долго измѣреніе времени тѣнью оставалось неточно, носило бытовой характеръ, не было научно установленнымъ пріемомъ. Въ Англіи былъ городокъ Карльсбергъ, лежавшій у подножія горы. На лугу передъ городомъ были размѣщены камни съ высѣченными на нихъ числами, и тѣнь отъ горы, ложась на долину, дѣлала свое дѣло, переходя съ камня на камень...

Мюнхенскій уроженецъ Николай Кратцеръ, въ XVI столѣтіи бывшій профессоромъ астрономіи и иныхъ наукъ въ Оксфордѣ, въ царствованіе Генриха VIII, много сдѣлалъ для научной постановки вопроса о «діалахъ» (солнечныхъ часахъ). Въ сотрудничествѣ съ однимъ англійскимъ каменьщикомъ онъ соорудилъ большой памятникъ, снабженный солнечными часами и многими надписями въ стихахъ. Между прочимъ одна изъ надписей увѣковѣчиваетъ имя его сотрудника и кончается тѣмъ, что онъ, хотя и англичанинъ, но умѣлъ пить «more germanorum» (по-нѣмецки) и что они вдвоемъ могли выпивать, сколько бы ни поставили вина. Этотъ ученый былъ, гласитъ преданіе, веселаго, шутливаго нрава. Когда Генрихъ VIII,

очень къ нему благоволившій, спросилъ его однажды,—какъ это онъ, такъ давно въ Англіи живя, такъ плохо по-англійски говоритъ, онъ отвѣтилъ: «Простите, Государь, но какъ же можно научиться англійскому языку въ какіе-нибудь тридцать лѣтъ?» Дивный его портретъ, Гольбейномъ писанный, находится въ Луврѣ. Въ обычномъ у Гольбейна черномъ одѣяніи, въ черной шапочкѣ съ разрѣзаннымъ околышкомъ, сидитъ онъ, окруженный приборами и чертежами, и держитъ въ рукѣ маленькій, но сложный металлическій переносный «діалъ» о четырехъ дискахъ, кубической формы.

Такіе переносные солнечные часы вошли въ моду. Были такіе, что ставились на столъ, были такіе, что носились на цѣпочкѣ, служили украшеніемъ, были запястья, кольца. Карлъ I, передъ тѣмъ какъ идти на плаху, снялъ съ пальца такой перстень съ «діаломъ», прося передать его герцогу Іоркскому. . .

Это уже было почти приравненіе солнечныхъ часовъ къ механическимъ «карманнымъ» часамъ. Конечно, такой точности дѣленія времени, какую даетъ часовой механизмъ, солнечные часы никогда не достигали и достичь не могутъ, но свойственно человѣку великія явленія природы, какъ бы сказать,—приручать, приблизить къ себѣ, ввести въ свой обиходъ. И вотъ ухитрился онъ и «солнце положить въ карманъ». Ухитрился онъ и время полонить, упрятать его въ стеклянную банку, перетянутую пояскомъ и заставлять песочную струйку бѣжать изъ верхней половины въ нижнюю. . . Какой тоже прелестный приборъ—песочные часы! Только переворачивать скучно, да прозѣваешь,—время упустишь, ужъ не попра-

вишь. Но право же очаровательный приборъ, такъ, самъ по себѣ, даже помимо обозначенія времени. По моему, на песочные часы можно смотрѣть, смотрѣть безъ конца, все равно какъ на огонь или на текучую воду. А потомъ, въ этомъ процессѣ переворачиванія, въ этомъ безразличіи верха и низа, въ этой равноправности міровыхъ полюсовъ есть прямо устрашающее безпристрастіе, какое-то трагическое «наплевать». Жутка уступчивость этой полярности. Въ этомъ чередующемся переименованіи «верха» въ «низъ» и «низа» въ «верхъ» есть заразъ всѣ элементы физическихъ катастрофъ и нравственныхъ паденій. И все это совершается вокругъ средней недвижной точки, той, гдѣ черезъ узенькое отверстіе сыплется считающій время песокъ. И въ верхнемъ полушаріи воронка песка все углубляется, въ то время какъ въ нижнемъ полушаріи растетъ песочный бугорокъ. Тутъ является нѣкое соотвѣтствіе формулъ (крайности) при безразличіи къ содержанію (середина). Когда однажды меня попросили посовѣтовать для песочныхъ часовъ надпись, я предложилъ на одномъ ободкѣ написать—«L'amour fait passer le temps», а на другомъ «Le temps fait passer l'amour». И дѣйствительно, думаю, что жестокое безразличіе, заключающееся въ симметричности этого изреченія, хорошо выражаетъ все то, что вмѣщаетъ въ себѣ этотъ маленькій, мудрый и циническій приборъ. . .

Альбрехтъ Дюреръ въ своемъ извѣстномъ рисункѣ «Melanconia» помѣстилъ изображеніе всѣхъ трехъ способовъ измѣренія времени: часы солнечные, песочные и колоколъ,—«металла звонъ». Присоединеніе з в у к а къ провозглашенію времени, участіе с л у-

ха въ воспріятіи его дѣленій столь же древни, какъ и стремленіе къ дѣленію времени. И римлянинъ, на Форумѣ громкимъ голосомъ провозглашавшій полдень, былъ уже и первыми башенными часами. Сколько измѣненій принималъ «глаголъ временъ» въ теченіе вѣковъ въ связи съ усовершенствованіемъ механики и слѣдуя потребностямъ и вкусамъ времени! Отъ тяжелаго удара башеннаго колокола до тонкаго табакерочнаго звона карманныхъ часиковъ, отъ мелкаго, дробнаго тиканія брегета до тяжкихъ качаній стѣнного маятника—сколько разнообразія въ одномъ и томъ же намѣреніи. И сколько изысканности проявляетъ человѣкъ въ прикрасѣ, въ сокрытіи страшнаго голоса, считающаго наши смертные часы! Какъ онъ ухищряется укутать зловѣщій ударъ: то прячетъ его въ звонѣ колоколовъ, то топитъ его въ затѣйливой игрѣ «курантовъ». И какъ-то неуклюже, съ разстановкой, нехотя какъ будто роняетъ башенный звонъ сложные звуки навязанныхъ ему пѣснопѣній. И какое, подумаешь, дерзновенье: заставить ВРЕМЯ говорить своими, человѣческими словами! . .

Но вернемся къ часамъ солнечнымъ; они слуха нашего не безпокоютъ, но они больше всѣхъ другихъ «говорятъ».

На Николаѣ Кратцерѣ остановимъ наше маленькое «историческое изслѣдованіе» и перейдемъ къ тому, что мы назвали «литературой» солнечныхъ часовъ.

* * *

Наибольшее количество надписей латинскихъ; онѣ же и самыя прекрасныя по краткости своей, по

сжатости, по тому, что принято называть «лапидарностью». Французскія красивы, но мягки, романтичны и часто расплывчаты; тѣмъ не менѣе онѣ всегда полны чувства, и въ нихъ большая убѣждающая прелесть. У итальянцевъ склонность къ красивой формулѣ, также стихотворной формѣ, и всегда нѣкоторая рѣзкость. У англичанъ отсутствіе изысканности, и даже въ стихотворныхъ надписяхъ милый, какой-то домашній юморъ. У нѣмцевъ нравоученіе тяжеловѣсно и стихъ, когда бываетъ, дубоватъ.

Удивительная, при этихъ отличительныхъ національныхъ чертахъ, удивительная, даже прямо поразительная одинаковость въ этой дисковой литературѣ на разныхъ концахъ Европы, отъ Греціи до Скандинавіи, отъ Исландіи до Испаніи. Вездѣ, хотя и при большомъ разнообразіи формы, вездѣ—отношеніе человѣка къ великой тайнѣ бытія сквозь неизбѣжные запросы быта. Проходитъ человѣкъ по землѣ, наблюдаетъ солнечный свѣтъ и солнечную тѣнь и, какую бы землю ни топталъ,—сѣверную, южную, восточную или западную,—все думаетъ объ одномъ. СМЕРТЬ, — вотъ главная его мысль. СМЕРТЬ и ВРЕМЯ. СМЕРТЬ — всегда неизвѣстная, скрытая, подстерегающая. ВРЕМЯ — жестокое, уничтожающее, неумолимое, невозвратимое, непоправимое; но иногда въ уничтоженіи своемъ благотворное, сглаживающее, примиряющее, въ неумолимости благостное.

ВРЕМЯ и СМЕРТЬ—СОЛНЦЕ и ТѢНЬ. Вотъ что заботитъ мысль человѣка, вотъ на что направлено мышленіе его, вотъ куда устремляется неустанная его пытливость и на чемъ изнашивается уставшая, извѣрившаяся, обезнадежившая вѣковая его мудрость.

Мы можемъ переставить члены нашей четверки и, вмѣсто ВРЕМЯ и СМЕРТЬ—СОЛНЦЕ и ТѢНЬ, можемъ сказать: ВРЕМЯ — СОЛНЦЕ и СМЕРТЬ — ТѢНЬ. Тогда намъ ясно предстанетъ и внутреннее, аллегорическое значеніе, и мы сразу поймемъ, какой матеріалъ даютъ это сочетаніе и это противопоставленіе для того, что можно бы назвать поэтическимъ мышленіемъ. «Поэтъ мыслитъ образами», сказалъ Бѣлинскій,—и какіе же поэты эти солнечные часы! Поразительна образность, которая живетъ въ этихъ надписяхъ и живитъ сухую неумолимость мыслительныхъ формулъ. Сколько поэзіи розлито по путямъ-дорогамъ, по площадямъ городскимъ, на стѣнахъ старыхъ ратушъ и церквей, въ укромныхъ уголкахъ общественныхъ и частныхъ садовъ, передъ входомъ или надъ воротами кладбищъ. . . Всѣ настроенія вы найдете въ этихъ письменахъ, — отъ страшнаго, безнадежнаго до безпечнаго, даже веселаго. И сквозь все это проходитъ, шествуетъ СМЕРТЬ безшумной поступью,—TACITO PEDE. И на всѣхъ этихъ каменныхъ дискахъ, гдѣ расходящіеся радіусы отмѣчаютъ часы дня, значится для каждаго человѣка его невидимый, незнаемый п о с л ѣ д н і й часъ. Жуткимъ окрикомъ звучатъ надписи, напоминающія прохожему о послѣднемъ его предѣлѣ.

OMNES TIME PROPTER UNAM
Бойся всѣхъ изъ-за одного.

IN UNA SI MUORE
Въ одинъ изъ нихъ умрешь.

CERNIS QUA VIVIS
QUA MORIERE LATET
Видишь тотъ, въ какой живешь,
Тотъ, въ какой умрешь, сокрытъ.

SCIS HORAS
NESCIS HORAM
Ты знаешь часы,
Не вѣдаешь часа.

FESTINAT SUPREMA
Торопится послѣднiй.

FORSITAN ULTIMA
А можетъ быть, послѣднiй!

AB ULTIMA AETERNITAS
Съ послѣдняго — вѣчность.

EX HOC MOMENTO AETERNITAS
Отъ этого мгновенья — вѣчность.

L'HEURE FUIT L'ETERNITE APPROCHE
Часъ бѣжитъ, — вѣчность близится.

L'ETERNITE APPROCHE
Вѣчность близится.

ULTIMAM TIME
Бойся послѣдняго.

AB ULTIMA CAVE
Остерегайся послѣдняго.

NE COMPTE PAS SUR LA PREMIERE,
CAR TOUT DEPEND DE LA DERNIERE
Не разсчитывай на первый,
Все зависитъ отъ послѣдняго.

CRAINDS LA DERNIERE
Бойся послѣдняго.

JE MARQUE LA DERNIERE
Отмѣчаю послѣдній.

Такъ на разныхъ языкахъ окликаетъ путника неизвѣстный голосъ. Очень рѣзко окликаетъ,—иногда грозно, иногда благодушно, иногда какъ голосъ рока, а иногда какъ голосъ добраго совѣтчика. (Особенно живой голосъ съ особеннымъ напряженіемъ звучитъ въ тѣхъ случаяхъ, когда надпись въ первомъ лицѣ: когда говоритъ какъ будто сама тѣнь).

HASTE TRAVELLER THE SUN IS SINKING LOW
HE SHALL RETURN AGAIN BUT NEVER YOU
Торопись, путникъ: солнце садится низко.
Оно воротится, ты же никогда.

GUARDANDO L'ORE PENSA CHE SI MUORE
Справляясь о часѣ, подумай о томъ, что умрешь.

Часто надпись принимаетъ характеръ разговора:

IO REDIBO TU NUNQUAM
Я ворочусь, ты никогда.

LE ORE DEL DI SON SEI VOLTE QUATTRO
MA UN DI NON CONTERAI LE VENTIQUATTRO
Часовъ въ однихъ суткахъ шесть разъ по четыре,
Но будетъ день, ты не просчитаешь всѣ двадцать четыре.

RICORDATI CHE QUI CONTIAMO INDUE
L'ORE MIE TU CONTI ED IO LE TUE
Помни, что здѣсь мы считаемъ вдвоемъ:
Ты часы мои считаешь, я — твои.

Какая-то есть трагическая шутливость въ легкости этого «разговора». Это почти то, что нѣмцы называютъ Galgenhumor (виселичный юморъ). А вотъ еще нѣсколько надписей въ совсѣмъ безстрастномъ, безличномъ тонѣ философскаго реченія:

QUOT HORUM LAPSUS
TOT AD MORTEM PASSUS
Сколько часовъ прошло,
Столько къ смерти шаговъ.

ET LE RICHE ET LE PAUVRE
ET LE FAIBLE ET LE FORT
VONT TOUS EGALEMENT DES DOULEURS A LA MORT
И богатый, и бѣдный, и слабый, и сильный,
Всѣ равно идутъ отъ страданія къ смерти.

REGRET POUR CELLE QUI FUIT
EFFROI POUR CELLE QUI VIENT
Сожалѣніе тому часу, который уходитъ,
Страхъ передъ тѣмъ, который приходитъ.

VULNERANT OMNES
ULTIMA NECAT
Ранятъ всѣ (часы),
Послѣдній убиваетъ.

И наконецъ краткое, но по-англійски точное и немудреное—

WE SHALL DIE ALL
Мы всѣ умремъ.

Это можно сравнить съ нашимъ—«Всѣ тамъ будемъ».

Послѣдняя надпись даже послужила поводомъ къ игрѣ словъ. Только подумайте: вокругъ смерти каламбуръ! Слова «Die all» по созвучію очень близко совпадаютъ съ англійскимъ названіемъ солнечныхъ часовъ—«dial» (отсюда и я позволилъ себѣ иногда говорить—«діалъ»). Такъ вотъ,—вошло въ обычай въ Англіи писать только первую часть надписи — «We shall», а ужъ самъ «діалъ» досказывалъ конецъ. Одинъ пасторъ, очевидно, не понявъ, «въ чемъ соль», приказалъ на циферблатѣ башенныхъ часовъ своей церкви написать—«We must» (Мы должны). Но циферблатъ, конечно, ничего не доказывалъ. Видите,—вокругъ смерти не только каламбуръ, но и анекдотъ.

Говоря объ отношеніи человѣка къ смерти и о томъ, какъ это отношеніе выражается въ изреченіяхъ, въ томъ, что принято называть народной мудростью, не могу не остановиться на одномъ, исключительно русскому языку свойственномъ реченіи—«И умирать не надо».

Какое своеобразное отношеніе къ смерти. Вѣдь это что значитъ?—Здѣсь такъ хорошо, что и не надо, нѣтъ причины умирать, можно и не умирать. Иными словами: обыкновенно такъ плохо, что надо умирать. Смерть является необходимымъ выходомъ, необходимымъ прекращеніемъ невыносимаго. Какъ будто умираніе есть нѣкое со стороны человѣка рѣшеніе, которое онъ можетъ принять, а можетъ и не принять; нѣкая работа, какъ напримѣръ: сегодня такъ тепло, что и топить не надо; и не будемъ топить. А другой скажетъ—здѣсь такъ хорошо, что

и умирать не надо. . . Да, только продолженія ужъ не скажешь. Выходитъ, что и не надо бы, а все-таки приходится... Странное, своеобразное русское реченіе...

* * *

Нравоучительство солнечныхъ часовъ почти всегда вращается вокругъ ВРЕМЕНИ и его дѣленій, — ДЕНЬ, ЧАСЪ. Подъ ними подо всѣми чувствуется стихъ Вергилія—

Sed fugit interea, fugit irreparabile tempus.
Но между тѣмъ бѣжитъ, бѣжитъ безвозвратное время.

ELLE FUIT HELAS
Увы! онъ (часъ) уходитъ.

QUID STAS TRANSIT HORA
Чего стоишь? Часъ проходитъ.

HORA RUIT
Часъ стремится.

Или совсѣмъ кратко:

PRAETEREUNT
Проходятъ!

Какъ будто съ нетерпѣніемъ окликаютъ человѣка, чтобы «не зѣвалъ». Вѣдь что съ нимъ подѣлаешь?—

VASSENE L'TEMPO E L'UOM NON SE N'AVVEDE
Время то уходитъ, а онъ не замѣчаетъ.

Дантэ это сказалъ, часы повторяютъ, а человѣкъ хоть бы что,—и въ усъ себѣ не дуетъ.

CARPE FUGIT
Лови! Бѣжитъ.

PROPERATE FUGIT
Торопитесь, — бѣжитъ.

Или совсѣмъ кратко:

FUGIT
Бѣжитъ!

Это своего рода «Ату его!», которое Тѣнь бросаетъ человѣку, чтобы ловилъ ВРЕМЯ. Вообще Духъ, говорящій въ солнечныхъ часахъ, не любитъ, чтобы мѣшкалъ человѣкъ. Когда о ВРЕМЕНИ рѣчь, онъ никогда его не задерживаетъ:

ASPICE ET ABI
Посмотри и ступай.

Такъ онъ отпускаетъ путника безъ всякаго участія къ нему. Иногда онъ бываетъ любезенъ и говоритъ:

VIDE ET VALE
Виждь и будь здравъ.

Но чаще всего не упускаетъ случая поднять указательный перстъ:

ASPICE RESPICE PROSPICE
Смотри, назадъ смотри, впередъ смотри.

О, осмотрителенъ Духъ, вѣщающій въ солнечныхъ часахъ! Не обольщается видимостью и человѣка предупреждаетъ не обольщаться, ибо—

SIC VITA
DUM FUGIT STARE VIDETUR
Ужъ жизнь такова: какъ будто стоитъ,
Смотришь, — бѣжитъ.

Мудрый воспитатель. Въ школѣ, во дворѣ, гдѣ ученики отдыхаютъ и играютъ, онъ предостерегаетъ:

ENFANT SOUVIENS TOI QUE JE SERS
A MARQUER LE TEMPS QUE TU PERDS
Помни, дитя, что затѣмъ я и здѣсь,
Чтобъ отмѣчать тѣ часы, что теряешь.

Знаетъ цѣну времени! Знаетъ, что

CRESCIT IN HORA DOCTRINA
Во времени зрѣетъ наука.

Серьезенъ, вдумчивъ, легковѣснаго отношенія къ себѣ не принимаетъ и не любитъ пустой критики:

AUT LAUDA AUT EMENDA
Иль хвали, или поправь.

Иногда говоритъ чужими словами, — словами великихъ поэтовъ и мыслителей. А иногда заимствуетъ лишь форму. Такъ, есть привѣтствіе, взятое изъ знаменитаго изреченія Юлія Цезаря:

VENI VIDE VALE
Приди, посмотри, прощай.

То же, но съ бо́льшимъ участіемъ, такъ сказать, съ бо́льшими проводами:

VIDE AUDE TACE.
Виждь, внимай, молчи.

Тютчевъ продолжилъ:

Молчи, скрывайся и таи...

Онъ любитъ, Духъ солнечныхъ часовъ любитъ риѳму, даже дешевенькую, и онъ часто услаждается созвучіемъ похожихъ словъ:

ORA EST HORA
Молись, пришелъ часъ.

MONEO NON MANEO
Предупреждаю, но не задерживаюсь.

PASSE PASSANT
Проходи, прохожій.

L'OMBRE PASSE ET REPASSE
ET SANS REPASSER L'HOMME
PASSE
Тѣнь проходитъ, и снова проходитъ,
Но, не возвращаясь,
Проходитъ человѣкъ.

VOUS QUI PASSEZ
SOUVENEZ VOUS EN PASSANT
QUE TOUT PASSE
COMME JE PASSE
Вы, которые проходите,
Помните, проходя,
Что все проходитъ,
Какъ и я прохожу.

Иногда какъ будто желаніе испортить настроеніе, сдѣлать гримасу, сказать—«Что взялъ»? или—«Кукишъ съ масломъ».

EN REGARDANT VOUS VIELLISSEZ
Пока смотрите, старитесь.

N'EN PERDS AUCUNE
Не теряй ни одного.

UMBRA TIBI SOL MIHI
Тѣнь тебѣ, солнце мнѣ.

VOS UMBRA ME LUMEN REGIT
Вами тѣнь, мною свѣтъ руководитъ

Есть вопросы, иногда страшные, иногда ехидные:

FUGGON I GIORNI TUOI QUAL OMBRA O VENTO
E VIVER PUOI UN ORA SOL CONTENTO
Бѣгутъ твои дни, какъ тѣнь или вѣтеръ,
И ты можешь одинъ часъ прожить довольный?

VEDI L'ORA MIA
E L'ORA TUA NON SAI
Видишь мой часъ,
А своего не знаешь?

Не къ одному человѣку обращается Духъ солнечныхъ часовъ. Онъ говоритъ солнцу (по-испански);

SE ME MIRAS
ME MIRAN
Если ты смотришь на меня,
То и они на меня смотрятъ.

А знаете ли, кстати, испанскую поговорку? Она сюда не относится, но созвучіе мнѣ приводитъ ее на память, и слишкомъ она хороша, чтобы не привести ея:

SE ME MIRAS ME MATAS
SE NO ME MIRAS ME MUERO
Если смотришь на меня, убиваешь меня,
Если не смотришь, — я умираю.

Вотъ что говорятъ солнечные часы о Тѣни:

LIGHT IS THE SHADOW OF GOD
Свѣтъ есть тѣнь Господня.

ILLUMINAT UMBRA
Тѣнь просвѣщаетъ.

DOCET UMBRA
Тѣнь научаетъ.

AVEC L'OMBRE JE MARQUE
Тѣнью отмѣчаю.

Но бываютъ и безвыходныя положенія: какъ быть?—

CUM UMBRA NIHIL
SINE UMBRA NIHIL
Съ тѣнью ничего,
Безъ тѣни ничего.

А мудрый грекъ восклицаетъ:

PANTA SKIA
Все тѣнь.

Иными словами—«суета суетъ»...

Вотъ что говорятъ часы о собственномъ движенiи:

A LUMINE MOTUS
Отъ свѣта движенiе.

TACITO PEDE LABORO
Молчаливымъ шагомъ работаю.

NON REGO NISI REGAR
Не руковожу, если не руководимъ.

IMMOTUS VERTO
Недвижный вращаюсь.

О сравнительной длительности времени въ счастiи и несчастiи:

AFFLICTIS LENTAE
CELERES GAUDENTIBUS HORAE
Страждущимъ медленны,
Быстры счастливымъ часы.

FELICIBUS BREVIS
MISERIS VITA LONGA
Для счастливыхъ коротка,
Для несчастныхъ жизнь долга.

DURANT IN TRISTITIA
VOLANT IN LAETITIA
Длятся въ печали,
Въ радости летятъ.

LE PLAISIR LES ABREGE
Удовольствiе ихъ укорачиваетъ.

Такъ проходятъ дни, проходятъ неизмѣримые, неисчислимые, проходятъ, «какъ паломники»—
LES JOURS PASSENT COMME LES PELERINS

Проходятъ часы, еще болѣе неисчислимые,—развѣ кто когда сосчитаетъ?... И хотя говоритъ одна надпись—

SAPIENTIS EST NUMERARE
Признакъ мудраго человѣка считать —

но другая кричитъ человѣку:

UTERE NON NUMERA
Пользуйся, не считай!

Третья зоветъ:

SINT TIBI SERENAE
Да будутъ тебѣ ясными (часы) —

и больше ничего,—

HOC MEA FORTUNA TUA
Это мое (счетъ), а счастье твое.

Только умѣй ловить и поймать. И не объ одномъ ВРЕМЕНИ, но и о счастіи говоритъ Духъ, когда зоветъ—

CARPE
Лови!

FUGIT
Бѣжитъ!

Бываютъ черточки эпикурейства, и среди этого MEMENTO MORI, бываетъ и напоминаніе о томъ, что—

EST HORA BIBENDI
Теперь часъ питія.

Вѣдь только недостаетъ приглашенія на плясъ, и будетъ гораціевское

Nunc est bibendum, nunc pede libero
Pulsanda tellus.
(Пить теперь время, время притаптывать
Землю ногой.)

Эти эпикурейскія поблажки нисколько не мѣняютъ общаго характера часовой «литературы». Знаете, когда среди дѣтскаго праздника вдругъ дѣти въ ладоши бьютъ: «Бабушка съ Дѣдушкой тоже пустились танцовать!» Это не убавляетъ авторитета старости, не сообщаетъ ей легкомыслія. Такъ и эпикурейскія поблажки той Мудрости, что вѣщаетъ въ солнечныхъ часахъ. Онѣ какъ будто говорятъ: «Пусть себѣ потѣшится... Чѣмъ бы ни тѣшилось...» Я бы сказалъ, что это—улыбка, которую бытіе даритъ быту. И улыбка эта не мѣняетъ серьезности мудраго лица. Да, наконецъ, не есть ли и сама улыбка одинъ изъ видовъ мудрости?...

Большая прелесть въ этой легкости, большая въ этой поверхности глубина. И когда это только люди привыкнутъ къ тому, что легкость не то же, что легкомысліе? Развѣ легкомысліе—признать, что

FUMUS ET UMBRA SUMUS
Мы лишь дымъ и тѣнь —

и развѣ не много тяжести въ признаніи этой легкости?

А въ игрѣ съ этой тяжестью развѣ не много горечи? Среди оптимистической легкости, среди незлобивой покорности развѣ не тяжелымъ камнемъ падаетъ признаніе, что

CUM COELUM ASPICIO QUAM MIHI SORDET HUMUS
Когда созерцаю небо, какъ претитъ мнѣ земля!

И когда, склонившись надъ кругомъ солнечныхъ часовъ, читаетъ человѣкъ—

ITA VITA
Такова жизнь —

что, тотъ вздохъ, съ которымъ онъ отходитъ въ сторону, вздохъ покорности передъ тяжелой необходимостью или вздохъ облегченія? .. Кто отвѣтитъ? Только не природа, не «равнодушная природа». Каждое утро, рождаясь изъ водъ, свѣтило дня провозглашаетъ:

PRO CUNCTIS ORIOR
Для всѣхъ встаю,

для всѣхъ безъ различія:

OMNIBUS IDEM
Для всѣхъ одинаковъ.

Передъ неминуемостью, передъ жестокою неумолимостью Рока одинаково почтенны и достойны ува-

женія—и покорность, и легкость отношенія. Въ маленькомъ приборѣ совмѣстить смыслъ космическихъ силъ и приводить его въ дѣйствіе самими этими силами столь же игрушечно-затѣйливо, сколько философски-глубоко. Есть игрушки страшныя. Шекспиръ въ одномъ изъ сонетовъ говоритъ:

The glass will show how thy beauties wear,
The dial how thy precious minutes waste.
(Зеркало покажетъ тебѣ, какъ изнашивается твоя краса;
Часы покажутъ, какъ тратятся тобой драгоцѣнныя мгновенья).

Да, есть страшныя игрушки. И не всегда играющій т ѣ ш и т с я игрой. Одна изъ страшныхъ игрушекъ—солнечные часы. И если человѣкъ заноситъ на ихъ доску легковѣсныя изреченія, то вполнѣ понятно, что онъ хочетъ набросить покровъ на то страшное, что они въ себѣ таятъ. Но не надо обольщаться этой легкостью, подъ нею горькое чувство невозвратимости утратъ, неразрѣшимости загадокъ, безотвѣтности вопросовъ. Такъ, со словесной легкостью, въ почти безудержной ритмической поспѣшности торопитъ насъ англійская надпись:

SEIZE THE MOMENTS WHILE THEY STAY
SEIZE AND USE THEM .
LEST YOU LOOSE THEM
AND LAMENT THE WASTED DAY
Ахъ, лови мгновенье въ жизни,
Взявъ, используй, —
Вѣдь упустишь, —
И жалѣй утрату дня.

* * *

Проходя сквозь окраску тѣхъ настроеній, въ которыя погружаетъ насъ чтеніе надписей на солнечныхъ часахъ, не могу еще разъ не вспомнить,—уже на послѣдней страницѣ этой книжки,—дорогого друга Марка Аврелія, того, кого Мережковскій помѣстилъ въ число своихъ «Вѣчныхъ Спутниковъ». Вотъ человѣкъ,—прошелъ по землѣ и остался навсегда. И чѣмъ остался? То есть,—благодаря чему? Благодаря какому-то совершенно ему одному присущему слiянiю мысли и настроенiя. Остался благодаря близости, доступности и душевности его философіи. Не кажется вамъ (если вы знакомы съ Маркомъ Авреліемъ), не кажется вамъ, что иногда прямо онъ говоритъ? Одна надпись въ особенности какъ-то звучитъ точно изъ его устъ,—французская надпись:

POURQUOI LA CHEBCHER SI C'EST POUR LAPERDRE
Зачѣмъ искать его (часъ), если для того, чтобы потерять?

Развѣ это не Маркъ Аврелій? Развѣ это не то же, что онъ разумѣлъ, когда писалъ: «Помни, что ты не можешь испортить другую жизнь, чѣмъ ту, которую прожилъ, и не можешь прожить другую жизнь, чѣмъ ту, которую испортилъ». Да, не могу не вспомнить и не отмѣтить, что въ этой прогулкѣ сквозь время и часы другъ Маркъ, «Вѣчный Спутникъ» человѣчеству, вѣчный спутникъ всѣмъ намъ путникамъ, былъ спутникомъ и мнѣ. Ни въ комъ не чувствую такую родственность мышленія и настроенія въ вопросахъ ВРЕМЕНИ и всѣхъ съ нимъ связанныхъ, какъ въ немъ, въ этомъ императорѣ. Ни въ комъ не ощущаю столь близкое соприкосновеніе цѣнности и бренности,

ясности сознанія и сознанія неясности, какъ въ миротворящемъ Маркѣ.

Вопросы времени и пространства, совсѣмъ помимо философскаго значенія, играютъ роль и въ явленіяхъ психологическаго характера. Они страшны, какъ страшно все неизвѣстное; они таинственны, какъ таинственна сама жизнь. Они волнующи, сами по себѣ волнующи, и всякій безпорядокъ въ этой области потрясаетъ наше существо до усумнѣнія въ здравости нашихъ умственныхъ силъ. Заблудиться во времени не менѣе страшно, чѣмъ заблудиться въ пространствѣ, и я думаю, нѣтъ для человѣка болѣе плачевнаго конца, какъ тѣ болѣзни, которыя приводятъ къ утратѣ сознанія пространства и времени. Я однажды видѣлъ во снѣ, что вытащилъ изъ кармана часы: стрѣлки бѣжали одна за другой, какъ сумасшедшія, а на циферблатѣ были стерты всѣ знаки . . . Вотъ когда понимаешь, что это извѣстнаго рода якорь спасенія—Кругъ и даже Тѣнь.

* * *

Не знаю, какъ вамъ . . . читатель . . . Говорятъ, надо говорить—«благосклонный читатель»? Впрочемъ, такъ говорили давно тому назадъ. Говорили въ то время, когда въ первыхъ строкахъ «Капитанской Дочки» Пушкинъ «подъѣзжалъ къ мѣсту своего назначенія». . . Перестали говорить. Обычай ли измѣнился, измѣнился ли читатель, благосклонность вообще не свойственна нашему вѣку,—только вышло изъ обихода, вмѣстѣ со многимъ прочимъ вышло изъ

обихода и это обращеніе. Однако не случайно подвернулось оно мнѣ подъ перо. Мы такъ много съ Вами прошли вмѣстѣ въ этой главѣ (а кто знаетъ,—можетъ быть, и въ другихъ), столько земель, столѣтій, столько истинъ, заблужденій, столько чувствъ и настроеній; столько вопросовъ осталось безъ отвѣта, столько отвѣтовъ осталось подъ сомнѣньемъ, — и все это мы продѣлали вмѣстѣ, и все это пройденное и затронутое было вѣдь намъ съ Вами не безразлично. Если мы одинаково съ Вами думаетъ, то, естественно, Вы «благосклонны»; если не одинаково, то тѣмъ болѣе желаю Вашей благосклонности. И разными путями путники идутъ, а передъ тѣми же часами на перепутьи останавливаются, — надъ той же надписью склоняются, тотъ же отвѣтъ читаютъ и съ тѣмъ же вздохомъ расходятся—въ разныя стороны, но подъ однимъ солнцемъ и въ одинъ и тотъ же часъ. И нѣтъ имъ основанія быть другъ къ другу не благосклонными. А вѣдь мы все время съ Вами шли однимъ путемъ. . .

Такъ вотъ, не знаю, какъ Вамъ,—благосклонный читатель,— а мнѣ грустно уходить изъ того міра мысли, въ которомъ мы съ Вами прожили, странствуя отъ столба къ столбу, отъ круга къ кругу, отъ надписи къ надписи, подъ однимъ свѣтомъ, но мимо столькихъ тѣней. . .

КРУГЪ и ТѢНЬ, сказали мы. Нѣтъ, не мы,—сказалъ одинъ про себя и про себѣ подобныхъ, одинъ изъ тѣхъ таинственныхъ приборовъ, гдѣ на земной кругъ кругъ небесный бросаетъ черную земную тѣнь. Но мыслью нашей мы восходимъ и отъ земного круга поднимаемся къ кругамъ вселенной, въ единомъ

кругѣ мірозданія сливающимся; а отъ бѣглой тѣни часового стержня переносимъ мысль на все вообще измѣнчивое, все непостоянное. Отъ вещественнаго круга зримой вселенной поднимаемся къ незримому кругу явленій духовныхъ, въ тотъ міръ, гдѣ пребываютъ устойчивость и постоянство, незыблемость и неизмѣнность,—въ тотъ міръ, гдѣ человѣка нѣтъ. Отъ вещественной тѣни, земными предметами бросаемой, переходимъ къ измѣнчивымъ условіямъ существованія въ томъ мірѣ, гдѣ устойчивости нѣтъ, нѣтъ постоянства, гдѣ все зыблемо, все подвержено сомнѣнію,—въ тотъ міръ, гдѣ живетъ человѣкъ. Отъ КРУГА идемъ къ вѣчному, отъ ТѢНИ идемъ къ преходящему. Отъ КРУГА—къ внѣчеловѣческому, отъ ТѢНИ—къ человѣческому.

Отъ ТѢНИ распространяемся въ бытъ, отъ КРУГА поднимаемся въ бытіе.

И вотъ почему въ этой книгѣ, «Бытъ и Бытіе»,— эпиграфъ и заглавіе послѣдней главы, начало и конецъ,—

ORBIS ET UMBRA.

Неаполь
22 Декабря 1923.

УКАЗАТЕЛЬ ЦИТАТЪ

(Цифра въ скобкахъ означаетъ порядокъ цитаты на страницѣ).

ОГЛАВЛЕНІЕ

Joseph FLOCH, Maître-Imprimeur à Mayenne 30 - 1 -1978 - n° 6257

НОВАЯ СЕРИЯ ПЕРЕИЗДАНИЙ

В эту серию войдут книги литературного, общественного и религиозно-философского содержания давно распроданные, а вместе с тем, по значению своему и качеству, необходимые широкому кругу читателей.

1 — К. МОЧУЛЬСКИЙ — Духовный путь Гоголя. (Париж 1934), 150 стр.
2 — В. ХОДАСЕВИЧ — Некрополь. (Брюссель 1939), 280 стр.
3 — Э. ГОЛЛЕРБАХ — В. В. Розанов. (Петроград 1922), 112 стр.
4 — М. ЦВЕТАЕВА — После России (1922-1925). Стихи. (Париж 1928), 160 стр.
5 — Сергей БУЛГАКОВ — Тихие думы. Из статей 1911-1915 г.г. (Москва 1918 г.), 204 стр.
6 — Ф. ТЮТЧЕВ — Политические статьи. (С.-Петербург 1900 г.), 178 стр.
7 — К. ЧУКОВСКИЙ — Книга об Александре Блоке. (Берлин 1922 г.), 170 стр.
8 — А. РЕМИЗОВ — Огонь вещей. (Париж 1954 г.), 232 стр.
9 — ЛИК ПУШКИНА. Три речи: о. С. Булгакова, А. Карташева, В. Ильина. (Печоры 1938), 48 стр.
10 — Б. НОЛЬДЕ — Юрий Самарин и его время. (Париж 1926 г.), 248 стр.
11 — О религии Льва Толстого. Сборник статей. (Москва 1911 г.), 260 стр.
12 — Н. МЕТНЕР — Муза и мода. (Париж 1935 г.), 160 стр.
13 — Л. КАРСАВИН — Saligia. (Петроград 1919 г.), 80 стр.
14 — Н. АНЦЫФЕРОВ — Душа Петербурга. (Петроград 1922 г.), 232 стр.
15 — Кн. С. ВОЛКОНСКИЙ — Быт и бытие. (Париж 1924 г.), 232 стр.
16 — Памяти Блока. (Петроград 1922), 112 стр.